

что больше всего?

ложь?

ХЛАДНОКРОВНО

смерть?

или любовь?

АННА ВИДЗИС

<https://t.me/ecstacybooks>

Внешность на первый взгляд обманчива для многих. Но меня она не обманула... или мне так показалось. От низкого голоса до глубокого взгляда. Ксавьер Блейк — это все, чего мне нужно избегать. Мой соперник в учебе. Лучший друг моего брата. Мой парень. Его игры разума — я могу выжить. Его ложь — я вижу. Его секреты — я знаю, что они у него есть. Но ночь, которую мы разделили, не была тем, чего я ожидала. Она перевернула мой мир вокруг своей оси, и я не вижу выхода. И тогда, вот так просто, моя жизнь начала зависеть от него. Мрачная сказка становится явью. Вопросы преследуют меня до самого конца... Что причиняет боль? Самую сильную? Что ранит больше всего? Ложь? Поступки? Или любовь?

АВТОР: Анна Видзис

ПЕРЕВОД: t.me/ecstasybooks

Информация о юридических, академических, медицинских и любых других начинаниях была тщательно изучена. Я провела многочисленные беседы со специалистами, прочитала множество книг, чтобы быть как можно более точной, и имела чувствительных читателей, впервые проходящих через эту историю. Однако, пожалуйста, имейте в виду, что это также и художественное произведение. Поэтому я позволила себе немного творческой свободы. Вы можете обнаружить некоторые расхождения между реальностью и фактами.

Это мрачная и извращенная книга, в которой поднимаются такие темы, как убийство, проблемы психического здоровья, гомофобия, расизм, гедонизм, лево-правый политический спектр, но вы не должны рассматривать все это как руководство к действию в любом виде или форме. Это мой способ показать, как много плохих вещей происходит в жизни, рассказать о некоторых из них, а не просветить вас как таковых. Это также не руководство по отношениям. Пожалуйста, не ищите в этой книге никаких советов.

Хладнокровно — это для тех, кто хочет испытать и почувствовать нечто большее. Кто не видит мир через розовые очки и чувствует потребность открыть для себя темную сторону всего этого. Это мой страстный проект. Я несколько месяцев вынашивала его в своей голове, прежде чем решила изложить все на бумаге. Надеюсь, вы что-то почерпнете из этого, что бы это ни было.

Зрелое содержание, язык для взрослых, графические сексуальные сцены и тревожные вопросы могут вызвать эмоциональную реакцию. Читайте на свой страх и риск .

ПЛАЙЛИСТ

Swan Lake — *Pyotr Ilyich Tchaikovsky*
Persephone — *Tamino*
Sleeping Lotus — *Joep Beving*
The Secret History — *The Chamber Orchestra of London*
Achilles Come Down — *Gang of Youths*
Beautiful Crime — *Tamer*
But Never a Key — *Dirt Poor Robins*
Between The Bars — *Elliot Smith*
Godless — *BANKS*
I Want To — *Rosenfeld*
Ghost — *Zoe Wees*
Maraschino Love — *EZI*
1216 — *Echos*
That's How It Goes — *Zoe Wees, 6LACK*
Jar of Hearts — *Christina Perri*
Renaissance — *Paolo Buonvino, Skin*
Experience — *ibi*
Far From Home — *Sam Tinnesz*
Flawless — *The Neighbourhood*
Playground — *Bea Miller, Arcane*
Hurricane — *Thirty Seconds To Mars*
Somebody Else — *Ruelle*
The End Is Where We Begin — *Thousand Foot Krutch*
Livin' in a World Without You — *The Rasmus*
Only Love Can Hurt Like This — *Paloma Faith*
Devil Doesn't Bargain — *Alec Benjamin*
Dear God — *Ruben*
Cloud — *Elias*
Feeling Good — *Michael Bublé*
Don't You Know — *Jaymes Young*
Contemplation — *Magnus Ludvigsson*
Cake — *Melanie Martinez*
Fur Elise — *Alexander Joseph*
You and I — *PVRIS*
Box in a Heart — *The Maine*

Species decipit

(лат.) Внешность на первый взгляд обманчива.

Но меня она не обманула... или мне так показалось.

От низкого голоса до глубокого взгляда,

Ксавьер Блейк — это все, чего мне нужно избегать.
Мой соперник в учебе. Лучший друг моего брата. Мой парень.
Его игры разума — я могу выжить. Его ложь — я вижу.
Его секреты — я знаю, они у него есть.

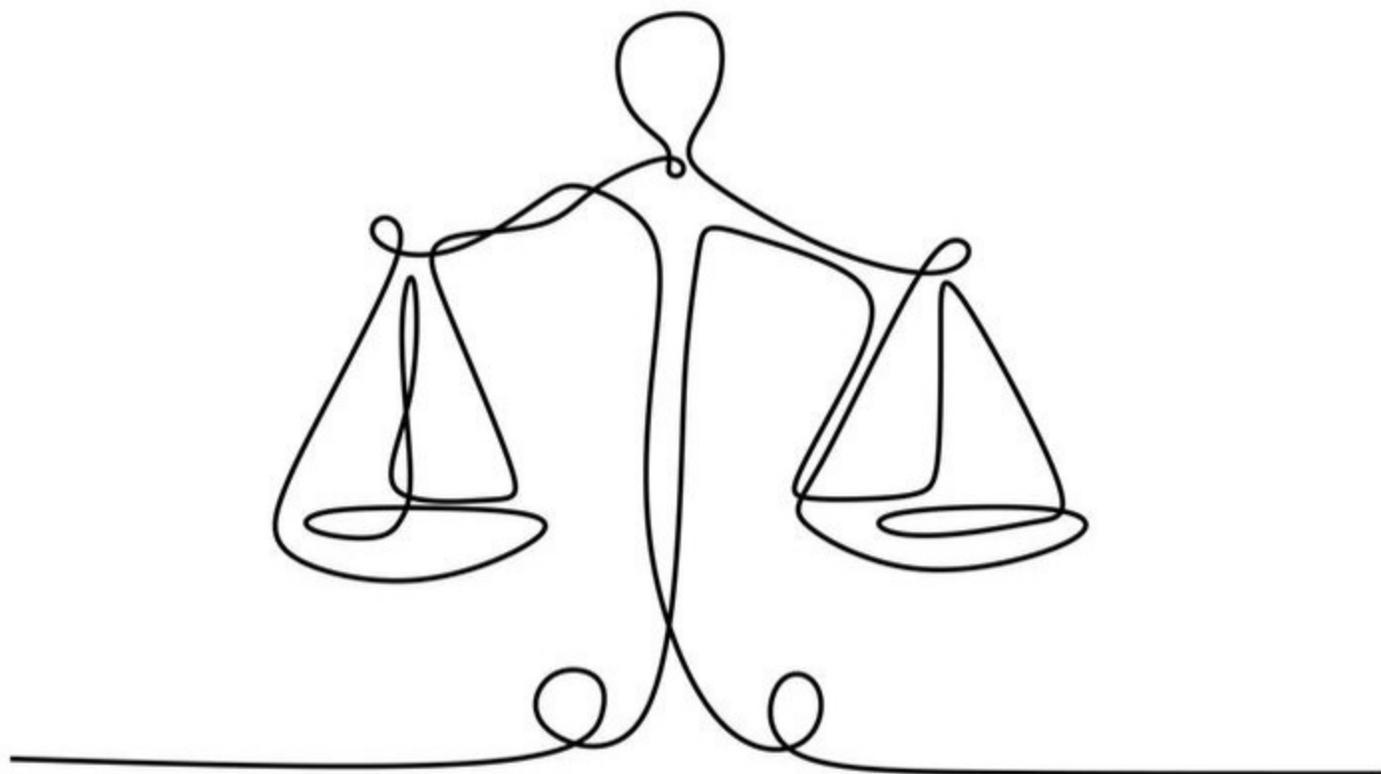
Но ночь, которую мы разделили, не была тем, чего я ожидала.
Она перевернула мой мир вокруг своей оси, и я не вижу выхода.
И тогда, вот так просто, моя жизнь начала зависит от него.
Мрачная сказка становится явью.

Вопросы мучают меня до самого конца...
Что причиняет боль?
Самую сильную?
Что ранит больше всего?
Ложь?
Поступки?
Или любовь?

Для тех, кто жаждет тьмы.

«Правда редко бывает чистой и никогда не бывает простой».
— **Оскар Уайльд, Как важно быть серьезным**

Тея

Кровь повсюду.

Наблюдаю, как она стекает в канализацию, пока я выжимаю тряпку. Мои руки багровые, а остатки крови прилипли к кутикулам и их становится сложнее оттереть. Я смотрю на свое отражение в зеркале. Волосы стянуты в пучок, но несколько прядей прилипли к лицу, и мои глаза красные от усталости.

Снова посмотрев вниз, я выключаю воду, беру тряпку и возвращаюсь обратно.

Всего двадцать минут назад на полу была огромная лужа крови. Капли брызнули на ближайший книжный шкаф и наш стол. А я стояла на коленях и пыталась все это отмыть. Вытирая все.

Быстро, яростно — словно от этого зависела моя жизнь.

Так и есть.

Сейчас в воздухе витает отбеливатель, и если бы это была больница, то ничего необычного в этом не было бы. Но мы в библиотеке. Не совсем то место, где можно ожидать такого запаха. Но к нему примешивается запах лаванды от пасты, которую я нашла вместе с другими чистящими средствами.

Медленно я подхожу к окну и открываю его чуть шире, чем оно было, чтобы мы могли избавиться от всего этого перед уходом. Чем быстрее, тем лучше.

Но тяжесть ситуации все равно остается.

Я чувствую оцепенение. Почему-то все это кажется мне нереальным. Как будто я нахожусь в другом измерении, и все происходит где-то рядом со мной. Но я в этом не участвую. Я смотрю, как Офелия и Элиас заканчивают чистить остальные вещи, стирая и наши отпечатки пальцев. По сравнению с ними я спокойна. Офелия всеми силами пытается сдержать слезы. Руки Элиаса дрожат от каждого взмаха тряпки по поверхности стола.

Открыв бумажный пакет, который нашла в шкафу, я запикиваю туда кухонное полотенце, полностью покрытое кровью, и все, что может показаться неуместным. Тряпку, которой я мыла пол, тоже. Лучше пусть смотритель подумает, что она была неправильно положена, чем ее используют студенты, чтобы скрыть совершение преступления.

— Мне сейчас вырвет от этого запаха, — шепчет Офелия, подходя ко мне с пустой бутылкой отбеливателя. Она кладет ее в пакет.

— По крайней мере, сейчас он, кажется, исчезает, — говорю я ей, глядя на окно.

Она хмурится. — Ты ведешь себя странно. И я не имею в виду это в хорошем смысле, — начинает она. — После всего, что произошло, тебя это, похоже, не волнует.

— Беспокоиться об этом сейчас — пустая трата времени. Сейчас середина ночи, у меня был длинный день, и я полагаю, это просто еще не дошло до моего сознания.

Я беру у Элиаса еще одно кухонное полотенце и прячу его. Он не говорит ни слова. Хотя в его глазах видна паника.

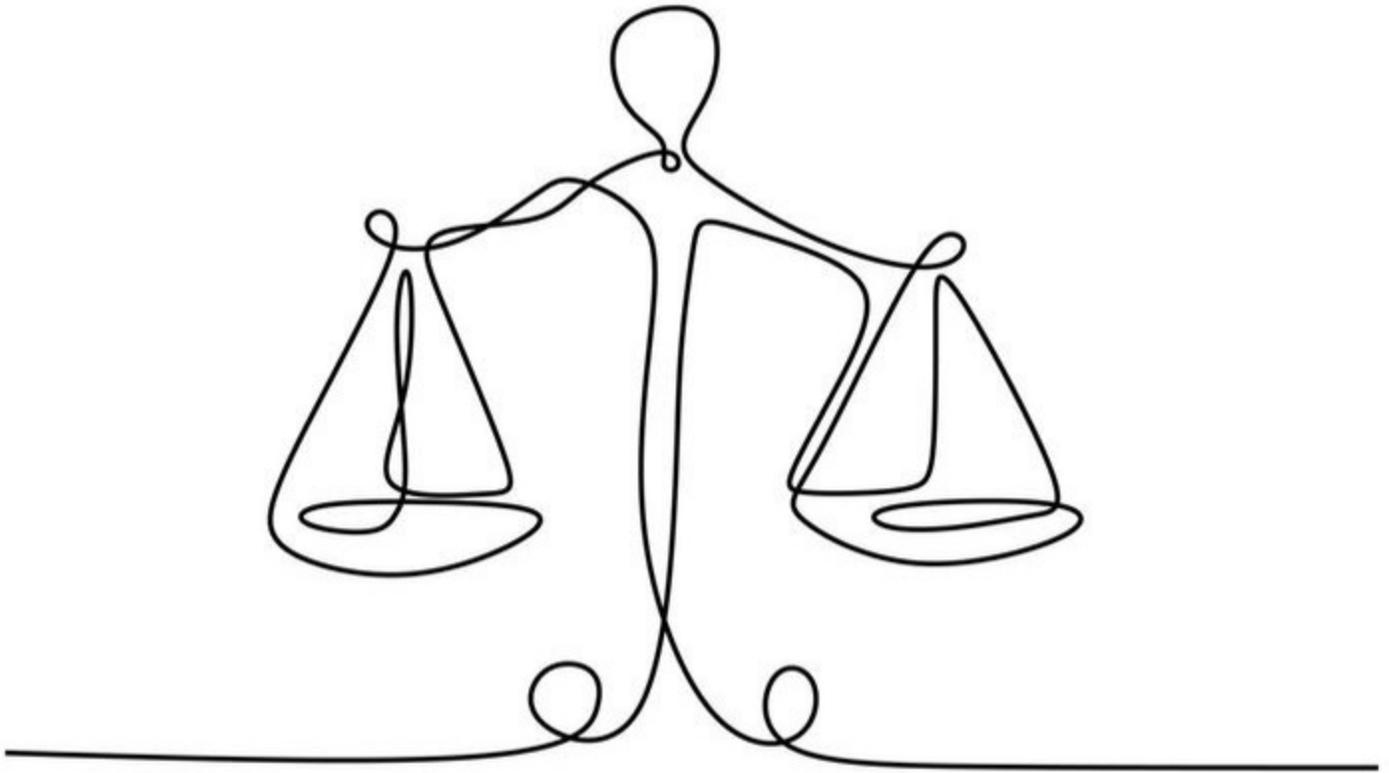
— Нам нужно избавиться от этих вещей. Там слишком много крови, чтобы просто выбросить их.

Офелия задыхается от моего заявления. Затем она сглатывает и протягивает руку.

— Я сожгу это. У меня есть камин.

Мой разум отключается, пока мы готовимся к отъезду. Все, что я делаю, я едва помню, пока не надеваю куртку, прячу окровавленную одежду, чтобы никто не видел, и ухожу, как будто ничего не произошло. Потому что с этого момента мы делаем вид, что ничего не произошло.

Тея

Я слышу его раньше, чем вижу. Он держит пинту, его пальцы постукивают по ободку. Я слушаю его поразительно ужасную ложь, а девушка, сидящая рядом с ним, поглощает ее, как завтрак. Честно говоря, это самое веселое, что у меня было за последние несколько месяцев, поэтому я игнорирую своих друзей, ожидающих меня в одной из кабинок, и сосредотачиваюсь на разговоре, который происходит рядом со мной.

В свою защиту скажу, что я немного пьяна, поэтому желание развлечь друзей беседой не является для меня приоритетом. Когда я выпиваю слишком много алкоголя, до такой степени, что у меня кружится голова, я становлюсь молчаливой. Но, кажется, уместно отпраздновать окончание первого семестра, который принес эти бесчисленные бессонные ночи. Теперь мы можем наконец-то отдохнуть и насладиться предстоящим Рождеством. Или так они продолжают говорить мне.

— Слышала что-нибудь, что тебе понравилось, любимая?

Я наблюдаю, как тело мужчины поворачивается ко мне лицом в тот момент, когда его спутница идет в ванную. Его темно-серые глаза светятся странным светом, который является комбинацией веселья и уровня алкоголя в его крови. Его губы раздвигаются, и из них вырывается длинный, мягкий вздох, за которым следует негромкая усмешка. Очаровательная улыбка растягивает его губы, показывая эти чертовы ямочки на щеках, которые становятся

еще глубже.

Только сейчас я понимаю, что он говорит со мной. Вопреки моему убеждению, я не молча слушала его свидание. Не будем упоминать, что это длится уже почти полчаса. Мой смех застревает в горле. Я слегка наклоняю голову вправо, пытаюсь придумать, что сказать. Невежливо шпионить, и мне неловко, что меня поймали. Однако мужчина не кажется сердитым на меня, а скорее... любопытным?

— Ты ведь знаешь, что подслушивать чужие разговоры невежливо?

Он проводит пальцами по своим взъерошенным темно-каштановым волосам.

Я могу сказать, что он высокий, по тому, как согнуты его колени, а ноги балансируют на металлической опоре, когда он сидит на барном стуле. Для меня это идеальный рост, а мой рост едва достигает 160 сантиметров. Его мышцы идеально заполняют черную рубашку, рукава закатаны до локтей, демонстрируя четкие вены, бегущие вверх по рукам. Черные джинсы с дырками на коленях придают ему непринужденный вид.

Он выглядит как человек, последним решением которого было бы учиться в Кембридже, но в то же время он странно подходит этому месту. И по какой-то причине я не сомневаюсь, что он студент. Мой разум блуждает по всем возможностям его специальности, и только когда он проводит пальцами по моей обнаженной ноге от колена до края кожаной юбки, я вспоминаю, что он задал мне не один, а два вопроса.

— Не слишком ли она наивна для тебя? — Моя бровь приподнимается.

Мужчина пожимает плечами.

— Она достаточно забавна, — говорит он. — Если только у тебя нет встречного предложения?

Я фыркаю от его слов и смеюсь. Моя голова слегка покачивается, и я делаю глоток своего напитка.

— Извини, но у меня, возможно, более высокие стандарты, чем у твоей спутницы. Я бы не поверила во все то, что ты только что рассказывал ей в течение получаса.

— Возможно, именно поэтому наше свидание было бы именно тем, что мне нужно.

Надо признать, он убедительный и стойкий. Но я знаю лучше. Такие мужчины — это беда, написанная заглавными буквами, с мигающими красными лампочками, загорающимися каждый раз, когда они улыбаются тебе. Определенно, это не те люди, с которыми мне стоит сблизиться или даже находиться рядом дольше, чем это совершенно необходимо.

Этот мужчина, как бы его ни звали, плохие новости.

Его улыбка не исчезает при моем отказе, и я могу поставить все свои деньги на то, что он относится к этому как к вызову.

— Я Ксавьер, — говорит он, протягивая руку, в его глазах заиграл кокетливый блеск. Оценив его выражение лица, я принимаю его жест.

— Приятно, — говорю я ему вместо того, чтобы назвать свое имя, как предписывает правило. Зачем ему это нужно? Я не собираюсь искать его позже.

Моя подруга, Офелия, подходит к бару и заказывает еще одну порцию коктейлей для стола. Она бросает на меня знающий взгляд, но не вступает со мной в разговор. Я поворачиваю голову от Ксавьера к ней, шепча ей на ухо, что я вернусь в свою квартиру. Она кивает, вероятно, думая, что я собираюсь забрать Ксавьера с собой.

Не повезло.

Я уже достаточно выпила для одного дня, и мне нужно выспаться.

Я беру пальто со спинки стула и спрыгиваю вниз.

— Разве ты не собираешься хотя бы сказать мне, как люди называют тебя, милая? — спрашивает Ксавьер, даже не заботясь о том, что девушка, которую он развлекал до этого, только что вернулась с сердечками в глазах. Бедная девушка, скорее всего, уже была влюблена в него до сегодняшнего вечера. Это просто видно.

— Не вижу причин для этого.

Как по команде, мой брат появляется из воздуха прямо рядом со мной. Я совсем забыла, что он говорил о том, что тоже собирается пойти куда-нибудь.

— Уилл, наконец-то. Я думал, ты никогда не придешь, — говорит Ксавьер, заставая меня врасплох. Они знают друг друга? Они друзья? Потому что если так, то мой план никогда больше не видется с ним, возможно, только что испарился.

— Я вздремнул и не поставил будильник, — говорит ему Уилл, зевая, а затем смотрит на меня. — Вижу, ты познакомился с моей сестрой.

И тут мой план быть инкогнито рушится.

— Твою сестру? — Ксавьер хмурится. Он переводит взгляд с моего брата на меня, а затем кивает. — Теперь я вижу сходство.

— Да, хорошо. Было приятно пообщаться. Я иду домой.

Я надеваю пальто и без лишних слов направляюсь к выходу. Возможно, после сегодняшнего вечера он узнает мое имя, но флиртовать со мной больше не будет. Все знают, что это своего рода правило — не заводить отношения с бывшей девушкой друга или членом семьи.

Я и не подозревала, что Ксавьер Блейк станет важной причиной пробуждения моей души и беспокойства в моей жизни, чего я никогда не хотела, но получила, как будто это всегда было написано на звездах. Мой парень. Родственная душа, созданная из токсичности, тьмы... и убийства.

Тея

Два года спустя

Непопулярное мнение гласит, что я ненавижу выходные. И я с этим категорически согласна.

Блядь. Этого, наверное, недостаточно. Я презираю, ненавижу и абсолютно хочу прыгнуть с крыши, крича небесам, что пятница, суббота и воскресенье могут идти к черту и сосать мой метафорический член.

Я смотрю в окно едущей машины, и перед моими глазами расплываются деревья. Рядом со мной сидит мой брат Уилл. Он всего на год старше, но ведет себя так высокомерно и всемогуще, что можно подумать, будто он выше всех. Мы только что пересекли границу Эссекса, возвращаясь из Дедхэма, где мы оба выросли. Это всегда был наш дом, хотя он вызывает разные переживания и воспоминания. Ни одно из них мы не разделяем. Годы, проведенные там, создали для меня кошмарную жизнь, которую я хочу оставить позади. Глаза Уилла всегда сияют от восторга, когда он видит свою старую комнату и все, что находится в большом поместье, в котором мы жили. Мои же всегда наполнены слезами, которые я вытираю, делая вид, что это просто обычный день.

Может быть, я преувеличиваю. Тусклое воспоминание о моем детстве только усиливается, чем больше времени проходит. Поэтому иногда я склонна думать о нем хуже,

чем оно было на самом деле. Но одно я знаю точно — это не то, о чем я вспоминаю с нежностью.

Я пыталась — это, честно говоря, должно быть девизом моей жизни. Будь то школа, общественная жизнь или отношения с семьей, я старалась изо всех сил. Но этого никогда не было достаточно, когда в дело вступала яркая личность моего брата. Все, чего бы я ни добивалась, он делал лучше, быстрее или получал отличные результаты. Я занимала второе место во всем, к чему бы я ни прикоснулась. Поэтому очевидно, что я никогда не была достаточной для моей семьи — особенно для моей матери. Родители не должны выбирать любимчиков, хотя она, я думаю, так и не поняла этого.

Уилл был всеобщим любимчиком. По большей части он и сейчас такой. С годами я научилась просто смириться с этим и не грузить его своей неуверенностью. Это не его вина, и он никогда не понимал, что это так. Или лучше сказать — степень моего дискомфорта. И он всегда был моим самым большим сторонником, никогда не был моим врагом.

Сейчас мои детские воспоминания оживают только тогда, когда мы приезжаем в Дедхэм, а это каждые вторые выходные, Пасха, Рождество и, что вызывает у меня мурашки по коже, летние каникулы.

Я поступила в Кембридж два года назад, изучая право — Уилл поступил на год раньше. С того дня мы живем в квартире на территории кампуса, которую снимаем. Наши дни состоят из одиннадцати часов лекций в неделю и трех часов супервизий (прим. занятия, основанные на обмене идеями, мнениями и обсуждением определенных проблем). Раз или два в неделю мы встречаемся с друзьями в пабе или идем на ужин. Остальную часть жизни мы посвящаем библиотеке, где делаем вид, что учимся, но с каждым разом все больше умираем, переступая порог. Так что если кто-то скажет мне, что изучать право легко, я лично позабочусь о том, чтобы воспользоваться отцовским свидетельством на огнестрельное оружие. Не то чтобы он им пользовался — это была просто прихоть много лет назад, когда он решил поохотиться.

Я научилась закрывать глаза на все нежелательные мнения, которые мама высказывает в мой адрес при каждом удобном случае, от разочарования моими оценками до непонимания, почему я не решила поехать за границу в начале этого года, как это сделал Уилл годом ранее. Она всегда ожидает, что я пойду по стопам брата, чтобы хоть чего-то добиться — никогда не преуспевать, просто вписаться в светлое будущее нашей семьи настолько, чтобы им не пришлось скрывать мои неудачи от своих друзей, когда их спросят.

Проехав знак выезда из Дедхэма, я выдыхаю всю накопившуюся тревогу. Я просто рада, что нам удалось уехать на несколько часов раньше, чем было запланировано ранее, потому что еще одна минута закатывания глаз, и они совершили бы путешествие в другое измерение.

Меня даже не волнует, что это был день рождения нашего отца. Честно говоря, я бы не приехала, если бы не тот факт, что я не могла найти достаточно вескую причину, чтобы остаться в кампусе. Мы только за неделю до этого начали новый год, так что соврать, что у нас много учебы, не получилось бы. Кроме того, это дало бы моей семье еще больше власти при следующем визите. Куда бы ни пошел Уилл, я тоже пойду. Или так считает моя мама, и ее не переубедить в обратном.

Сгорбившись в кресле, я дую на прядь волос, падающую мне на лицо.

— Прекрати нести эту чушь, Теодора, — рычит на меня Уилл. От того, как он произносит мое полное имя, мне вдруг захотелось обвить руками его шею. Он слышал язвительные комментарии, которые я говорила себе под нос на протяжении большей части

выходных, и, вероятно, ему этого достаточно.

Я фокусирую на нем взгляд, ударяя по его руке.

— Тебе легко говорить. Они целуют землю, по которой ты ходишь.

Уилл закатывает глаза. Он никогда не понимал разницы между тем, как наши родители относятся ко мне и к нему. А если и понял, то ничего не сказал. Если бы он это сделал, он был бы обязан сделать шаг вперед, как брат, и как бы близки мы ни были, он просто не может противостоять им.

Они буквально плакали от счастья, когда он сказал им, что собирается изучать право. Когда я объявила то же самое, они просто спросили, уверена ли я, что справлюсь с этим. В конце концов, это Кембридж — одно из самых престижных учебных заведений в стране, да и в мире.

Тогда мне стало почти смешно, потому что их вопрос не имел под собой никакой основы. Неважно, достаточно ли я хороша, чтобы учиться там, или нет, но Уилл учился именно там, так что и я должна учиться там.

— По крайней мере, у тебя нет тех ожиданий, которые нужно оправдывать, — говорит он тихо, как будто не хочет, чтобы я это услышала. Слишком поздно, я слышу.

— Ты шутишь? Для них я просто не могу соответствовать ожиданиям, в то время как у тебя они уже есть, даже не делая попыток. Они смотрят на тебя через розовые очки.

Я не хочу ссориться с Уиллом. Вряд ли он виноват в том, что моя мать решила придирается к двум вещам в эти выходные. Во-первых, в этом году я не стала менять предметы, взяв все, что было связано с уголовным правом. Во-вторых, когда же у меня появится парень, ведь я не молодею. Учтите, мне всего двадцать лет. Я проглотила ответ, который вырывался из моего горла. Это вряд ли кого-то касается. Тем более их. Даже если у меня действительно есть парень.

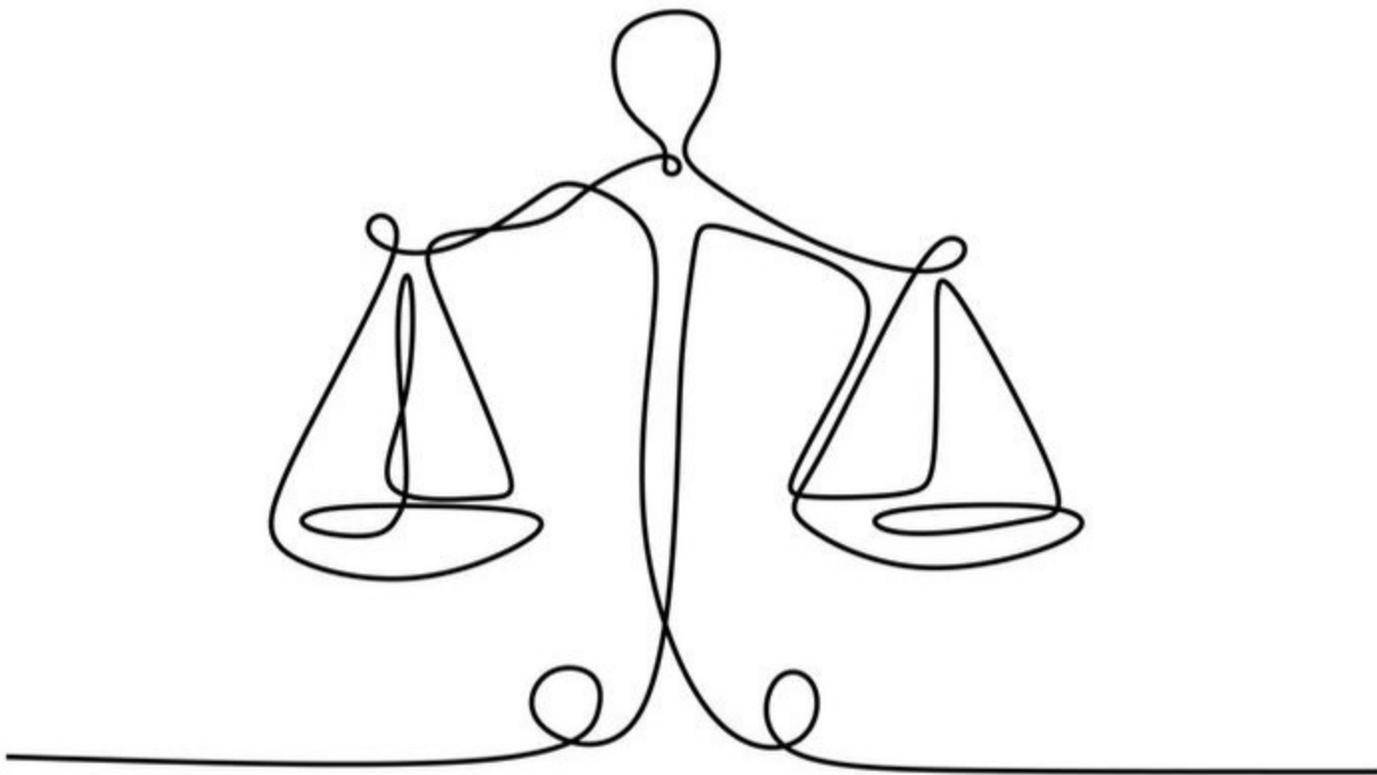
— Это твоя жизнь, Тея. Они могут говорить, но мало что могут сделать. Ты изучаешь право, как они и хотели. То, что ты не преуспеваешь на каждом экзамене, не имеет значения в долгосрочной перспективе. Просто не обращай внимания и продолжай работать над тем, чего ты хочешь.

О да, был один такой комментарий к моему прошлогоднему зачету по уголовному процессу и уголовным доказательствам. Я едва сдала, хотя моя мама просто не могла взять в голову, что мне повезло получить одну из лучших оценок среди всех студентов. Просто предмет был чрезвычайно трудным. Не говоря уже о том, что я так впечатлила лектора, что он решил выбрать меня в качестве одного из тех счастливиц, которым в этом году достанется супервизия по программе «Преступление и уголовное наказание»

Уилл прав. Конечно, он прав.

Однако я все еще не уверена, что стать адвокатом — это мое будущее. Я страстно хочу изменить мир. Именно поэтому я выбрала этот путь — потому что я могу связать угождение моим родителям с тем, чего хочу в жизни. Проблема в том, что я больше не чувствую, что исполняю свою мечту.

Тея

Я спешу по двору с учебниками под мышкой и сумкой в руке, стараясь не споткнуться о развязанные шнурки. Никогда раньше не опаздывала ни на один урок, не говоря уже о супервизиях. В этом году они одновременно и самые любимые, и самые нелюбимые.

Поднимаясь по лестнице юридического факультета, я с трудом перевожу дыхание. Даже если идти сюда десять минут, а добираться за пять, бегом, мне кажется, что прошла целая вечность, когда я, наконец, стучусь в двери кабинета. Я слышу низкое, горловое приглашение мужчины и тяну ручку вниз.

Мой взгляд сразу же притягивается к моему начальнику — Уэсу Корланду. Это мужчина лет тридцати, долговязый, с небольшим количеством мышц под красным бархатным пиджаком с заплатками на локтях, который он любит надевать на занятия. Хотя все, что он носит и делает, раздражающе работает на него. По стандартам Кембриджского университета он еще молод, поэтому большинство студентов смотрят на него с уважением. Он не скучен и знает, о чем говорит, поскольку практикует. Не очень опытный, но очень проницательный человек, когда речь заходит об уголовном праве.

Когда он убирает прядь волос со лба, я вижу раздражение на его лице.

Это не очень хороший знак, когда он показывает свои эмоции.

Прямо перед ним стоит мой партнер — Сэмюэль Хейл. Единственный человек, с

котором я могу сказать, что презираю его чистой совестью. Это заносчивый ребенок, который всегда находит повод упомянуть о том, какой он умный и трудолюбивый. Что его приняли в Кембридж не из-за денег, а благодаря отличным оценкам и стипендии. Я действительно не понимаю, почему это должно быть важно услышать. Тем не менее, похоже, что для него это важная информация. Кроме того, мы не можем этого не слышать по тому, как он себя ведет — как будто он выше всего этого.

Он высокий, хотя и не такой, как Уэс. Его светло-каштановые волосы зачесаны назад, а большие голубые глаза светятся раздражающим удовлетворением от того, что я опаздываю. Ему нравится казаться ответственным, в то время как все остальные просто не воспринимают ничего всерьез.

Или он так думает.

Он поправляет воротник своей безукоризненно выглаженной белой рубашки, и я изо всех сил стараюсь не закатить на него глаза.

— Доброе утро, Теодора. Пожалуйста, присаживайся, — говорит Уэс, жестом указывая на стул рядом с Сэмюэлем.

Он недоволен тем, что нам приходится начинать позже, чем планировалось. Это ясно по тону его голоса, который грубее, чем обычно. Но кроме этого, он решает полностью игнорировать эту ситуацию. Что является благословением. Я не хочу провалить его занятия или супервизии. Он очень разборчив в том, кого берет под свое крыло, и у него это тоже редко получается.

Я ставлю сумку и опускаюсь на сиденье, книги лежат на моих бедрах, пока я смотрю вверх на Уэса.

— Какую тему ты должна была подготовить для меня сегодня? — спрашивает он.

Не то чтобы он не знал. Он из тех людей, которые точно помнят, как я высморкалась на его уроке год назад. Он проверяет нас на каждом шагу, убеждаясь, что не ошиблась, выбрав и меня, и Сэмюэля для своих супервизий.

Они всегда выглядят одинаково. У каждого предмета есть свое контрольное время, отдельное от лекций, которые проходят раз в две недели. Одновременно не может присутствовать более четырех студентов, и каждый должен написать работу на заранее выбранную тему. Иногда у нас есть строго установленные аспекты, на которых мы должны сосредоточиться, а иногда это зависит только от нас. А затем мы представляем ее, рассказываем обо всем, что у нас есть, и задаем вопросы, если это необходимо. Это может быть утомительно, но благодаря характеру таких занятий, они делают студентов более подготовленными ко всему, что выходит за рамки теоретической базы.

Сделав еще один глубокий вдох, чтобы успокоить свое все еще колотящееся сердце, я достаю папку, куда, как я помню, засунула свою исследовательскую работу на сегодня.

И, черт возьми, ее там нет.

Я повторяю — *ее там нет*.

Мои пальцы дрожат.

— Мы должны были подготовить тему о преступлениях на почве ненависти. Во-первых, что это такое, из каких элементов состоит, знать разницу между ненавистью и предубеждением, а также записать несколько практических и теоретических аргументов, — безукоризненно декламирует Сэмюэль.

Мысленно я пробегаю по всем углам спальни и кухни, пытаюсь вспомнить, куда я положила свое задание, которого у меня нет с собой. Потом я вспоминаю, что оно лежало на

пианино в доме моего детства, и понимаю, что забыла забрать его не только из квартиры, но и из Дедхэма.

Выдохнув, я решаю подыграть. Я помню, что написала, так что, надеюсь, этого будет достаточно для Уэса, пока я не смогу сдать свою работу. Мне придется написать ее снова.

Мне повезло.

— Не только это, — говорю я. — Мы должны были осветить причины, по которым происходят преступления на почве ненависти, почему у нас есть законы против них и глубже разобраться, являются ли они дискриминационными или нет.

— Хорошо, Тея, так скажи мне, что ты считаешь преступлением на почве ненависти? Что это для тебя?

Меня всегда удивляло, что Корланд заботится о наших мнениях не меньше, чем о теории. Он подталкивает нас к более критическому мышлению, а не просто пересказывает ему учебник по праву. Особенно на контрольных работах.

— Это порочные признаки узости мышления. Они глубоко затрагивают не только пострадавшего человека, но и то собрание, которым этот пострадавший себя осознает. Преступления на почве ненависти — это то, что нарушает сплоченность сообщества и социальную стабильность.

Сэмюэль качает головой, закатывая глаза. Я вижу это, хотя и не смотрю на него.

— Какая чушь, — бормочет он себе под нос.

Моя голова тут же поворачивается влево.

— Что? — взвизгнула я.

Он бросает мне вызов, изучая мое выражение лица.

— Тебе не кажется, что ты преувеличиваешь насчет узкого кругозора? — спрашивает он, но по тому, как он это говорит, я уверена, что он не хочет услышать ответ. Он хочет полностью подавить мою точку зрения, не оставив мне ничего, чем я могла бы защищаться. — Система уголовного правосудия начала использовать понятие «преступление на почве ненависти», чтобы мы могли представить в суде мотив, стоящий за всем этим, без того, чтобы его отклонили или отодвинули в сторону, но есть много причин, по которым кто-то совершает преступление, так что, возможно, узкий кругозор преступника — это не то, Теодора.

— Мотивов может быть много, но результат только один — ненависть, которая приводит к совершению преступления. Все это встречается на каждом шагу. Так что да, я остаюсь при своем мнении, — говорю я.

— Преступления на почве ненависти — это не одно конкретное правонарушение. Это может быть демонстрация запугивания, опасное причинение вреда имуществу, нападение, убийство и так далее. Думать, что все это основано на ненависти, даже если теория говорит об этом, чистая чушь, — он резко останавливается, глядя на Уэса.

Если бы я не была так зла, я бы посмеялась над ситуацией.

Уэс прочищает горло. — Выскажи свое мнение, Сэмюэль. Только сдержись от проклятий, пожалуйста.

— У нас есть раса, религия, сексуальная ориентация, политические взгляды, инвалидность и многие другие защищаемые характеристики. Преступники различают все эти различия. Они просто предпочитают верить, что одно не равно другому. Я не говорю, что это правильно, но это не делает их сразу узколобыми.

— Нет, просто ужасные человеческие существа.

Мои ладони вспотели, когда я впиалась ногтями в бедро. Как бы мне ни нравился тот факт, что Уэс выбрал меня для занятий с ним, я ни за что на свете не могу понять, зачем ему понадобилось брать Сэмюэля в качестве моего ментального спарринг-партнера. Даже если я хочу притвориться, что он интеллектуально вменяем, его взгляды остались далеко в средневековых временах.

— В каком мире ты живешь? Вы только сейчас начинаете спорить с теорией? — Я продолжаю, игнорируя руководителя, пытающегося меня успокоить.

Глаза Сэмюэля сверкают яростью. — Я не спорю с теорией. Я просто решил увидеть, что в преступлениях на почве ненависти есть нечто большее, чем просто ваш драгоценный фактор ненависти. Многочисленные преступления, вызванные ненавистью, не классифицируются как преступления на почве ненависти. Это *факт*, Теодора. Убийства, например, часто мотивированы ненавистью, но это не преступления на почве ненависти, если только жертва не была выбрана из-за защищаемой характеристики, о которой я уже упоминал.

У меня такое чувство, будто он тащит меня через совершенно другое измерение, бросая вещи на ветер и смотря, что прилипнет.

— Это не уменьшает ненависть.

— Нет, но это делает ее менее надежной, не так ли?

В воздухе витает жара. И я нахожусь в пяти секундах от того, чтобы выбить зубы своему партнеру, когда Уэс взмахивает над нами руками.

— Ладно, этого вполне достаточно. Мы здесь не для того, чтобы спорить, а чтобы обмениваться мнениями. Именно поэтому я не спрашиваю вас о теории. Для этого у нас есть лекции. — Он кивает головой. — Но мы также здесь не для того, чтобы отбрасывать ее.

Он смотрит на Сэмюэля, потом на меня.

— Право и уголовные дела не всегда черно-белые, поэтому американская система оставляет так много места для игры с терминами. Так же, как и мнение Сэмюэля. Система, существующая у нас в Англии, не такая гибкая. Поэтому у Теи тоже может быть хороший угол зрения. Все зависит от того, как вы решите представить преступление на почве ненависти в суде.

Наступает минута молчания. В моих ушах все еще звенит от идиотского мнения Сэмюэля. Я знаю, что Уэсу нравится слушать разные точки зрения, но мой партнер уже не раз показывал, что в повседневной жизни он согласен с характеристиками преступлений на почве ненависти. Именно поэтому он хочет думать, что в перспективе ненависть — это нечто большее. Он хочет притвориться, что ненависть к чему-то или кому-то не является пороком и что она не делает человека узколобым. Но это так.

— Давайте двигаться дальше, ладно? — Уэс показывает на меня. — Какая характеристика, по вашему мнению, должна быть включена в закон?

— Раса — это точно, — говорю я ему.

— Конечно, ты бы так сказала, — снова начинает Сэмюэль. — Выйди немного за рамки своего мышления, Теодора. У тебя смешанная раса, поэтому для тебя это важно, но в мире есть и другие люди. Для некоторых, возможно, что-то другое имеет большее значение.

— Уэс спросил *меня*, что, по моему мнению, должно быть включено в список, так что не лезь не в свое чертово дело. Новость: я не единственный человек, который борется с расизмом. Нас много, так что это не только *мой* образ мышления. Расизм — это проблема во всем мире. Возможно, одна из самых больших в наше время.

— Клянусь, вы двое — самая большая проблема за те несколько лет, что я веду супервизию, — слышу я, как Уэс говорит себе под нос. — Тея, прочитай свое эссе о расовом аспекте. Я полагаю, ты сосредоточилась на нем, так?

Ну, блин...

— Да... но я забыла взять эссе с собой. Извини. Я принесу ее на следующую супервизию, клянусь.

Лицо Сэмюэля озаряется весельем. Кончиками пальцев он постукивает по лежащей на коленях папке, в которой, скорее всего, находилось его сочинение. Ухмылка пересекает его выражение.

— Ты опоздала на нашу супервизию. Вы оба ввязались в жаркий спор вместо того, чтобы обсудить его, как положено вежливым людям, и теперь ты говоришь мне, что у тебя не готово эссе? — В его голосе нет злости. Скорее разочарован, но я знаю, что он, вероятно, сомневается в моей посещаемости из-за этого. Я даже не собираюсь его поправлять. Я подготовила свою работу, просто забыла ее принести. — Я не выбирал тебя, Тея, чтобы отпустить. Хотя, несомненно, сделаю это, если ты снова не придешь вовремя и не возьмешь с собой эссе.

Я киваю. — Да, я понимаю. Этого больше не повторится.

Уэс глубоко вздыхает, но не продолжает эту тему. — Сэмюэль, на чем ты решил сосредоточиться?

— Я не выбрал ни одного. Вместо этого я составил список преимуществ и недостатков некоторых из них. Это нормально?

Если бы могла кричать, я бы это делала прямо сейчас.

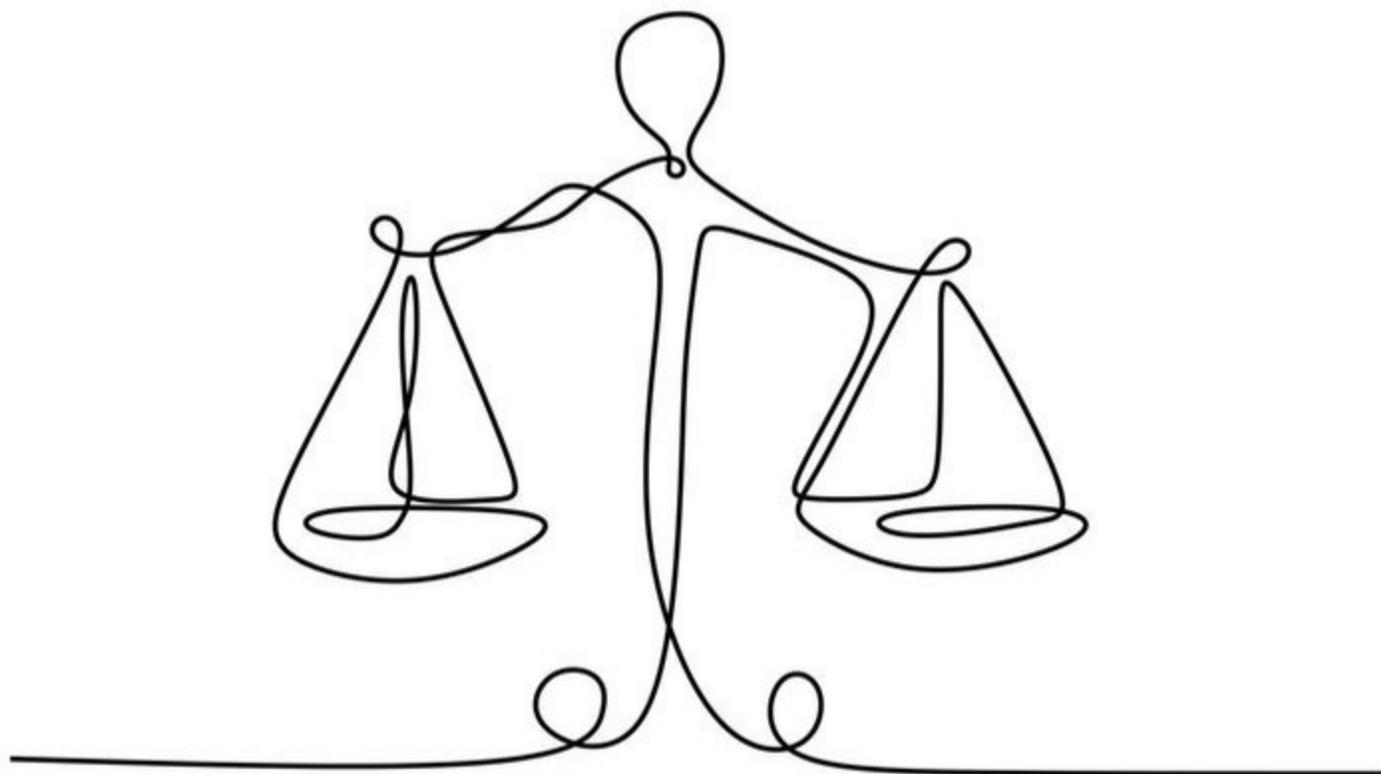
Кому-нибудь еще нужна причина, чтобы увидеть, как Сэмюэль играет с тем, что он на самом деле думает? Он не хочет говорить, что есть какая-то причина для преступлений на почве ненависти, более важная, чем другие, потому что считает, что такие, как он, лучше во всех отношениях — белые, гетеросексуальные. Хотя я даже не уверена, что ему вообще нравятся девушки. Он думает, что выигрывает в жизни.

Он просто отказывается говорить об этом вслух.

Но в какой-то момент он сорвется. Я знаю. И он почувствует, насколько он одинок со своим мышлением, потому что люди не идут изучать право, чтобы спрятаться за ним, они делают это, чтобы бороться с несправедливостью мира, в котором мы живем.

Я это знаю.

Тея

Сегодня воздух вокруг Кембриджа мрачный. Ведь сейчас осень, и дни становятся короче, холоднее и чаще всего дождливыми. Однако сегодня один из моих любимых дней.

Сейчас двадцать минут до полудня, когда я прохожу через Королевские ворота прямо в Большой двор Колледжа Тринити. Я вижу, как студенты расположились вокруг и разговаривают; шум становится громче с каждой секундой. Я улыбаюсь, доставая из сумки свою камеру. Выбрав подходящие настройки для этой неясной погоды, я делаю несколько снимков. Времени еще немного.

В начале каждого года в октябре студенты колледжа Тринити устраивают Большой забег по корту, в ходе которого пытаются пробежать вокруг двора пока часы не пробьют определенное время.

Это, пожалуй, самая странная традиция, о которой я слышала, которая проводится на Выпускной, но в тот момент, когда я впервые наблюдала за ней, приехав в Кембридж, она показалась мне самой захватывающей. Да, наверное, я немного скучный человек, если подобные мероприятия так сильно меня волнуют.

В этом году они перенесли забег на неделю. Я даже не знаю точно, почему, но, возможно, никто не хотел участвовать в забеге, когда шел дождь, а поскольку это мероприятие организуют только студенты, без какого-либо участия руководства колледжа,

это можно было бы легко сделать.

Я никогда не пытался участвовать, потому что я не настолько спортивна, чтобы сделать это. Обычно это делают парни, и большинство из них терпят неудачу. Даже если кажется, что это легко. Легко только в том, что в забеге есть победитель. Чтобы кто-то из них финишировал до остановки часов — большая редкость. Но предположительно Ксавьеру это удалось в первый год его пребывания здесь. Я слышала только рассказы о том, что он бежал с моим братом и еще несколькими студентами, и он был самым быстрым.

На старте забега собралась большая группа людей, окружающая бегунов. Я даже не слышала, кто участвует в соревнованиях в этом году, но оказаться в большой толпе — последнее, что я сделаю. Именно поэтому я делаю еще несколько фотографий случайных людей, прежде чем сесть на ступеньки здания, чтобы наблюдать отсюда. Они все равно обойдут всю площадку, так что, надеюсь, мне удастся сделать несколько хороших снимков.

Тихий звонок моего телефона сообщает, что пришло сообщение. Я надеваю камеру на шею и достаю телефон.

Офелия: Уилл снова принимает участие в забеге! По крайней мере, так мне только что сказал Элиас!

Мои глаза широко открыты.

Я: Серьезно?

Я поднимаюсь на ноги и встаю на цыпочки, как будто это поможет мне выследить брата сквозь толпу. Но с таким же успехом я могу искать иголку в стоге сена. Это одно и то же, черт возьми.

— Разве ты не должна быть на старте, подбадривая?

Я слышу мужской голос и замираю. Низкая вибрация посылает холодок волнения по моему телу. Темный подтекст приковывает мое внимание, и я не сомневаюсь, кому он принадлежит.

— Ксавьер...

Он появляется передо мной, совершенно из ниоткуда со своей невозмутимой манерой поведения. Или, возможно, я просто не обращала внимания ни на что, кроме своего телефона.

Я задерживаю дыхание.

Вижу его не в первый раз в этом году, но вполне возможно, что так оно и есть. В первую неделю занятий мы вообще не разговаривали. Он написал мне несколько смс, и мои ответы были скудными. Я почти забыла, какой он красивый.

На нем белая классическая рубашка с расстегнутым воротником и с закатанными рукавами, демонстрирующими его идеально загорелые руки. Его ладони спрятаны в карманах брюк. Он смотрит на меня, и его губы растягивает фирменная ухмылка.

Я и не осознавала, как сильно скучала по нему, когда он уехал на год с Уиллом в Испанию. И только сейчас, когда он снова так близко ко мне, я чувствую это. Я чувствую все то, что чувствовала полтора года. В десятки раз.

Признаюсь, я избегала Ксавьера как чумы с тех пор, как начался семестр. Наверное, это глупо, ведь он мой парень, но теперь, когда он учится на одном курсе со мной, из-за того, что ему пришлось наверстывать год обучения за границей, это заставляет меня думать о том, как трудно будет быть вместе. Особенно когда мы единственные, кто знает об этом.

Я пожимаю плечами.

— Не люблю толпу. Ты знаешь это. Я прекрасно увижу гонку отсюда, — говорю я

ему. — Это правда, что Уилл снова бежит?

Ксавьер кивает. — Он решил, что ему нужно наконец-то побить время. Поскольку в прошлом году он не смог этого сделать из-за нашего обмена, он делает это сейчас.

— Как именно это работает? — спрашиваю я, хотя знаю правила слишком хорошо, но с тех пор, как мы вернулись после летних каникул, я не знаю, как вести себя рядом с Ксавьером. Как-будто я учусь заново.

В первый год, после нескольких месяцев, в течение которых он изматывал меня, нам было легко скрывать наши отношения от других. Мы не проводили много времени вместе, потому что у нас были две разные группы друзей, не было совместных занятий, и даже свободные периоды не совпадали. Поэтому мы виделись между лекциями, в библиотеке или поздно ночью, когда он пробирался в мою спальню через окно. Иногда по средам на его матчах по лакроссу.

Все было просто, и это было именно так, как мне нравилось.

Никто не знал, и никто нас не беспокоил. У нас было все время в мире, чтобы узнать друг друга получше без давления и осуждения. Тем более что мы не совсем похожи. Ха! Я бы пошла дальше, утверждая, что мы полные противоположности, и одной из немногих вещей, которые вызвали мой интерес к нему помимо физической привлекательности, была соперничество, которое мы оба явно разделяем. Претендуя на общее место в рейтинге юристов каждый месяц.

Однако в последнее время я начала задумываться о том, не будет ли проще рассказать об этом людям. Начинает казаться ребячеством скрывать отношения, когда нам обоим уже за двадцать.

Понимаю, что отчасти это решение было принято из-за того, что мой брат не одобряет, когда его лучший друг и сестра даже смеются вместе.

Я больше не уверена, что меня волнует мнение Уилла. Не в полной мере. Все больше и больше я начинаю верить, что мы должны сказать ему.

И все же я избегаю Ксавьера, потому что говорить об этом вслух кажется страшным. Как будто я собираюсь разрушить что-то только для того, чтобы перестать лукавить и по умолчанию — лгать. Всем: моим друзьям, моей семье, моему брату и моему лучшему другу.

Я слышу, как Ксавьер хихикает. Он прекрасно знает, что я делаю, но все равно развлекает меня.

— Корт чуть меньше четырехсот метров, и часы останавливаются примерно на сорока трех или сорока четырех секундах. Победителем считается тот, кто выигрывает у всех остальных, но также большим достижением будет, если он закончит гонку до того, как часы остановятся. Хотя такое случается редко.

— Это случилось с тобой, — говорю я, и он гордо улыбается.

Мы немного помолчали, и я сосредоточилась на своей камере, стараясь сделать как можно больше хороших снимков. Некоторые из них я делаю тайком, когда Ксавьер не смотрит в мою сторону. Он отличная модель, и пару раз мне даже приходило в голову попросить его позировать, но мне показалось, что это плохая идея, если кто-то увидит так много его фотографий — на моей камере или ноутбуке.

Кроме того, я, честно говоря, самый застенчивый человек, когда дело касается Ксавьера. Иногда. Не всегда.

Я фотографирую людей и вещи, которые люблю, я записываю воспоминания на камеру, чтобы потом пересматривать их. Он должен быть там, но это кажется настолько интимной

вещью, чтобы попросить его об этом, что я не могу заставить себя сделать это.

— Почему ты ведешь себя так робко рядом со мной? — наконец спрашивает он, и я знаю, что не смогу уйти, если не отвечу.

— Я не веду себя так.

— Нет, ведешь.

Он делает шаг ближе, так что наши тела почти соприкасаются.

Почти.

— Я скучал по тебе, — шепчет он мне в губы. Я чувствую его дыхание на своей коже.

Легкие капли дождя блестят на его беспорядочной копне шоколадных волос, и понимаю, что скоро начнется сильный дождь. Я поднимаю глаза к небу, которое становится все более серым.

— Тея, — говорит он, обхватывая пальцами мой подбородок, и снова поворачивает мою голову к себе. Его глаза более глубокого цвета, чем я помню, но все равно такие манящие, что не могу отвести взгляд.

Улыбка скользит по моим губам.

— Я тоже скучала по тебе.

— Знаю это, — размышляет он. — Чего я не знаю, так это почему ты продолжаешь избегать меня. Если ты скучаешь по мне, мы должны проводить время вместе. Ты так не думаешь?

Я долго и упорно моргаю.

Хватка камеры становится все крепче, пока я ищу в голове хоть какой-то ответ.

— Мы должны рассказать Уиллу, — говорю я наконец, когда больше ничего не нахожу. На его лице мелькает хмурый взгляд.

Я смотрю, как он открывает губы, чтобы заговорить.

— Я что-то пропустила? — Офелия подбегает к нам, тяжело дыша. — Клянусь, супервизии по Гражданскому процессу станут для меня смертью. Профессор продержал нас до последней минуты, даже когда мы сказали ему, что хотим посмотреть гонку. Seriously, почему в этом году все учителя такие тупые, — продолжает она говорить, и я готова поцеловать ее прямо сейчас. Она всегда была веселым человеком, и, хотя иногда это раздражает, когда мне нужен покой, в этот момент это все, что мне было нужно, чтобы прекратить разговор с Ксавьером. Не хочу вдаваться во все это прямо в эту секунду.

Я отступаю назад, пока Офелия не заметила, насколько близко мы стоим друг к другу.

Толпа немного расступается, и на весь двор опускается тишина.

Офелия хватается за руку и оттаскивает от лестницы.

— Пойдемте, ребята, я хочу быть поближе, — говорит она. Я следую за ней, хотя мне совсем не хочется быть там, чтобы увидеть начало. Ксавьер все же следует за нами, поэтому я делаю вид, что увлечена всей гонкой, и сосредотачиваюсь на съемке.

По большей части мне это удается.

Я смотрю, как Уилл стоит на старте вместе с семью другими студентами, большинство из которых — первокурсники. Обычно именно новички хотят принять участие в забеге, и я не могу их винить. Для колледжа Тринити — это своего рода переход, а также удивительный способ начать свое пребывание в Кембридже.

Я подхожу к Уиллу.

— Удачи.

Он смотрит на меня и кивает, но ничего не говорит. Он был очень молчалив с тех пор,

как мы вернулись из Дедхэма, и я не могу не задаться вопросом, не связано ли это с нашим разговором в машине. Я не хотела сказать, что обвиняю его в чем-то и привыкла к тому, что наша мама относится ко мне так. Однако иногда все это становится чересчур. Просто сидеть и принимать это, и не говорить ни слова. Особенно когда у тебя есть столько всего, что ты хотела бы сказать.

Делая шаг назад, я слышу, как один из парней говорит, что до начала осталась минута.

Я усмехаюсь.

У Уилла есть преимущество перед остальными. Точнее, два. Он выше и более атлетичен. Мне не нужно знать никого из них, чтобы понять это. Они все в форме, но мой брат не пропускает ни одной хорошей тренировки, если может. Вот почему так много девушек влюблены в него по уши. Так было всегда. А теперь, когда он стал лучшим другом Ксавьера, они кружат головы многим. Мне было бы все равно, если бы это был только Уилл, но половина этих девушек видят Ксавьера и *только его*.

Да, я ревную. Я ничего не могу с этим поделать, поэтому не обращаю на это внимания.

Или, по крайней мере, так я говорю себе.

Звук часов возвращает меня назад, и все люди начинают аплодировать, наблюдая за гонкой. Как я и предсказывала, Уилл опережает их с самого начала. Я мысленно считаю секунды, вспоминая, как Ксавьер говорил мне, сколько времени нужно, чтобы часы остановились.

Я делаю снимок за снимком, считая секунды. Большинство из них будут размытыми, поэтому чем больше у меня их будет, тем легче будет сохранить хотя бы одну нормальную фотографию в конце.

— Уилл, поторопись, черт возьми! — кричит Ксавьер позади меня.

Я прикусываю губу.

Мои колени слабеют, поэтому я использую их и приседаю. Мои ладони почему-то потеют. Последний поворот, и они почти закончили. Я все еще слышу звук часов, и моя улыбка становится все шире. И в тот момент, когда я нажимаю на кнопку, чтобы сфотографировать Уилла на финише, звука больше нет. Я понимаю, что он опоздал на секунду. Я даже вижу это на его лице через объектив. Он тоже это знает.

Выдохнув, я встаю.

Начинается дождь.

Мой брат останавливается и падает на траву, ругаясь под нос. Это просто забава, но я вижу разочарование. Он очень хотел этого. Войти в историю Тринити. Однако этому не суждено случиться.

— Ты пытался, — говорит Ксавье, трогая Уилла за плечо. Затем он шепчет ему что-то, что я не совсем слышу из-за шума вокруг нас.

— Черт.

— Ты все равно хорошо справился, — говорю я ему, делая еще один снимок. Его глаза смотрят на меня. Он не выглядит счастливым.

— Я не могу сделать ничего плохого, верно? — бормочет он.

Ну, ой. Как заставить меня чувствовать дерьмово.

Ксавьер

В четверг вечером я выхожу с тренировки по лакроссу со спортивной сумкой через руку и телефоном в руке. Я жду сообщения от Теи уже полдня, и все еще без ответа. А уже почти девять.

Я слышу позади себя разговор моих друзей, которые тоже выходят из спортивного центра. Они что-то говорят мне, но я игнорирую их, набирая номер. Снова, блядь.

Один звонок.

Два.

Три.

И еще три, прежде чем звонок попадает на голосовую почту.

Мои брови нахмурились в замешательстве.

— Ты придешь на матч? — спрашивает Уилл, подходя ко мне, его волосы все еще немного влажные после душа. Он натягивает шапочку, его глаза прикованы ко мне. — Бен и Адриан тоже будут там.

Обычно я бы с радостью согласился прийти не только для того, чтобы посмотреть матч. В основном потому, что в квартире будет Тея. Даже если бы она была в своей спальне, я бы нашел возможность улизнуть и зайти к ней ненадолго. Как я уже делал раньше.

Поэтому, даже если это звучит как отличный способ закончить день, я качаю головой.

— Нет, у меня есть планы.

— Да ладно. Теи там не будет, так что у нас будет полный мир во всем мире.

Именно по этой причине я и не пойду.

С тех пор как они вдвоем уехали от родителей, я вижу между ними странное напряжение, и не могу понять, почему. Конечно, я только вчера нашел момент, чтобы поговорить с ней. Но я видел их издали. Как странно Уилл вел себя рядом с ней. Не говоря уже о том странном комментарии, который он сделал после гонки. Он не скрывал своей горечи.

— Почему ее там не будет? — спрашиваю я.

— Она пишет статью для Корланда. Видимо, в понедельник он был недоволен ее работой и дал ей дополнительное исследование. Зная ее, она проведет половину ночи в библиотеке, чтобы поцеловать его в задницу.

— Хотя, когда Корланд хоть отдаленно доволен чьей-то работой, — огрызаюсь я. Этот человек может преподавать, но он так засунул палку в задницу, что это просто смешно. Хотя я знаю, что Тея восхищается им настолько, что хочет исправить то, что ему не понравилось в ее работе раньше.

Уилл пожимает плечами. У него отсутствующий взгляд. Он почти так же устал после целого дня, как и я. Я удивлен, что он достаточно заботлив, чтобы все еще хотеть иметь людей рядом, а не пойти домой и сразу же уснуть.

— Значит, ты идешь?

В этот момент к нам подходят Бен и Адриан.

Я снова качаю головой, натягивая капюшон своей куртки. Сейчас октябрь, и по вечерам уже холодно.

— Нет, приятель. Я встречаюсь кое с кем. В другой раз?

Уилл поднимает бровь, и на его губах появляется ухмылка.

— Конечно, развлекайся.

— Только не сделай ее беременной, — добавляет Адриан, и они уходят в направлении квартиры Уилла.

Я иду в другую сторону.

Проходит совсем немного времени, прежде чем я достигаю цели, которая, вопреки мнению Уилла и парней, не является квартирой какой-нибудь другой девушки или пабом. Это одна из библиотек в кампусе. Та, что находится ближе всего к юридическому факультету, и единственная, где я могу найти того, кого искал. В этом у меня нет никаких сомнений.

Взяв свой пропуск, я толкаю большие тяжелые металлические двери и вхожу внутрь. Все тихо и темно. Неудивительно, честно говоря. Даже студенты-юристы понимают, что начало учебного года — еще не время проводить ночи за учебой. Ну, *большинство из них*.

Пройдя дальше, я вижу тусклый свет, исходящий из задней части секции уголовного права, что кажется мне чертовски типичным и вызывает усмешку. Оглушительную тишину нарушает тихий женский шепот.

— Здесь кто-то есть? — спрашивает она, стул слегка скользит по полу. Должно быть, она встала. Мне так и хочется немного поиграть с ней, но когда волна внезапной усталости пробегает по моему телу, я решаю не делать этого и иду в том направлении, где находится девушка.

Повернув направо, я вижу, что она стоит у одной из больших парт с разложенными на

ней книгами. Можно подумать, что ей не хватает места, несмотря на то, что стол должен быть вместительным как минимум для шести других учеников.

Я качаю головой как раз в тот момент, когда глубокие карие глаза Теи встречаются с моими, и на ее лице появляется облегчение.

— Черт возьми, Ксавьер. Почему ты меня так пугаешь? — выдыхает она и легонько толкает меня в грудь, когда я стою перед ней. Хмурое выражение ее лица показывает раздражение, хотя ее глаза загораются искрой, которую я имею удовольствие видеть всякий раз, когда она смотрит на меня.

Я не самовлюбленный, но это правда.

Честно говоря, я до сих пор удивлен, что Уилл не заметил, как его сестра смотрит на меня. Не то чтобы я жаловался. Сказать ему, что я встречаюсь с его сестрой, не было и никогда не будет моим приоритетом.

Это напоминает о том, что сказала Тея во время судебного заседания.

Я отбрасываю это.

— Ты бы знала, что это я, если бы взяла трубку, чтобы ответить на одно из восьми моих сообщений или одиннадцать моих звонков, — говорю я ей, ухмыляясь. Я даже не злюсь. Я знаю Тею лучше, чем тыльная сторона ладони, чтобы не понять, насколько напряженными для нее являются все ее занятия. Не говоря уже о написании работы. Она воспринимает все это слишком серьезно.

Она качает головой. Мои пальцы прижимаются к ее подбородку, когда я наклоняюсь. Мои губы прижимаются к ее губам в мягком, но требовательном поцелуе впервые за год. Находясь вдали от нее весь прошлый год, когда я учился с ее братом в Барселоне, а затем не имея времени наедине с ней в первую неделю, я не могу не потерять себя в ней.

Чувствую ее цветочный аромат, и он каждый раз что-то делает со мной. Я углубляю поцелуй. Мой язык обвивается вокруг ее языка, и она задыхается от внезапной перемены. Я скучал поэтому, скучал по ее мягким, полным губам и прерывистому хныканью от удовольствия.

Ее руки тянутся к моим рукам. Она впивается в них пальцами, чтобы устоять, и поднимается на цыпочки, чтобы ответить на поцелуй.

Я крепко сжимаю в кулаке ее волосы, дергая за них.

Хочу прикоснуться к ней. Я хочу прижать ее к одному из этих огромных книжных шкафов и заставить ее обхватить меня ногами за талию, пока я буду входить в ее великолепную мокрую киску. Потом отвести ее к столу, сбросить все книги и заставить ее скакать на моем члене, наблюдая, как ее сиськи подпрыгивают при каждом движении. Прошло слишком много времени.

Честно говоря, именно об этом я думаю каждый раз, когда смотрю на нее, а она смотрит на меня. Тот факт, что я все еще могу сдерживать некоторые из этих желаний, чрезвычайно удивляет даже меня.

— Я еще не закончила писать, Ксавьер, — пробормотала она между поцелуями, ее дыхание тяжело, так как она задыхается от недостатка кислорода. Я еще раз целую ее губы и отстраняюсь. Мои руки все еще на ее теле. Я не собираюсь давать ей больше пространства ни сегодня, ни в ближайшие несколько дней.

Ей хватит места на целый год.

— Очень жаль, но ты пойдешь со мной, — говорю я, убирая прядь ее волос с лица.

Тея — это нечто совсем другое. Без сомнения, это самая красивая девушка, которую я

когда-либо встречал, со светло-коричневой кожей, мягкими веснушками, покрывающими скулы и нос, и полными губами, от которых я не могу оторваться. С того момента, как я увидел ее, она занимала мои мысли больше, чем я хотел бы признать. Дошло до того, что я начал искать ее в толпе студентов юридического факультета.

В тот самый момент я также поблагодарил Бога, в которого не очень-то верю, за то, что подружился с ее братом. Даже если бы я никогда не сказал ему, как сильно хочу его сестру. Он бы, наверное, отрезал мне член. Не то чтобы я его винил, но он все равно был бы мне очень полезен, чтобы трахать Тею, когда ей это нужно.

Я не говорю, что это была легкая прогулка, чтобы привлечь ее внимание. Или, может быть, это была прогулка по парку, по сравнению с тем, как если бы она призналась в своих чувствах ко мне. Она была заинтересована с того первого раза в пабе, но не позволяла себе этого показать. Тея играла в игру, потому что знала, что мне тоже нравится играть.

Она хотела переиграть игрока.

В результате она стала моей девушкой. Потому что в какой-то момент чувства достигли такого уровня, что она не смогла с ними справиться. Она больше не могла лгать ни мне, ни себе. И уж точно она не могла заботиться о своем брате настолько, чтобы держаться от меня подальше. Который мне нравился. И до сих пор нравится.

Я не против держать ее в секрете, потому что, по крайней мере, я могу иметь ее только для себя, и никто другой не будет мешать нам или вмешиваться в наши отношения со своими нежелательными мнениями.

— Серьезно. Я все еще должна написать заключение и дважды проверить, не допустила ли ошибок.

Я сузил глаза.

— Отлично. Тогда у тебя есть больше недели, чтобы закончить его.

Она качает головой и поворачивается, чтобы сесть обратно за стол, а я в этот момент просовываю руку под ее руку, возвращая ее обратно к себе.

— Ты действительно собираешься спорить со мной об этом, любимая? Ты знаешь, что я выиграю.

Тея мрачно улыбается, опасно приближаясь к моим губам. Мы в миллиметрах от того, чтобы снова поцеловаться. Ее глаза встретились с моими.

— И ты знаешь, что я буду бороться, — шепчет она, прежде чем вернуться к работе на ноутбуке. Она надевает очки на нос и завязывает волосы в пучок.

Хриплый вздох вырывается из моих губ, когда она дразнит меня.

Бросив сумку и засунув ее под стол, я сажусь напротив нее, поджав ноги и положив телефон.

Я чувствую на себе взгляд Теи.

— Что ты делаешь?

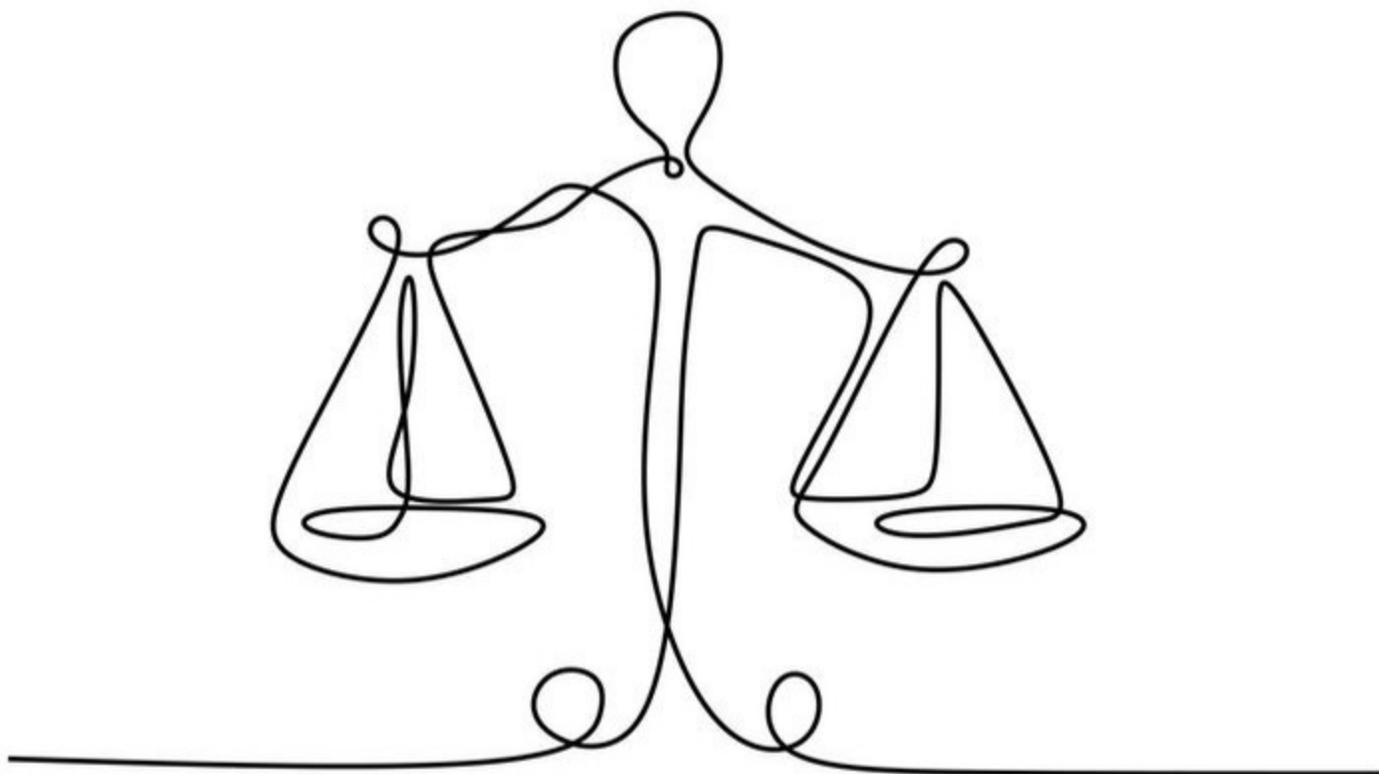
— Ты сказала, что тебе осталось написать заключение. Так что это сколько? Пятнадцать минут максимум? Я подожду, пока ты закончишь, потом отвезу тебя в свою квартиру и буду трахать тебя всю ночь до утра. В конце концов, нам нужно наверстать упущенное за год моего отсутствия.

Она ничего не говорит. Но я вижу вспышку красного цвета на ее коже и то, как она прикусила губу. Она возбуждена. Я был бы идиотом, если бы оставил ее в покое прямо сейчас. Да я и не хочу.

Я откинулся в кресле, устраиваясь поудобнее. Надеюсь, она быстро напишет, когда

промокла для меня.

Ксавьер

— Что случилось у твоих родителей? — спрашиваю я Тею, наблюдая за ее почти обнаженным телом на моих простынях. Остались только ее белые кружевные трусики, и я облизываю губы при мысли о том, что через минуту разорву их. Я просто хочу, чтобы она сначала ответила.

Она хмурится. — Мы действительно собираемся говорить о моих родителях прямо перед сексом? Должна сказать, что твои социальные навыки отсутствуют напрочь.

Я ухмыляюсь ее язвительному комментарию. — Я бы не назвал это социальными навыками, *Меллилла*.

Латинское слово, означающее — *маленький мед*.

Это прозвище подходит ей с каждым днем все больше и больше. Она маленькая, и она определенно милая. По большей части. Все те моменты, когда она притворяется, что сердится на меня, молчит, не имеют для меня ничего, кроме забавного подтекста. Я обожаю, когда она играет со мной в эту игру, когда ей трудно со мной справиться, даже сейчас, когда мы вместе. Это привносит в наши отношения острые ощущения. Это делает их милыми — прямо как она.

— Я бы тоже не назвала упоминание о моих родителях прелюдией. Так что перестань спрашивать меня о них.

Она хватается свои трусики и тащит их вниз по своим подтянутым ногам, бросая скудную материю через мою спальню.

С моих губ срывается хрип, когда Тея лишает меня удовольствия снять их с себя, облизывая и целуя ее красивую киску. Она улыбается со знанием дела. Она знает о моей одержимости этим, поэтому и лишает меня этого. Чтобы показать, что мы оба можем играть. Как будто я когда-нибудь запрещал ей.

Тея сидит на локтях, согнув одну ногу, и вопросительно смотрит на меня. Она не любит говорить о своих семейных проблемах и о том, как ее родители заставляют ее чувствовать себя, но я знаю. Даже если она склонна ограничивать свою информацию, я вижу больше, чем она думает. Ей трудно соответствовать ожиданиям, которые другие возлагают на нее, и ее постоянно сравнивают с братом.

Я вижу, как она старается изо всех сил, и всегда вижу, что ей кажется, что этого недостаточно. Это такая чушь, что иногда у меня возникает мысль поехать в ее родной город и встряхнуть ее мать. Уилл и Тея не могут быть более разными, чем они есть, и, честно говоря, Уилл настолько далек от того, чтобы быть хорошим парнем, насколько это возможно. Он просто хорошо это скрывает. Жаль, что он также скрывает это от Теи, потому что, возможно, тогда она чувствовала бы себя лучше.

Сделав шаг к кровати, я наклоняюсь. Мои руки лежат по обе стороны ее совершенного, маленького тела. Она поднимает голову и встречает мой взгляд. Наши дыхания смешиваются.

— Скажи мне, и тогда я заставлю тебя кричать, любимая, — шепчу я, мой голос темный и низкий от возбуждения. Я хочу быть внутри нее, слышать ее стоны, когда она впивается пальцами в мою спину, пуская кровь ногтями, царапающими мою кожу. Мне нужно сделать так, чтобы ей было хорошо. Но не без того, чтобы получить что-то взамен.

Тея закатывает глаза, глубоко вздыхая.

— Моя мама говорила о том, что я слишком много внимания уделяю уголовному праву, вместо того чтобы немного расширить свои познания, прежде чем полностью остановиться на одной отрасли права. Она упомянула прошлогоднюю итоговую оценку из класса Корланда. Ничего такого, чего бы я не слышала раньше, — отвечает она.

Я поднимаю бровь, поскольку она пытается избежать моего взгляда. Она смотрит в потолок. Не уверен, что ответы написаны там или что-то в этом роде, но я знаю ее, и она не говорит всей правды. Такие вещи она слышала не раз.

Я сжимаю ее подбородок между пальцами, заставляя ее посмотреть на меня. Она колеблется, но у нее нет другого выбора, кроме как сделать это.

— И? — спрашиваю я.

— И она начала говорить о том, чтобы я завела парня, потому что в какой-то момент мне нужно будет завести семью, чтобы я могла сосредоточиться на доме, пока мой муж работает, — добавляет она, и если бы нас не окружала тишина, я бы, наверное, ее пропустил.

Я мрачно усмехаюсь, качая головой.

То, что семья Теи не знает ее, просто смешно. Она не из тех, кто просто сидит без дела, растит детей и полагается на деньги мужа. Не то чтобы в этом было что-то плохое, просто это так далеко от идеалов Теи, что приводит меня в ярость. Ее мать отравляет ее разум своей версией будущего, давая Тее другие ожидания, которые она должна оправдать.

В большинстве детей есть глубоко укоренившееся биологическое стремление заставить родителей гордиться ими, хотя, несомненно, должна быть определенная граница того, как

далеко нужно зайти, чтобы оправдать их ожидания. И если что-то такое и было, то Тея определенно давно перешагнула эту границу. Она умна, поэтому знает это. Хотя этот тихий голос в ее голове подталкивает ее все дальше и дальше.

Не говоря уже о том, что она со мной.

И на этот раз это та проблема, с которой она борется. Я понимаю, что она проглотила правду о том, что у нас есть отношения, поскольку Уилл узнает об этом иначе. В большинстве случаев ее не волнует, что она увиливает. На самом деле, сначала это была ее идея держать нас в секрете. Она боялась реакции Уилла. Но бывают моменты, когда она явно очень старается оправдать свой выбор. В конце концов, нам не запрещено быть вместе. Есть только один человек, который имел бы что-то против этого. Проблема в том, что у нас обоих есть причины хотеть, чтобы Уилл остался в нашей жизни. И я точно знаю, что он никогда не будет против того, чтобы я встречался с Теей.

Кроме того, я люблю секреты, и если мы будем выставлять наши отношения на всеобщее обозрение, это сделает их более серьезными, чем мне нужно сейчас. Все хорошо так, как есть. Все так, как было уже больше года, так зачем что-то менять?

Логично, почему она начинает сомневаться.

Я нежно целую ее, закончив с разговорами. — У нас все хорошо. Зачем нам портить это правдой? — Говорю я, прежде чем на этот раз по-настоящему заявить права на ее рот.

Тея ничего не говорит, хотя ответ ее не устраивает. Я знаю, что она не удовлетворена. Но мне все равно, потому что она обхватывает меня ногами за талию, и я чувствую ее влагу на своем члене. Мои ладони сжимают ее круглую попку.

Ее клитор пульсирует, и я чувствую это, когда она почти отчаянно трется об меня. Она хочет, чтобы я был внутри нее. Мне даже не нужны ее слова, чтобы понять это. Она наблюдает за мной, не мигая, запоминая каждый момент. Это то, что она обычно делает. И мне бы это даже понравилось, если бы не тот факт, что я знаю, почему она это делает. Тея пытается сделать воспоминания, которые она сможет вспомнить потом, когда все превратится в дерьмо.

Ненавижу то, что она думает, что я позволю ей уйти. Ни за что в жизни я ее не отпущу. Ни в аду, ни на земле.

Она моя.

Моя.

Проводя кончиками пальцев по моей груди под футболкой, я пытаюсь сглотнуть, но во рту пересохло. Она всегда заставляет меня терять контроль. Тея единственная, кто может это сделать, и это заканчивается тем, что я становлюсь грубым. Каждый раз я обманываю себя, думая, что смогу избавиться от этого и попробовать ее медленно. Насладиться ею.

— Скажи мне, чего ты хочешь, — шепчу я. Моя последняя попытка сделать лучшее из того, что я хочу.

И она, кажется, улавливает мои мысли, когда ослабляет свою хватку и выкатывается из-под меня. Она толкает меня вниз на кровать, нависая над моими губами.

— Я хочу, чтобы ты меня трахнул.

— У нас вся ночь впереди, любимая. Не нужно торопиться.

Она наклоняет голову, глядя на меня. — Уилл пошлет поисковую группу, если я не вернусь в ближайшее время.

Я мрачно усмехаюсь. Как будто я поверю, что она беспокоится именно об этом. Ее брат. Нет, она хочет снова отдалиться как можно скорее. Это то, что она делает, это то, как

она думает, что наши отношения делают все лучше — потому что она не отдает им все, что у нее есть.

Тея думает, что я причиню ей боль, и я знаю, что она права. Я это сделаю. Возможно, не один раз, но потом я всегда заглажу свою вину. Всегда буду это делать, потому что я всегда буду добиваться ее. Несмотря ни на что.

Я крепко прижимаю ее к себе и переворачиваю так, что теперь она лежит на кровати.

— Ты забываешь, что это я его поисковая группа, любимая. Если он начнет волноваться, он позовет меня.

Тея хмыкнула. — Да, и как хороший друг, которым не являешься, ты скажешь ему, что я здесь с тобой? — Она знает, что я этого не сделаю. — Именно так я и подумала. И поэтому я должна идти.

Я прижимаюсь к ее щеке. Она такая крошечная на фоне моего тела, что иногда мне кажется, что я сделаю ей больно, просто прикоснувшись к ней. Разве это не странно? Я бы не хотел, чтобы это случилось. Физическую боль можно заблокировать, люди могут привыкнуть к ней, а психологическая еще хуже. Но я отношусь к последней как к импульсу, который, как я знаю, в какой-то момент станет частью наших отношений.

Это хреново.

Но я не могу заставить себя переживать.

Я провожу большим пальцем по ее скуле, наклоняясь.

— Очень плохо. Ты остаешься, — приказываю я, скольжу руками вниз к ее бедру и грубо ввожу свой член в нее.

Она хнычет, но раздвигает ноги шире для меня.

— Ненавижу тебя, — кричит она, прежде чем ее губы врезаются в мои в жестком поцелуе. Она все еще мокрая, и я знаю, что ей нравится каждая секунда, когда я командую. Это то, что заставляет ее двигаться.

Я ухмыляюсь. — Ты любишь меня, Меллилла. Правда любишь.

Тея

Я проснулась в шесть утра. Не совсем просыпаюсь, потому что это означало бы, что я вообще спала, а это не так. На моем телефоне несколько пропущенных звонков и несколько текстовых сообщений не от кого иного, как от Уилла. Каждое из них спрашивает, где я, хотя после первых шести он явно начал волноваться. И правильно. Я никогда не уйду из дома, не предупредив его заранее. И особенно в будние дни. Хотя я просто не могла пошевелиться, когда Ксавьер развлекался. Да, я тоже, но пока предпочитаю его ненавидеть.

Он редко слушает меня или воспринимает мои слова всерьез. Он превращает их в нечто, что ему нужно испортить и разыграть. Это меня злит.

Медленно выскользнув из постели, чтобы не разбудить его, я собираю свою одежду и через несколько минут уже выхожу за дверь с сумкой в руках. Это будет прогулка позора, если я когда-либо видела такую, и я проклиная себя. Лгать Уиллу — это не то, что мне нравится делать. Обычно мы прекрасно ладим, лишь с некоторыми оплошностями то тут, то там. Особенно после нашего последнего визита в Дедхэм.

Из-за этого я решаю не возвращаться домой. Я достаю свой телефон, посылаю сообщение Офелии, чтобы она принесла мне свою одежду перед нашим первым занятием по криминалистике и уголовному правосудию, которое, по иронии судьбы, у меня есть и с Уиллом, и с Ксавьером.

Я вздыхаю, направляясь к одному из моих любимых кафе. Ненавижу пить кофе, хотя сегодня я знаю, что он мне понадобится, чтобы не заснуть. Я заказываю черный кофе и кладу больше сахара, чем собиралась, сажусь на барный стул у окна и жду Офелию.

В это время я листаю свой телефон, изо всех сил стараясь не обращать внимания на сообщения Уилла, оставшиеся без ответа. Он видит, что я их читаю, и заваливает мой телефон все новыми и новыми сообщениями. Это начинает раздражать. В конце концов, мне придется сказать ему, чтобы он перестал проявлять излишнюю заботу. Я взрослый человек и ненавижу, когда кто-то относится ко мне иначе.

Понимаю, что он мой старший брат и склонен воспринимать все слишком серьезно, когда дело касается меня, но должны же быть какие-то границы.

Хотя теперь, когда думаю об этом, я понимаю, что ирония не ускользнула от меня, поскольку я встречаюсь с его лучшим другом, что отодвигает любые границы в несуществующую зону.

— Тебе чертовски повезло, что я люблю тебя настолько, чтобы торопиться по утрам, — слышу я голос Офелии позади себя. Я поворачиваюсь на стуле лицом к ней. Она стоит в своем длинном бежевом пальто, серой шерстяной шапочке и шарфе. Ее щеки покраснели от холода, и на фоне бледной кожи она выглядит почти как фарфоровая кукла. Добавьте темный макияж, и она вполне могла бы быть Уэнсдэй Аддамс.

Она оглядывает меня с ног до головы.

— Я знаю, что выгляжу дерьмово. Тебе не обязательно говорить это вслух, — говорю я, опережая ее. Мешки под глазами, волосы взъерошены сильным ветром, а одежда, половина из которой немного порвана, выглядит на моем теле как беспорядок. Именно поэтому я не посмотрела в зеркало, когда выходила из квартиры Ксавьера.

Хотя, будучи в Кембридже, я могу легко списать это на перегрузку работой.

Офелия кивает. — Да. Так что лучше иди переоденься, пока я закажу себе кофе. Потом расскажешь мне, что ты сделала, вернее, кого ты сделала, — говорит она, протягивая руку с бумажным пакетом. Я беру его и быстро устремляюсь в ванную.

Да уж... К сожалению, ее не проведешь этими отговорками.

К счастью, у нас с Офелией одинаковый размер, поэтому все, что она выбрала, идеально подходит. Она принесла мне светлые топ джинсы, белую футболку и серый кардиган, чтобы накинуть поверх всего этого. Английская погода осенью более или менее одинакова каждый день. Сильный ветер, темное, пасмурное небо и низкая температура. Не говоря уже о том, что кажется, что дождь может пойти с минуты на минуту, поэтому я ценю что-нибудь уютное, не вонючее и не использованное со вчерашнего дня.

Я сбрасываю свою одежду, запихиваю ее в сумку и надеваю одежду Офелии. На мне нет макияжа, и я редко забочусь о том, чтобы его нанести. Это просто час, выброшенный из окна, который случается лишь время от времени. У меня очень мало прыщей — время от времени. Наверное, это единственное, за что я должна благодарить гены своих родителей. Поэтому я умываю лицо водой только для того, чтобы проснуться и смягчить мешки под глазами.

Собрав волосы в высокий хвост, я выхожу из ванной. Это заняло у меня не больше десяти минут. Но когда я выхожу в главную часть кофейни и вижу любопытный взгляд Офелии, я тут же жалею, что не задержалась подольше, чтобы придумать оправдание.

Она тоже не знает обо мне и Ксавьере. Черт, да никто не знает. И я просто не могу заставить себя рассказать ей. Она бы не осудила меня, я думаю. Тем более что она чертовски

влюблена в своего инструктора по верховой езде, который вдвое старше ее, если не больше. Хотя каждый раз, когда я пытаюсь заговорить, мой язык застревает в горле, и очередная ложь слетает с моих губ. Кроме того, ее мнение о Ксавьере тоже не является чем-то особенным. По крайней мере, не в таком кокетливом виде.

— Так как ты провела ночь? — спрашивает она.

Мы уходим с кофе в руках. До главной части кампуса тридцать минут ходьбы.

Я молчу, набирая темп. Ненавижу врать, и я ужасная лгунья, когда меня спрашивают. Обычно мне не приходится с этим сталкиваться, потому что, откровенно говоря, никто не станет открыто спрашивать меня о Ксавьере. Все, что знают мои друзья, это то, что я при первой же встрече назвала его бабником, и с тех пор, как мы узнали, что я сестра Уилла, а он его лучший друг, никто не осмеливается ставить его и меня в один ряд. Даже гипотетически.

И правильно. Мы полные противоположности во многих отношениях. Даже Офелия которую я знаю с того самого дня, как приехала учиться в Кембридж, не задавала мне таких вопросов. Однако сейчас я даю ей довольно вескую причину для этого.

Я не продумала все до конца, хотя она все равно лучший вариант, чем столкнуться с Уиллом после того, как я провела ночь с Ксавьером, вынужденная врать ему о своем местонахождении усталая и растерянная. Он бы начал что-то подозревать, и даже если бы не пошел со своими мыслями прямо к Ксавьеру, то стал бы пристальнее следить за мной. Возможно, он и сейчас так делает.

Честно говоря, я так устала прятаться.

— Теодора Мур, — зовет меня Офелия, останавливаясь посреди тротуара и оттаскивая меня за руку назад с такой силой, что я чуть не выпустила свой кофе. — Ты уже долгое время от меня что-то скрываешь. Не думаешь ли ты, что пришло время признаться?

Мои глаза расширились. Я не думала, что она что-то подозревает. Но опять же, как я уже говорила, я ужасный лгунья.

— Не хочу об этом говорить, О, пожалуйста, пойми, — шепчу я.

— Как я могу, когда мы друзья, а ты мне ничего не рассказываешь? Я буду злиться на тебя? Поэтому ты прячешься? — спрашивает она. — Seriously, пока ты тайно не встречаешься с Марком или профессором Корландом, я в порядке.

Я качаю головой.

— Не встречаюсь.

Как будто я когда-нибудь буду встречаться с ее инструктором по верховой езде... или с Уэсом.

— Тогда ты можешь сказать мне, — нажимает Офелия. — Я знаю, что ты с кем-то встречаешься, так что ты можешь просто сказать об этом.

— Откуда ты знаешь?

— Ты довольно часто пропадала между занятиями в течение первого года. И большинство из них мы проводили вместе, не так ли? Не говоря уже о том, что половину лекций ты проводила, переписываясь. — Она приподнимает бровь, но улыбка не покидает ее лица. Она скорее находит это забавным, чем чувствует себя преданной. Наверное, поэтому мы и дружим.

Но я все равно не могу этого сказать.

Ксавьеру это не понравится. Он намерен держать это в секрете от людей. Он говорит, что это потому, что все говорят, а он не хочет слышать, как люди предполагают то, чего нет на самом деле. И у него просто нет сил терпеть бредни моего брата о том, что он не

придерживается общепринятых правил.

— Мне жаль.

— Тея, чего ты боишься? Это точно не я. Если ты счастлива, то и я тоже.

— Это не вопрос счастья.

— Тогда что?

Я выдыхаю.

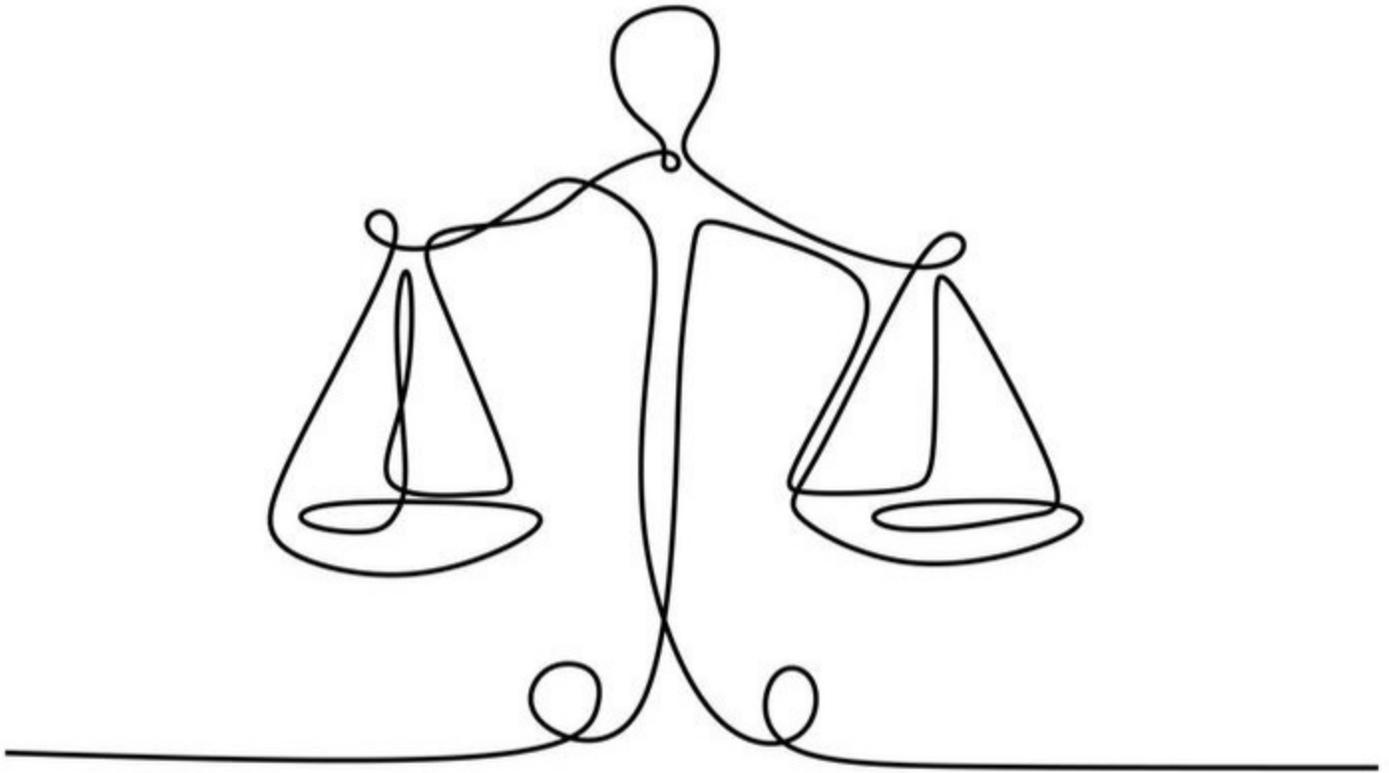
— Уверенность в том, что то, что я делаю, правильно, наверное, — признаю я. Я хожу туда-сюда по этому вопросу.

Офелия наклоняет голову в сторону. — Я знаю, что это длится уже довольно долго, так что если ты все еще не уверена, то, возможно, это не то, что нужно, Ти.

Я не говорю этого вслух, но боюсь, что она права.

И все же я не могу отпустить это. Ксавьер вызывает зависимость. Это нездорово, это нехорошо, но я здесь. Застряла.

Тея

Я еще раз просматриваю свои записи из «Преступление и уголовное наказание». Хотя всегда кажется, что я не полностью готова. Уэс постоянно спрашивает, проходили мы уже какую-то тему или нет. Поскольку я, вероятно, уже попала в его плохой список, опоздав на супервизию и не взяв с собой эссе, я предпочитаю, чтобы меня не выгнали и из его класса. Поэтому я не вступаю ни в какие разговоры вокруг меня.

Когда я уже собираюсь прочитать тематическое исследование, которое мы, скорее всего, будем обсуждать сегодня, я чувствую, что кто-то толкает меня в бок. Я поворачиваю голову и встречаю взгляд Офелии. Она жестом показывает в сторону входа, и я понимаю, что Уэс уже вошел и что-то пишет на доске.

Я закрываю учебники и сосредотачиваюсь на классе.

Уэс стоит ко мне спиной, но что-то заставляет меня думать, что этот урок будет адским. Его плечи ссутулены, чего я никогда за ним не замечала. Он либо грустит, либо злится, и моя глупая интуиция подсказывает мне, что это последнее.

Секс.

Одно слово, написанное большими буквами на всю доску.

Я хмурюсь и слышу сочное «какого хрена» Офелии еле под нос.

Я бросаю взгляд вправо и вижу, как Сэмюэль закатывает глаза.

Уэс откладывает мел и обходит свой стол. Его глаза темнее, чем обычно, а губы вытянуты в тонкую линию. Он скрещивает руки на груди, оглядывая комнату.

— Я знаю, о чем вы думаете. Мы здесь, чтобы изучать уголовное право. Какое отношение к этому имеет секс? — начинает он. Несколько студентов поднимают руки вверх, как будто он задал вопрос. — Опустите руки.

Они все слушают его.

Я хватаю ручку и сжимаю ее в кулак, потому что уроки Уэса трудны в лучшие дни. Но именно поэтому они мне так нравятся. Он заставляет людей думать. Хотя, когда он злится, они почти невыносимы. И поскольку он не тот человек, который может принести в класс плохое настроение из-за того, что происходит в его личной жизни, кто-то из присутствующих, должно быть, разозлил его.

Он запускает руку в портфель и достает стопку бумаг.

— Я прочитал ваше последнее задание и поверьте мне, что я никогда не видел столько мусора за один день. Вы — студенты третьего курса, так почему же только один человек придумал ответ на пример, который я вам дал, так, как я хотел? Люди, я кормил вас с ложечки самым очевидным ответом.

Мое сердце учащенно забилося, когда я вспомнила тот пример. Я была так уверена, что сделала его идеально, когда сдавала задание на прошлой неделе. Это было первое задание в этом учебном году. Я обосновала свою точку зрения и построила хорошую защиту. Так возможно ли, что я тот самый человек? Или я полностью отклонилась от темы?

Я не могу провалить это. Просто знаю, что не могу, черт возьми.

— Вы знаете, что я думаю о вашей работе? — спрашивает он и бросает бумаги. Мы все смотрим, как они разлетаются по комнате и падают на пол. Он не смягчает своих слов. — Миссис Паркер, расскажите всем факты по делу.

Светловолосая девушка встает. — Это было дело о покушении на убийство. Обвиняемая, мисс Уильямс, работала личным помощником жертвы, Джорджа Эванса. Генеральный директор нефтяной компании. Однако она была не только его помощницей. Она также была его любовницей.

— Мистер Хейл, что произошло после того, как жена мистера Эванса узнала об интрижке?

Виктория Паркер садится, когда Сэмюэль встает.

— Он разорвал отношения и перевел мисс Уильямс в финансовый отдел. Тогда она якобы пришла в его гостиничный номер во время одной из их рабочих поездок, приложила тряпку с хлороформом к его рту, а когда он потерял сознание, нанесла ему пять ударов ножом.

Уэс жестом приглашает Сэмюэля занять место и указывает на Офелию. Она встает. Ее руки дрожат. Она не привыкла к такой интенсивности со стороны Уэса.

— Мисс Уолтерс, что произошло после этого?

— Мистер Эванс истекал кровью на полу, без сознания, пока один из его коллег не подошел к нему и не вызвал скорую помощь. В результате падения он ударился головой. У него была амнезия, но он выжил после удара ножом.

— И каков был умысел?

— Убить мистера Эванса.

— Сядь, — приказывает Уэс, и Офелия делает то, что ей говорят. Я кладу руку ей на колено, пытаюсь успокоить ее. Она ненавидит, когда ее вызывают для ответа ни с того ни с

сего. Мышление на месте никогда не было ее главным преимуществом. Она верит в силу подготовки. — Так какое отношение ко всему этому имеет секс?

Он подходит к доске, обводя кружком слово, которое он написал ранее.

— Все.

Позади себя я слышу низкий, грубый мужской голос. Тот, который всегда посылает мурашки по моей коже, смешивая их с необъяснимым волнением. Я прикусываю губу и поворачиваю голову, смотрю на три ряда вверх, и мои глаза встречаются с глазами Ксавьера. Он играет со своей ручкой, ухмыляясь мне, прежде чем взглянуть на Уэса.

Все смотрят в его сторону.

— Секс движет большинством преступных действий. Да и любое поведение, если на то пошло. Это центр нашей жизни, сколько бы мы ни говорили об обратном. Когда речь идет о законе, мы называем это преступлениями на почве страсти. Таким образом, защита от страсти — наш самый ценный инструмент при представлении клиента, который, как мы знаем, виновен.

Уэс кивает. — Именно. — Он идет к первому ряду и останавливается прямо передо мной. — Вот почему мистер Блейк был единственным человеком, который использовал самое обычное рассуждение, которое, как я ожидал, придет в голову по крайней мере половине из вас.

Я хмурюсь, поднимая руку. Хотя я не жду, когда мне разрешат говорить. — Защита от накала страстей? Если помощница виновна, мы не можем использовать ничего из этого. Она была в ярости от того, что ее уволили только потому, что богатый парень был слишком труслив, чтобы признаться жене, что он изменщик.

Сэмюэль снова закатывает глаза от моих слов, но продолжает смотреть туда-сюда между мной и Ксавьером.

Ксавьер усмехается, качая головой. Ямочки на его щеках заставляют мои ноги дрожать, и я рада, что сижу. У него вид человека, который научился выглядеть уверенно, как навык выживания, и это опасно.

— Если только вы не введете нового подозреваемого. Преступление на почве страсти обычно вызывает более одного подозреваемого. Он изменял, конечно. Но именно его жене изменили. У нее было столько же, если не больше, причин, чтобы прикончить его.

Я хриплю. — Значит, твоя блестящая идея заключается в том, чтобы указать на кого-то другого и надеяться на лучшее?

Он кивает. — Да, Теодора. Это именно моя гениальная идея, — передразнивает он меня. Он знает, что я ненавижу, когда кто-то произносит мое полное имя. — В конце концов, у нее нет алиби на момент убийства.

— Ты воспользовалась защитой от уменьшения дееспособности, Тея, — говорит мне Уэс, вклиниваясь.

— Разве это не лучше? Ты уже сказала нам, что клиентка призналась нам. Так что, поскольку она нарушила закон, мы можем утверждать, что она не несет полной уголовной ответственности за это. Таким образом, прокурор усугубит ситуацию, чтобы подорвать эту линию защиты.

— Не обязательно, — не соглашается Ксавьер. — Вам может понадобиться врач, чтобы подтвердить это, и что люди, совершающие преступления в состоянии аффекта, ослеплены ревностью, жадой мести или гневом, но это не значит, что они страдали от аномалии психического функционирования. Это довольно натянуто, Теодора. Что возвращает нас к

сексу. Настоящий мотив и объяснение для совершения такого преступления, как убийство.

Он смотрит на меня, подчеркивая каждое слово. Моя кровь закипает, а желудок бурлит. Как я могу быть такой злой и одновременно возбужденной?

Это, прямо здесь... эта игра во власть — одна из тех вещей, которыми я восхищаюсь в Ксавьере, и одна из причин, которая подтолкнула меня к нему. Он умен не только в одном. Он заставляет меня работать усерднее, чтобы быть лучше него. Особенно в академических аспектах.

Не то чтобы я когда-либо говорила ему об этом.

— Твоя защита была неплохой, Тея, — говорит Уэс, возвращая мое внимание к себе. — Просто это не то, что нужно делать, прежде чем пытаться использовать слабости людей против них. Так ты выиграешь дело.

Возникает долгая пауза, пока он идет через комнату. Тишина становится почти оглушительной.

Уэс склонен реагировать слишком остро. Он сказал нам, что наши документы — мусор, но на самом деле он хотел сказать, что надеялся, что некоторые из нас будут думать так же, как он. Теперь, когда он успокоился, это уже совсем другая история.

Рука Сэмюэля поднимается вверх, и Уэс тут же указывает ему на то, чтобы он занял позицию.

— Секс не может быть единственным, что толкает людей на убийство, — говорит он, и я чуть не захлебываюсь воздухом. Самуэль принимает мою сторону или мне это только снится?

— Тогда что же, по вашему мнению, мистер Хейл?

— Высокомерие, невежество и вера в то, что человек может пройти через это без каких-либо последствий. — Он смотрит на меня. — Люди лгут и хранят секреты. Однажды они выйдут наружу, чтобы укусить в ответ. Секс может побуждать ко многим действиям, но другие вещи отнимают огромный кусок последствий. Деньги в том числе.

— Почему деньги? — спрашивает Офелия.

— Потому что богатые дети думают, что им принадлежит весь мир. Они идут по жизни, не заботясь ни о чем на свете, и деньги позволяют им делать именно это. Даже если они совершили преступление.

Я знаю, что он адресует это половине класса, поскольку большинство из нас происходит от денег. Но я не могу не думать, что часть о лжи и хранении секретов была адресована лично мне. Тем более что он продолжает смотреть на Ксавьера. Я смотрю на него и вижу, что он думает о том же.

Сэмюэль знает.

Он знает о нас, и я не знаю, как он об этом узнал.

Ксавьер слегка качает головой, понимая, что сейчас эта мысль будет крутиться у меня в голове до конца дня. И он хочет, чтобы я делала вид, будто мне все равно. Как будто я не поняла слов Сэмюэля.

Уэс прочищает горло. — Я рад, что мои наблюдения не пропадают даром, Сэмюэль. — Он выглядит довольным. — Вы будете участвовать в инсценированном судебном процессе 31 октября, — объявляет он внезапно, и все взрываются в тихих разговорах от волнения.

Это одна из тех вещей, которые приводят начинающих юристов в неопишуемый восторг, потому что они могут увидеть, подходят ли они на роли, к которым готовятся. Хотя я была бы так же рада этому, если бы не тот факт, что Уэс не известен тем, что занимается

подобными вещами во время учебы на бакалавриате. Насколько я слышала, инсценированные судебные процессы станут его рутинной позже.

Я наклоняю голову, сужая глаза.

— Почему? — Полагаю, Ксавьер разделяет мое мнение, поскольку он единственный, кто высказался.

— Потому что я хочу, чтобы вы начали думать, стоя твердо на ногах. Делать то, что нужно делать для того, чтобы выиграть дело. Я могу давать вам случаи, один за другим, но истинное знание приходит с опытом. А большинству из вас стало слишком удобно оставаться в маленьких зонах комфорта, которые вы сами себе создали. Ваши ответы на тематические исследования и тесты в лучшем случае банальны. Иногда вам нужно мыслить нестандартно. Даже большую часть времени, — он делает паузу, оглядываясь по сторонам, когда голоса стихают. — Инсценированное судебное разбирательство даст вам возможность поработать над чем-то, почувствовать себя увлеченными. Тем более что некоторые из вас, похоже, не ладят друг с другом, и иногда вам придется работать с кем-то, кто вам не очень нравится.

Я знаю, что он имеет в виду меня и Сэмюэля, поскольку мы не раз показывали ему, насколько мы разные. Возможно, с него хватит, потому что в тот момент, когда он достает список и называет мое имя в качестве одного из тех, кто будет работать с этим уроком, я вижу, как на его губах появляется небольшая улыбка.

Затем он добавляет Офелию и Элиаса Финнегана. Я очень дружу с обоими, так что я не возражаю. Они помогут мне сохранить спокойствие во время всего этого.

— Мистер Блейк и мистер Мур. Вы тоже присоединитесь к ним, — говорит он.

Блестяще.

Чертовски блестяще.

***

Весь остаток урока я продолжаю думать об этом. Я была так уверена, что моя защита — лучшая тактика, и я до сих пор так думаю. Бесит, как легко Ксавьер может обосрать мою идею только потому, что он больше сосредоточен на сексуальном аспекте, а не на юридическом.

Я чувствую на себе его взгляд, прожигающий во мне дыру на ближайший час, хотя отказываюсь поворачиваться. Неважно, что сегодня я не понимаю ни слова из того, что говорит Уэс, я просто не могу смотреть на Ксавьера. Не могу доставить ему удовольствие раздражать меня.

Он всегда так равнодушен ко всему, но на этот раз он решил высказать свое мнение. И это, мягко говоря, настораживает. Он изучает право, но его основной специализацией является корпоративное право, поэтому мне еще предстоит выяснить, почему он и мой брат решили оказаться здесь. Мой разум проигрывает все сценарии, и это отнимает у меня душевное равновесие. Это происходит каждый раз, когда Ксавье говорит или делает что-то хоть отдаленно непонятное.

Я не люблю анализировать людей в своей личной жизни, но Ксавьер Блейк — это как темная, извращенная тайна, которая цепляется за тебя и высасывает все, что может найти, притягивая тебя все ближе и ближе, пока ты не сможешь представить, что его нет рядом, чтобы собрать кусочки вместе. Чтобы разгадать эту тайну раз и навсегда.

И это чертовски раздражает.

Когда я выхожу из класса, Офелия рассказывает мне о своем уроке верховой езды. Она

изо всех сил старается казаться заинтересованной в том, чему учиться, но я знаю лучше. На этих уроках все ее внимание сосредоточено на инструкторе. Время от времени она произносит его имя, но то, как оно слетает с ее языка, выдает ее.

Я ничего не говорю об этом.

— Дамы.

Я чувствую горячее дыхание на своей шее. Офелия улыбается позади меня. — Привет, Ксавьер. Как дела? — весело спрашивает она.

— Я в порядке. Теодора, как поживаешь?

Я закатываю глаза, но поворачиваюсь к нему лицом. Между нами почти нет места, и почему-то мой взгляд останавливается на черной футболке, которую он так любит носить. Клянусь, у него в гардеробе, наверное, десятки таких футболок, раз он надевает их почти каждый день. Затем я смотрю вниз на его руку. Он крепко держит книги у бедра, обнажая вены на руке. Одна из моих самых больших слабостей.

Наконец, я встречаю его взгляд впервые с начала занятий. Его взгляд полон напряженности, губы слегка раздвинуты, и он бесстрастно ухмыляется мне. Возвращается к своей апатичной манере поведения.

— Потрясающе, как всегда. — Я провожу языком по губам и смотрю, как он следит за этим движением. — Никогда не было лучше.

— А пахнет дерьмом.

Я открываю рот, чтобы ответить: «Наверное, это твой природный запах», но сдерживаюсь. Мы постоянно препираемся, и я ухожу, не зная, выиграла я или он. Просто не стоит играть в его игру.

В этот момент Уилл решает подойти к нам.

— Где, черт возьми, ты была всю ночь, Теодора? — Уилл не теряет времени.

Он сокращает расстояние между нами, смотрит на меня сверху вниз с огнем в глазах и губами, изогнутыми в тонкую линию. Он в ярости.

Я чувствую, что Ксавьер смотрит на меня, следит за нами. Прислушивается к разговору. Хотя краем глаза я вижу, что он расслаблен и уверен, что я не собираюсь говорить брату правду.

Серьезно, эта ситуация превращается в нечто большее, чем должна быть. Если Уилл узнает, это будет болезненно, поскольку он, вероятно, никогда больше не будет разговаривать со мной как прежде, но это не конец света.

— Успокойся, Уилл, — говорит Офелия. — У нас была ночевка.

Я выдыхаю. Мысль о еще одной лжи переворачивает мой желудок.

— Ты все равно могла бы ответить хотя бы на один из моих звонков или сообщений.

Его голос стал немного мягче. Хотя я знаю, что снова услышу об этом, когда мы вернемся домой. Уилл не из тех людей, которые легко отпускают вещи, когда волнуются. Он держится дольше, чем следовало бы. Особенно когда дело касается меня. И я понимаю, я всегда буду его младшей сестрой, даже если всего на десять месяцев младше. Просто иногда ему нужно думать о себе больше, чем обо мне, потому что это нездорово для него, и он душит меня.

Наверное, я никогда не смогу найти баланс между ним и моими родителями. Они все впадают в крайности.

— В следующий раз таким сделаю, — говорю я просто.

Ксавье прочищает горло и меняет тему. — Надеюсь, ты не сердишься за то, что

провалила свою тактику защиты на уроке твоего дорогого профессора Корланда.

Я не должна была отвечать на его еще первый вопрос.

— Да ладно, приятель, ты только что разрушил ее идеальный образ на глазах у любви всей ее жизни. Теперь тебе придется еще тяжелее, — говорит Уильям, похлопывая Ксавьера по плечу и смеясь. Надо сказать, он быстро переходит от ярости к раздражению.

Мое желание обхватить руками горло брата огромно. Я понимаю, что довольно часто говорю об Уэсе Корланде, но мое восхищение связано с тем, насколько он блестящий адвокат, а не с ним как с человеком. Как бы я ни хотела обратного, мой вкус в мужчинах — хреновый. *Просто трагедия*. Уэс по сравнению с ним — святой. Наверное, поэтому он меня и не привлекает.

— Ребята, вам что-нибудь нужно? — спрашиваю я, желая, как можно скорее избавиться от обоих мужчин. Мы с Офелией планировали пойти в библиотеку, так как у нас есть два часа до следующего занятия и целая куча всего, что нужно прочитать.

— Так, не сердись, Теодора, — продолжает издеваться Ксавьер. Моему брату, кажется, уже скучно, поэтому он начинает разговор с Офелией о чем-то другом. Они шепчутся, но, конечно, перестали нас слушать.

— Если ты и дальше будешь так меня называть, я покажу тебе, что значит разозлить меня, Ксавьер.

Я делаю шаг назад, внезапно осознавая, как близко мы находимся. Но он тоже делает шаг, и его рука прокрадывается вокруг моей талии так осторожно, что для любого, кто наблюдает за нами, это не было бы так очевидно. Его одеколон такой сильный, что я не могу не вдыхать его.

— Проблема в том, — говорит он, наклоняясь ко мне. — Мне всегда хочется тебя поцеловать. Но если я это сделаю, боюсь, не смогу остановиться.

От одного только шепота я потею. Это чувство, распространяющееся по моему телу, то, от чего я хотела бы убежать. Именно от *него* я бы хотела убежать. Потому что и Ксавьер, и это чувство... За все приходится платить.

Поэтому я вздыхаю, отпихиваю его руку, хватаю Офелию за свитер и тяну ее к выходу с факультета. Волны тепла проносятся сквозь меня, и я могу поспорить, что мои щеки — это два огромных красных пятна.

Последнее, что я вижу это печально известная ухмылка Ксавьера.

Почему она меня так беспокоит?

Я ненавижу это.

Как я уже говорила, мой вкус в отношении мужчин хреновый.

Ксавьер

Я посещаю лекции и супервизии до конца дня, до позднего вечера, как и всегда. В основном это скучно, но мой разум даже не утруждает себя слушать кого-либо, не говоря уже о том, чтобы принимать активное участие в занятиях. Его в некоторой степени занимает темноволосая женщина, которая раздражает меня.

С тех пор как она ушла от меня после урока Корланда, я не могу выбросить ее из головы. Точнее, ее неоднозначное выражение лица, поскольку мы не могли открыто поговорить в присутствии ее брата и Офелии, как мы обычно делаем. Мы начали препираться, и каждый раз, когда мы это делаем, я почти сразу же жалею об этом, потому что она всегда уходит с еще большим замешательством в голове и глазах. В такие моменты она всегда сомневается в нас, и как бы мне ни хотелось заставить ее остановиться, я никогда не помогаю, а только подливаю масла в огонь.

Я подношу зажигалку к кончику сигареты, прикуриваю ее и делаю глубокий вдох. Дым заполняет мои легкие, вкус обжигает язык. Стоя у входа во двор, я жду, когда Уилл наконец выйдет из-под супервизии, чтобы мы могли пойти в столовую нашего колледжа и поужинать с друзьями. Это своего рода традиция, которую Офелия, Тея и Элиас завели, когда впервые встретились, и поскольку сегодня день рождения Элиаса, мы решили присоединиться. Позже мы также можем пойти в паб, чтобы пропустить стаканчик-другой.

Люди выходят из здания, распространяясь по двору, и я прислоняюсь к стене, наблюдая за ними.

Студенты Кембриджа — люди другой породы. Я полагаю, что все студенты элитных университетов такие. Все хотят быть лучшими, потому что быть лучшим в одном из лучших университетов мира может означать только богатство и успех в дальнейшей жизни. Или так думают многие. Это недалеко от истины, потому что многие из нас действительно поступили туда благодаря деньгам наших родителей, семейному наследию или самым высоким оценкам. Конечно, многим студентам нравится быть прямолинейными, но, кроме этого, когда бы вы ни шли по кампусу или заходили в пабы, которые любят посещать студенты, или на любое другое мероприятие, вы чувствовали себя как в семье... Как дома. Потому что, в конце концов, мы все здесь по какой-то причине и у нас у всех похожий опыт.

Мне понравилось в Барселоне, хотя ничто не сравнится с возвращением сюда.

Я смотрю направо, где группа девушек разговаривает и время от времени смотрит в мою сторону. Я улыбаюсь им, прежде чем сделать последнюю затяжку и раздавить остатки сигареты о стену.

Да, ничто не сравнится с пребыванием здесь. По многим причинам.

Тея — одна из них.

— Единственное, по чему я не скучал, так это по супервизии, — голос Уилла возвращает меня от моих мыслей, когда он подходит ко мне с наброшенным на плечо пиджаком и папкой в руке. Он выглядит измотанным.

— Мы оба, — усмехаюсь я, отталкиваясь от стены.

Уилл улыбается, оглядывая группу девушек. Он видит, что их внимание усилилось с момента его появления, и я вижу в их глазах нетерпение в надежде, что мы поговорим с ними.

— Может быть, мы можем немного опоздать? — намекая, спрашивает он.

— Нет, мы не можем. У меня уже девять сообщений от Офелии, чтобы мы пришли вовремя, потому что она голодна, а я бы хотел пожить еще немного.

Уилл не выглядит довольным, но и не спорит. У него будет много возможностей *пообщаться* с девушками, если мы в итоге пойдем в паб сегодня вечером. Он может подождать.

— Итак... — начинает Уилл. Я смотрю на него. — У меня есть вопрос.

Мое сердце сбивается с ритма. Разве люди не знают, что начинать разговор с таких слов — это самое худшее? Каждый момент проносится у меня в голове, прежде чем остановиться на Тея, и я не могу отделаться от мысли, что вопрос касается ее.

Рассказал ли Сэмюэль что-нибудь Уиллу?

Кажется, он знал больше, чем говорил, еще в классе Корланда.

— Хорошо, — говорю я.

— Ты не замечал ничего странного в Тея в последнее время?

Я хмурюсь. — Страннее, чем напряженность между вами двумя с тех пор, как вы вернулись из Дедхэма?

Он стонет. — Это так очевидно?

— Что у вас что-то произошло? Да, приятель. Довольно очевидно, черт возьми.

Я знаю сторону Тея, но все, что она сказала, не имеет смысла, когда речь идет о том, почему Уилл так себя ведет с ней.

— Она когда-нибудь говорила тебе, что встречается с кем-то? — спрашивает он, и я

сразу же останавливаюсь.

Это вырвалось из чертова ниоткуда.

— Как бы она мне сказала? Мы почти не разговариваем.

— Просто мама начала говорить о том, что Тея наконец-то должна найти себе парня, потому что она не молодеет и все такое, — он делает паузу. — Тея ничего не сказала на это, как обычно, но, клянусь, это выглядело так, будто она хотела сказать. Как будто она собиралась сказать, что у нее на самом деле есть парень.

— Почему ты так думаешь?

Уилл наклонил голову. — Потому что я знаю свою сестру, Ксавьер. Либо так, либо она начнет плакать. Она не разговаривает с нашими родителями. Даже если иногда они действительно заслуживают того, чтобы услышать от нее пару слов.

— Тогда почему бы тебе не поговорить за нее? — спрашиваю я.

— Если Тея и ненавидит что-то большее, чем маму, то это когда кто-то говорит за нее. Она хочет сражаться сама. И я ее понимаю.

Я знаю это, но я также знаю, что она устала от того, что всегда все делает сама. Она жаждет одобрения, и без вмешательства Уилла она его не получит.

Однако я не говорю этого и только киваю.

— Она ничего мне не сказала. Тебе нужно спросить Офелию. Она ее лучшая подруга, так что, возможно, она знает.

Уилл смеется, качая головой. — Офелия прикрывает мою сестру, как и сегодня утром. Она никогда бы не предала Тею, рассказав мне что-нибудь, не поговорив сначала с ней.

Он не дурак, и никогда им не был. Иначе я бы не дружил с Уиллом. Однако он знает больше, чем говорит, и мне от этого не по себе. Я никогда не думал, что он уделяет столько внимания Тее. Конечно, мы редко говорим о ней.

Прибытие к домику портье у Больших ворот, который студенты называют Плодж, не занимает много времени. Я открываю двери и вхожу внутрь. В столовой уже есть несколько человек, и еще несколько — в столовой, выбирая еду.

Столовая — одно из тех мест, где буквально чувствуешь себя как в Хогвартсе, поэтому, когда я пришел сюда в первый раз, мой 10-летний ребенок чувствовал себя вполне довольным жизнью. До этого здесь учились два моих брата, поэтому услышанные истории заставили меня думать, что я готов к жизни в Кембридже, но я не мог ошибиться. Конечно, это открыло для меня несколько дверей, особенно когда дело дошло до игры в лакросс. Я могу изменить свое школьное расписание в соответствии со своими склонностями, поскольку раньше я не ходил на утренние занятия. Тем не менее, здесь совсем другой уровень жизни, о котором нельзя просто услышать, а скорее прочувствовать.

Мы идем в столовую и берём еду, прежде чем вернуться в основную часть.

Я даже не представлял себе такого странного и великолепного места. В центре стоят три длинных стола, освещенные множеством ламп, стоящих одна за другой посередине. Они застелены белой скатертью, на них стоят тарелки и столовые приборы. Все идеально сервировано. Такое случается нечасто. Время от времени создается впечатление, что нам предстоит шикарный ужин. Обычно студенты просто берут еду из столовой и располагают ее на подносах. Возможно, они изменили это, потому что сегодня пятница и приходит больше людей, так как у них есть время после занятий.

На самом верху есть еще один стол, где я вижу Тею, Офелию, Элиаса и еще нескольких друзей, которые уже сидят и едят. Они выглядят так, будто им весело, и мне становится

интересно, как прошел второй год Теи. Я даже не спрашивал ее об этом. Большинство наших разговоров сводились к моим дням и нескольким сексуальным сообщениям тут и там, украшенным большим количеством флирта.

Высокий потолок с деревянными арками украшен темно-синей тканью, свисающей до стен прямо там, где находятся картины. Каждая из них помещена в рамку и подсвечена сверху, создавая прекрасную иллюзию, как будто они вообще не прикреплены к стене. Все они изображают выпускников колледжа Тринити, таких как сэр Исаак Ньютон или сэр Грегори Винтер. По мне, так это лишнее, но Кембридж гордится своими знаменитыми людьми. Я просто жду, когда те политики, которые учились здесь, поднимутся туда. Это было бы уморительно и крайне глупо, хотя, возможно, их научил Оксфорд и их фиаско в Буллингдонском клубе.

Уилл бежит впереди меня, догоняя свою сестру и других сидящих за столом. Он обнимает Офелию сбоку и кивает другим парням, останавливаясь возле Элиаса, вероятно, чтобы поздравить его с днем рождения. Странно находиться здесь, проводя время с людьми, с которыми я едва познакомился в начале этого года. Большинство людей с нашего с Уиллом курса решили учиться в других местах или работать, закончив только программу бакалавриата. Если быть до конца честным, иногда было достаточно просто сказать, что ты учился здесь, не говоря уже о том, что ты изучал право. Как-то хотелось, чтобы этого было достаточно и без поступления в аспирантуру.

Но несколько человек остались, и в какой-то момент мы начали тусоваться вместе — независимо от того, был ли кто-то уже студентом или аспирантом. Я был бы последним, если бы не поездки за границу. Впрочем, я не жалею. Мне удастся видеться с Теей чаще, и не только в перерывах между занятиями.

Я смотрю на нее, слежу за каждым ее движением, когда она о чем-то говорит с Элиасом, оживленно жестикулируя. Он широко улыбается ей, и мои губы сжимаются в тонкую линию. Он поглощает каждое ее слово, и как бы ни было это мелочно, я ненавижу этого парня. Тея обычно распространяет вокруг себя такую ауру, что трудно игнорировать ее или то, что она говорит. Она интересная, все находит увлекательным и заставляет человека чувствовать, что она полностью посвящает себя прямо здесь и сейчас.

Я стискиваю зубы, когда она начинает играть со своими волосами, и она, как по команде, откидывает голову назад. Мой взгляд достаточно интенсивный, чтобы она это почувствовала. Ее губы раздвигаются на середине фразы, а пальцы перемещаются к виску, зачесывая волосы за ухо. Едва заметный румянец на ее щеках дает мне понять, что она покраснела. Ее глаза смотрят на меня, пристальные и пронзительные.

Воздух меняется.

Она плотнее закутывается в серый кардиган, как будто ей холодно сразу после того, как она почувствовала вспышку внезапного тепла. Это заставляет меня задуматься. Кажется, она всегда так реагирует на меня, и это мне льстит. Неважно, как сильно она пытается это скрыть.

У меня сжимает желудок, хотя я почти уверен, что это не связано с тем, что я не ел весь день.

Я подхожу к столу, приветствуя всех. Сняв пиджак, я бросаю его на спинку стула.

— Бен и Адриан не верят нам, что Корланд дал нам подготовить инсценированный суд, — говорит мне Офелия, когда я сажусь рядом с ней. Уилл сидит по другую сторону от меня, а Тея прямо передо мной. Идеальное место.

Я хихикаю, качая головой.

— Потому что мы все знаем, что он этого не делает, — говорит Адриан.

— Для всего всегда бывает первый раз, приятель, — отвечаю я. — Мы все знаем, что у него есть свои правила, но он также является противником всякой ерунды, поэтому, когда ему надоело читать одно и то же снова и снова из последнего задания, он решил все изменить.

— Думаю, это больше связано с тем, чтобы заставить нас работать вместе. Он же дал нам Сэмюэля Хейла, — пробормотала Тея себе под нос, но мы все это услышали.

Не секрет, что она с ним не ладит. С тех пор, как они встретились на первом курсе, между ними началась война. Я понимаю, почему. Этот парень — кто угодно, только не порядочный человек. Он всегда заставляет всех чувствовать себя так, будто они ниже его. Хотя он сам на себя это навлекает, рассказывая обо всех причинах своего величия, как будто это кого-то волнует. Возможно, руководство университета и несколько профессоров, которые помнят его отца или даже деда, но не более того.

Бровь Уилла поднимается, когда он смотрит на свою сестру. — Еще одна веселая супервизия, как я понимаю? Хотя я думал, что это Корланд залез тебе под кожу.

— Вообще-то, оба. Сэмюэль начал свою обычную чушь про расизм и прочее. С Корландом у меня все получилось. Я забыла принести газету и опоздала на несколько минут, так что он был совсем не впечатлен.

— Это не объясняет, почему он никогда ничего не говорит Сэмюэлю о его ценностях и убеждениях, Тея. Я знаю, что ты восхищаешься им, но хватит. Если ты чувствуешь, что тебя осуждают, ты должна сказать об этом.

— Я не хочу. Меня больше злят, чем задевают его слова. Кроме того, разве ты не знаешь Сэмюэля? Он осторожен в своих словах. — Она закатывает глаза, когда говорит это. Нет ничего хуже, чем навязывать мнение одного человека всему обществу. Конечно, есть много людей, которые считают, что чернокожие люди ниже, чем смешанные расы, но это никогда не будет правдой.

Но меня бесит, что этот ублюдок заставляет Тею чувствовать себя так. Как бы я хотел избить его смазливую мордашку до пухлого состояния.

До конца ужина тема переходит на что-то более легкое. Вопреки мнению людей, мы говорим не только о школе и учебе. Особенно когда наступает конец недели и никто из нас не хочет тратить ни секунды на обсуждение докладов, лекций или контрольных.

Мы продолжаем говорить обо всем и обо всех, кроме университета, в течение следующего часа, прежде чем решаем прогуляться до паба, о котором все, кажется, взволнованы. Все, кроме Теи. Ее выражение лица искажается от нежелания. Это не обязательно означает, что она не любит случайные вечеринки или прогулки, но рано утром у нее занятия по фотографии, и мысль о том, что она не выспится, вызывает у нее беспокойство. Она человек, который любит присутствовать в моменте и выкладываться на сто процентов. Всегда.

— Ты иди, я сегодня пас, — говорит она, когда все встают. Она обходит стол и слегка обнимает Элиаса. — Надеюсь, ты не против. Прости меня. Я просто не в настроении.

Я бы мысленно отмахнулся от нее, если бы не блеск, сверкнувший в глазах парня. Не уверен, привлекает ли его Тея или она ему просто очень нравится, но мне не нравится, что он реагирует на каждое ее движение, как будто они там единственные люди. Я понимаю, что Тея этого не видит, но я-то, черт возьми, вижу.

Я прочищаю горло и открываю губы, чтобы откланяться и пойти в паб, но в этот момент чья-то рука слегка толкает меня в спину, и я чувствую сладкий аромат клубники.

Краем глаза я вижу одну из девушек из двора сегодня. У нее длинные рыжие волосы и зеленые глаза. Она запомнилась мне тем, что не могла выдержать моего взгляда, хотя сейчас она кажется совсем не застенчивой.

Холли.

Мы вместе ходили на лекции и контрольные во время первого года обучения в Кембридже. Она высокая, лишь немного ниже меня, поэтому она наклоняется к моему уху.

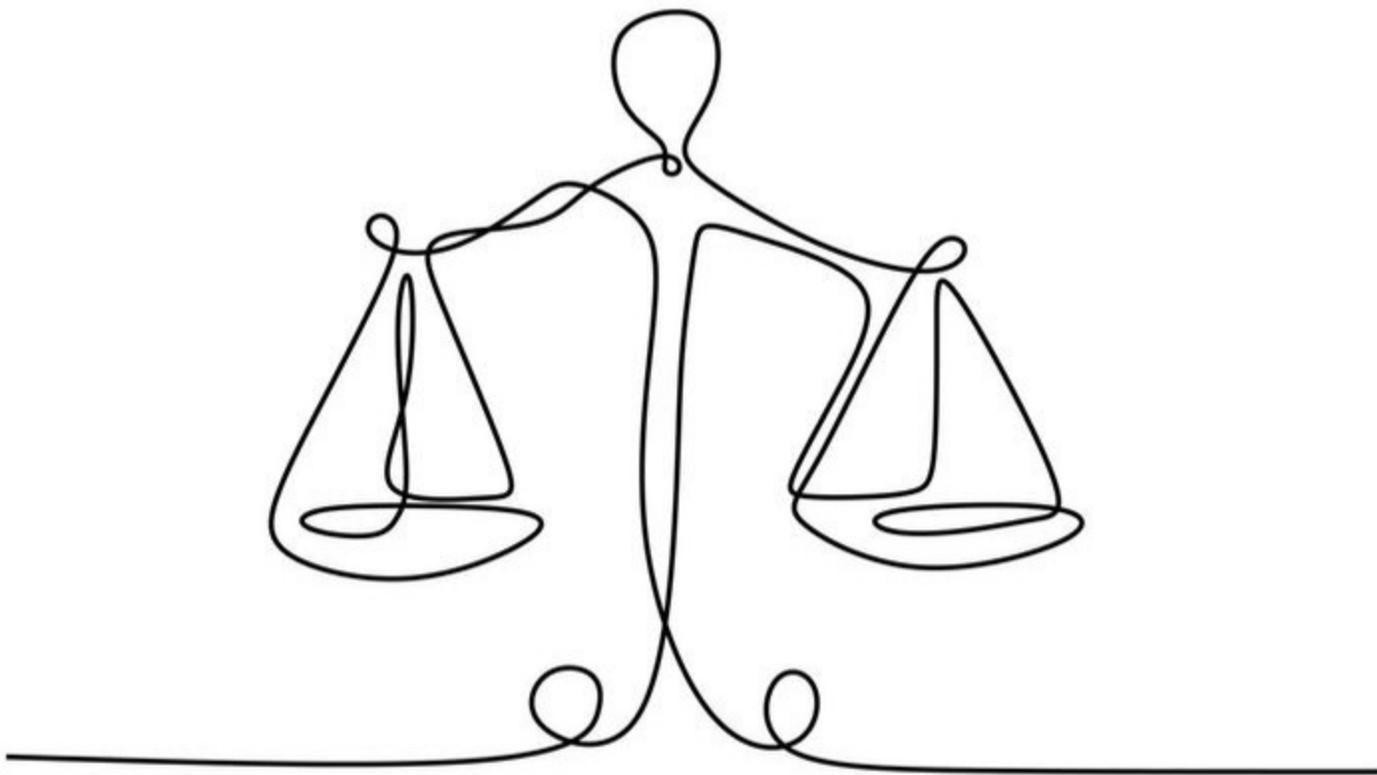
Она что-то говорит. Я знаю, что говорит, но мой разум, должно быть, закрылся от слов, потому что в тот момент, когда мои глаза на короткую секунду снова встречаются с глазами Теи, я вижу тень ревности на ее лице, доминирующую над прежней неохотой.

Я сглатываю, делая шаг назад.

— Извини, увидимся позже, — говорит Теа, прежде чем уйти, сначала в столовую, чтобы сдать посуду, а затем за дверь.

Сделав шаг назад, я просто улыбаюсь рыжей, делая вид, что мне нравится все, что она сказала. К счастью, похоже, что это был не вопрос, поэтому, кокетливо улыбнувшись, она уходит. Видимо, к своим друзьям.

Тея

— Ты не очень-то хитрая, Теодора, — слышу я за спиной, натягивая на голову капюшон куртки.

От этих слов по моему позвоночнику пробегают мурашки, а кровь в венах стынет. Начинается дождь, и капли разбиваются о мое лицо. Мои глаза слезятся, и я даже не знаю, почему я плачу. Точнее, я знаю, но это смешно. Мой гнев никогда не остается просто так. Он превращается в стыд и сомнения, прежде чем остановиться в печали, задерживаясь там еще немного.

Ксавьер — мой, и он это знает. Он не приглашал девушку флиртовать с ним, она сама подошла. И я не задержалась, чтобы увидеть его реакцию. Конечно, он не оттолкнул ее, но он бы и не стал бы. Не на глазах у всех наших друзей, которые легко могут усомниться в его мотивах. В конце концов, ее длинные ноги, гладкая кожа и огненно-рыжие волосы — это не то, от чего можно ожидать, что ты пошлешь ее подальше. Не тогда, когда у тебя есть альтернатива. Хотя, когда уходила, я больше ничего не видела.

И вот я стою посреди дороги под проливным дождем и даже не могу спокойно думать о том, что произошло в столовой, когда передо мной появляется Сэмюэль Хейл. Он одет в белую рубашку и темно-коричневые брюки, или мне так кажется, потому что сейчас темнее, чем час назад, а дождь быстро смывает краски.

Его руки в карманах пальто. Он с любопытством смотрит на меня, слегка наклонив голову в сторону.

— У меня нет времени на этот спарринг с тобой, Сэмюэль. Давай оставим это для другой супервизии.

— Я не спаррингую с тобой. Я просто говорю, что тебе следует быть осторожнее, показывая, как сильно Блейк влияет на тебя. Ты совсем не деликатна в этом, — говорит он, и мое сердце на секунду замирает.

Еще на лекции в аудитории Корланда я думала о том, знает ли Сэмюэль обо мне и Ксавьере. Но я пыталась убедить себя, что вижу то, чего нет. В конце концов, я стала параноиком из-за того, что люди знают, до такой степени, что мне надоело держать это в секрете.

Сейчас Сэмюэль признается именно в том, что меня интересовало. Он не скрывает этого, не размахивает своими мнениями в предложениях. Он прямо говорит мне, что *знает*.

— Блестяще. Тебе еще что-нибудь нужно?

— Ты глупая, ты знаешь это?

Честно говоря, если бы я не была уже мокрой, а моя одежда не весила вдвое больше меня самой, я бы ударила его по щеке за это.

— Он использует тебя, а ты это ешь, — отвечает он на мой незаданный вопрос. — Он встречается с тобой в темноте, но никогда не показывает тебя. Какой бы гребанный секс ты ему ни давала, он преуспевает в этом, не задумываясь о твоих чувствах и желаниях. Он не хочет всем о тебе рассказывать, а ты для него настолько далека, что просто позволяешь этому быть.

Я делаю глубокий вдох.

— Бедная маленькая девочка так и не узнала, что нельзя доверять людям? Тебя поймут, используют, а потом выбросят. И он сделает то же самое. Вот увидишь.

Что-то внутри меня разрывается, и горловой смех вырывается из моих губ, приводя его в замешательство. Жемчужный звук эхом отражается от здания совершенно пустых улиц.

— Должно быть, тебя убивало держать все это в себе, верно? — спрашиваю я, делая шаг к нему. — Ты не можешь быть таким открытым во время наших лекций или контрольных, потому что знаешь, что половина из этих людей съест тебя и выплюнет, если ты покажешь свое истинное лицо. И профессор Корланд тоже. Поэтому ты делаешь все, чтобы дать мне почувствовать, как сильно ты меня презираешь, не говоря при этом ни хуя.

— Да, конечно, потому что ты настолько важна, что мне нечем заняться в жизни, кроме как издеваться над тобой.

Я пожимаю плечами. — Возможно. Меня это ни капли не удивит. Новость, Сэмюэль. Ты даже не можешь понять, что мне наплевать на тебя и твое мнение. Ты просто жалкая пустая трата воздуха, и я не обязана разговаривать с тобой дальше. — С этими словами я снова разворачиваюсь и направляюсь в сторону квартиры. Еще секунда, и завтра меня будет тошнить.

— Что он тебе сказал?

О, черт возьми!

Неужели меня не оставят в покое?

Ксавьер догоняет меня, явно видя мой напряженный разговор с Сэмюэлем. Я сказала парню правду, но все равно больно думать, что есть люди, которые получают удовольствие от чужой боли. Не потому, что они что-то им сделали, а просто потому, что они родились.

Потому что я родилась.

— Ничего, что он не хотел сказать все это время.

Он недолго ждет, прежде чем понимает, что я имею в виду, и его лицо омрачается яростью. Ярость, которая не приносит ничего хорошего.

Последний раз я видела такой взгляд в конце моего первого года в Кембридже, когда кто-то назвал брата Ксавьера педиком, который трахал профессора, когда тот был здесь. Он не ждал ни секунды, прежде чем наброситься на мужчину, нанося удары и пинки. До такой степени, что когда приехала скорая помощь, парамедики не были уверены, жив ли он еще.

Я не знаю, как Ксавьеру не предъявили обвинения, когда столько людей видели, как это произошло, и могли бы дать показания в суде, если бы дело дошло до этого. Но я помню, как ужасно боялась его после этой ситуации в течение некоторого времени.

Я не могла смотреть на его руки, не видя этого инцидента.

Ксавьер не злится, *пока не разозлится*. Он непредсказуем, и даже Уилл оставил его в покое больше чем на неделю, чтобы дать ему успокоиться. Вот сколько времени это заняло.

Поэтому, прежде чем я стану свидетелем еще одного из этих его приступов, я хватаю его за рукав и прижимаюсь к нему всем телом, крепко обнимая его и пряча лицо в его груди. Его сердце бьется быстро, но он не отталкивает меня, чтобы последовать за Сэмюэлем. Вместо этого он наклоняет голову и целует макушку моей головы. Со временем он успокаивается.

— Пойдем домой, — шепчу я, глядя на него.

Встав на цыпочки, я приникаю губами к его губам. Раз, два, третий... Он обнимает меня за талию. Мой язык раздвигает его мягкие губы, и в этот момент его стон раздается у меня во рту. Волна тепла разливается у меня между ног. Вот как сильно он на меня влияет.

Он сводит меня с ума с каждым мгновением больше, чем предыдущее. Тут же он подхватывает меня на руки одним плавным движением и несет меня до самой квартиры, и мои тихие смешки тают на его щеке, когда я нежно целую ее.

***

Одна из моих любимых вещей в физиологии человека — это то, как наши глаза могут рассказать вам обо всем. Они меняются, когда мы смотрим на любимого человека. Наши зрачки автоматически расширяются. Я где-то читала, что они могут слегка менять цвет, хотя я не уверена, что это не просто люди, романтизирующие все до неузнаваемости.

Однако мне хотелось бы думать, что в этом есть доля правды. Что есть что-то большее, великое, когда мы находимся рядом с любимым человеком. Потому что всегда что-то меняется, когда я вижу Ксавьера. Я чувствую это всем телом. От мягкого щекотания до вспышек жара. Я стараюсь моргать реже, чем обычно, лишь бы этот момент длился подольше, хотя бы на секунду. Или я улыбаюсь, как дурочка, и не только губами, но и лицом. И все это происходит так легко и повсеместно, что становится страшно.

Никто не должен оказывать такое влияние на другого человека.

Положив голову на плечо Ксавьера, я чувствую, что все больше и больше устаю. Мои глаза тяжелеют, и я перестаю обращать внимание на фильм, который мы смотрим. Я всегда бегу вперед в течение недели с большим количеством уроков и работ, которые мне нужно сделать, и когда наступают выходные, я чувствую себя выжатой из всех сил и энергии. Я даже не осознавала, насколько измотана, пока мы не уселись на диван в моей гостиной, пересматривая какой-то документальный фильм о настоящих преступлениях.

Тем не менее, я пытаюсь бороться с этим. Это первый раз в этом году, когда мы с Ксавьером можем побыть наедине, и мне нравится, что мы можем просто лежать здесь, не

занимаясь сексом или чем-то еще сексуальным. Только расслабляться под звук телевизора, жужжащего на заднем плане, когда Ксавьер шепчет мне на ухо. Ничего осязаемого, просто мягкие звуки, которые приводят мое тело в полное и абсолютное спокойствие.

— Могу я спросить тебя кое о чем? — Я нарушаю тишину своим тихим голосом. Я слишком устала, чтобы издать что-то большее, чем едва слышный шепот.

Он просовывает руки мне под спину и прижимает мое тело к своему. Я развожу ноги в стороны, еще сильнее прижимаясь к нему. — В чем дело?

Мое горло сжимается, пальцы смыкаются на толстовке, которую я отдала ему из гардероба Уилла, чтобы его одежда могла высохнуть в ванной. — Ты бы напал на Сэмюэля так же, как на того парня больше года назад?

На мгновение вокруг нас воцаряется тишина, хотя я не верю, что Ксавьеру нужно об этом думать. Он не делает ничего, о чем не подумал бы сначала. Даже такого насилия, как избивание кого-либо.

— Если бы ты не удерживала меня... тогда да, — наконец отвечает он, слова звучат едва слышно, но благодаря тому, как тихо внутри, они резонируют не только в комнате, но и в моей голове. Прыгают туда-сюда.

Моя спина поднимается и опускается, мое тело сомневается, стоит ли мне находиться так близко к нему. Он не сердится, и я, конечно, не боюсь его, но образы, снова проносящиеся в моей голове, не останавливаются только потому, что так говорит мое сердце.

— Тебя это пугает, *Меллилла*?

Я не отвечаю.

— Как тебе это сошло с рук? Разве полиция не была задействована?

— Была. Дело так и не дошло до суда, потому что мой отец оплатил медицинские счета и купил молчание семьи. — О да, деньги творят чудеса для таких людей, как мы. И мои, родители Ксавьера такие же. Офелия и Элиас тоже. Все они считают, что деньги — это единственное, что тебе нужно, когда ты натыкаешься на препятствие. — Неужели Уилл никогда не говорил тебе об этом?

Я сдвигаю голову и смотрю ему в глаза.

— Что рассказывал?

— Его вызвали в качестве свидетеля этого инцидента вместе со всеми остальными людьми.

Я хмурюсь. Я тоже там была.

— Меня не вызывали.

Ксавьер кивает, как будто это самая очевидная вещь в мире. — Это потому, что твой брат обошел всех остальных людей, говоря им, чтобы они не добавляли тебя в качестве свидетеля. Он хотел избавить тебя от этого ненужного опыта. Все равно никто не осмелится выступить против меня, так что весь этот допрос не имеет смысла.

— Это не так, Ксавьер. Для этого нужен всего один человек. Тебе повезло.

Наступает минута молчания. Я почти слышу биение своего сердца, оно учащается, каждый дюйм моего тела покалывает.

Я поднимаю руку и касаюсь его щеки; его внимание полностью приковано ко мне. Я чувствую электрические волны от прикосновения и этот проклятый калейдоскоп бабочек в животе. Эти сучки устраивают там чертову вечеринку.

Мы не разговариваем, и молчание не вызывает дискомфорта. Это, наверное,

единственный раз, когда я чувствую полный покой от общения с Ксавьером. Когда он не лжет, потому что просто не говорит ни слова.

Это... Мы... Прямо здесь.

Прямо сейчас.

— Никогда не подвергай себя неприятностям из-за меня, Ксавьер. Я не хочу навещать тебя в тюрьме, смотреть на тебя из-за стеклянного окна или через стол.

Он прислоняется своим лбом к моему. Мои ресницы трепещут, щеки горячие. Я чувствую его дыхание на себе, чувствую запах табака и мяты, смешанных вместе.

Его ладонь накрывает мою, и он переплетает наши пальцы. — Мне всегда нравилось насилие.

— Это не успокаивает меня.

— Но ты всегда будешь той, кого я буду защищать. От кого угодно и от чего угодно, — медленно говорит он, его нос касается моего. — Пообещай мне кое-что, *Меллилла*.

— Проси меня только о том, что ты можешь пообещать взамен, Ксавьер.

Он качает головой.

— Так не пойдёт, Теодора, — усмехается он. Я жду. — Всегда говори мне, когда что-то случается, когда кто-то причиняет тебе боль. Я не хочу, чтобы ты сама разбиралась с такими людьми, как Хейл.

Я сглатываю, потому что знаю, почему он просит меня об этом. Это не маленькое обещание. По крайней мере, не для меня.

— Ты убьешь его, — шепчу я, мой голос едва слышен.

— Да, Тея. Я бы убил. — Он делает паузу. — *Убью.*

Тея

Ранним воскресным утром я слышу звуки, доносящиеся из гостиной, предполагая, что Уилл уже встал. Удивительные лучи солнца проникают в мою спальню, когда я открываю глаза, пытаюсь привыкнуть к свету. Я надеваю носки и открываю дверь только для того, чтобы увидеть брата, бегающего по квартире, как курица без головы.

Часы показывают шесть утра. Слишком рано для такого человека, как Уилл, чтобы вставать в свободный день. Увидев меня, он кивает, но ничего не говорит. Вчера он провел весь день в постели с огромным похмельем, а сегодня, похоже, у него слишком много энергии для собственного блага. Тем не менее, он не сказал мне ни слова, и я не понимаю, почему. Мы не ссорились.

Уилл выходит в холл со спортивной сумкой через плечо и ножом-бабочкой в руке. Он играет с ним, крутит его между пальцами. Это то, что он часто делает. Особенно когда ему нужно собраться с мыслями. Хотя он старается не доставать его на людях. Я могу только представить себе последствия такого поступка.

У нас обоих есть кое-что, что мы делаем, когда испытываем стресс или неспособны ясно мыслить. Я ем жевательных мишек из одного из моих любимых магазинов сладостей в Кембридже, а он играет со своим ножом.

Я бегу и перехожу ему дорогу, прежде чем он исчезает, и мы проводим еще один день в

этом странном состоянии неизвестности.

— Я не могу этого вынести, Уилл. Почему ты злишься на меня? Что я сделала? — спрашиваю я.

Сначала он не смотрит на меня. Вместо этого он что-то нажимает на своем телефоне. Только когда я закрываю экран рукой, он встречает мой взгляд.

— Если я что-то сказала тебе в машине, прости меня. Ты знаешь, что я не хотела тебя обидеть. Просто чем больше времени я провожу с нашей мамой, тем больше раздражаюсь.

Он выдохнул, пряча нож обратно в брюки. — Дело не в этом, Тея.

— Тогда что?

— Ты продолжаешь лгать и скрывать от меня. Я понимаю, что ты не хочешь ничего говорить нашим родителям, но я твой брат. Ты должна быть в состоянии доверять мне во всем, — говорит он, и я делаю шаг назад. Я не ожидала этого, и теперь я начинаю задаваться вопросом, сказал ли ему что-нибудь Ксавьер. — Да ладно, Тея. Ты не можешь думать, что я поверил Офелии, что ты случайно решила провести ночь в ее комнате. Ты никогда так не делала.

— Так вот за что ты на меня так злишься? Уилл, я взрослый человек. Мне не нужно твое разрешение, чтобы остаться у моей лучшей подруги.

— Не обращай со мной, как с идиотом. Ты не была у Офелии. Она просто прикрывает тебя. И дело не только в этом. Ты с кем-то встречаешься, или, по крайней мере, я так думаю. Я видел твою реакцию, когда мама твердила тебе, чтобы ты нашла себе парня.

— И что? Она не в первый раз это говорит. Просто мне уже надоело это слышать.

Уилл качает головой. Его глаза не отрываются от моих, даже когда мы слышим, как открывается входная дверь.

— Но впервые ты выглядела так, будто собираешься сказать ей, что у тебя кто-то есть. Я знаю тебя достаточно, чтобы понять это, Тея. Ты встречалась с тем, с кем встречаешься, и я не понимаю, почему ты чувствуешь необходимость скрывать это. Мне все равно, что у тебя есть отношения. Мне важно, чтобы ты была в безопасности. Я не смогу обеспечить твою безопасность, если ты будешь лгать мне и проводить время с людьми, о которых я ничего не знаю, пока Офелия тебя прикрывает.

Он хватается за плечо.

— Мне жаль, хорошо? — Я делаю паузу. — У меня есть...

— Приятель, мы опоздаем, — слышу я голос Ксавьера позади себя и вскакиваю. Должно быть, он все слышал.

Уилл кивает. — Мы поговорим позже, — говорит он, целуя мой лоб. — Мы идем на тренировку по лакроссу.

Я хмурюсь. — Сегодня воскресенье. У вас никогда не бывает тренировок по воскресеньям.

— Да, мы просто решили сегодня потренироваться сами.

И с этим он уходит. Мой взгляд останавливается на Ксавьере, выражение лица которого ничего не выражает. Он даже не ухмыляется, как он обычно делает, когда видит меня. Я не уверена, злится ли он, что я чуть не рассказала Уиллу о нас, или нет.

Тея

Последний час я терпела худший, самый скучный урок из всех известных людям. Или, по крайней мере, мне. У нас с «Законом о наследовании» была одна общая черта — мы все хотим умереть. Кого волнует, что происходит с деньгами и всем остальным, чем владеет человек после смерти? Уж точно не меня. И не сегодня.

Это такая скучная лекция, что я провожу ее, занимаясь исследованиями для инсценированного судебного процесса. По сути, это все, чем я занималась последнюю неделю. Я встречаюсь со своей группой после занятий и между ними, чтобы определить наиболее важные аспекты, установить общие правила и обсудить идеи, которые у нас есть. Мы работаем над защитой так же, как если бы мы были адвокатами.

Я никогда не воспринимала эту работу как легкую, хотя подготовка к занятиям с Корландом оказалась более сложной, чем я могла себе представить.

Сказать, что я ненавижу этот опыт, было бы преуменьшением. Я не против работы. Даже нахождение рядом с Ксавьером в течение такого длительного периода времени в окружении других людей не отвлекает мое внимание от этого проекта так сильно, как это делает Сэмюэль. Он не способен работать в группе и хочет командовать всеми вокруг. И все же он застрял с людьми, которые делают все, что угодно, только не слушают его.

После нашего спора я старалась не обращать на него внимания, чтобы не давать ему

повода выступать против меня. Однако время от времени я слышу комментарии, доносящиеся из его рта. И они касаются не только меня, что заставляет думать, что Сэмюэлю нравится наблюдать не только за мной и Ксавьером, но и за другими. Это почти, как если бы он был частью группы, чтобы знать определенные вещи, и это, мягко говоря, тревожит.

Так что ничто в этих приготовлениях не проходит гладко.

Не помогает и то, что сегодня я весь день чувствую себя странно. Есть что-то такое в сегодняшнем дне, что заставляет меня чесаться одновременно от предвкушения и страха. В животе у меня все скручивается и затягивается в узлы. Даже свежий воздух, который появился после целой ночи проливного дождя, вызывает у меня тошноту.

Читая о преступлениях на почве ненависти, в который раз, мне трудно сосредоточиться. Честно говоря, я считаю, что Уэс дал нам случай убийства на почве ненависти, чтобы позлить меня. Я не уверена, что Сэмюэль думает об этом, но я готова поставить все свои деньги на то, что он хотел бы, чтобы последней супервизии никогда не было. Тогда бы у нас не было этой проблемы.

Этот случай издевается над нами самым худшим образом.

Возможно, я родилась в Великобритании; я могу прекрасно говорить на этом языке без иностранного акцента, но это не меняет моей внешности. Когда люди смотрят на меня, они видят смуглую кожу, вьющиеся каштановые волосы и темные глаза. Несмотря на то, что в моих жилах течет кровь моей мамы, я дочь своего отца. В большинстве случаев я горжусь этим, но с каждой встречей и разговором с Сэмюэлем, он заставляет меня все больше осознавать, что я наполовину замбийка, и я чаще вижу красное, чем нет.

Свет на столе передо мной мерцает, снова давая мне знать, что идет дождь и надвигается гроза.

Я выдыхаю, пытаюсь сосредоточиться на лежащей передо мной книге и не думать о том, что скоро мне придется покинуть библиотеку и отправиться в другую часть кампуса на собрание группы.

Закрыв глаза, я вдыхаю и чувствую мягкий и тонкий, но в то же время сильный древесный аромат с оттенком цитрусовых. Затем вдыхаю табак, и у меня не остается сомнений в том, кто стоит прямо за мной.

Прикусив нижнюю губу, я чувствую его дыхание на затылке, когда он наклоняется ко мне, упираясь обеими руками в стол, закрывая меня собой. — Как дела, любимая? — спрашивает он.

Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на него как следует, и мое дыхание останавливается.

— Ради всего святого, Ксавьер, не подкрадывайся ко мне, — шиплю я, хотя он ни капли меня не напугал. Но в один из тех случаев он это сделает, и мои инстинкты могут быть жестокими.

Он растягивает губы в широкой улыбке, показывая свои идеально ровные, белые зубы.

— Прости, *Меллилла*, — говорит он, нежно целуя мою прядь волос, прежде чем занять место в пустом кресле рядом со мной. Его взгляд не меняется, и когда я пытаюсь вернуться к чтению, я чувствую его присутствие, его взгляд буравит меня, и невозможно сосредоточиться на словах.

Ксавье любит смотреть.

С того момента, как мы познакомились, он проводит много часов, просто глядя на меня.

Сначала издалека, когда мы ели в столовой, тусовались в одном пабе, но с разными людьми, или в перерывах между занятиями, когда у нас были лекции в одном здании. Потом, когда я перестала притворяться, что мне не нравится его внимание, мы часами лежали в постели, просто глядя друг на друга, или читали книги по праву, украдкой поглядывая то туда, то сюда из-за стола в библиотеке. Теперь у Ксавьера появилась еще одна возможность, и это во время лекций Корланда. Иногда мне кажется, что он решил пойти на этот курс только ради меня. В конце концов, он хочет стать корпоративным юристом, а не уголовным.

— Ты пялишься, — шепчу я. Мои щеки горячие и, наверное, немного красные.

— Я смотрю, потому что ты красивая. — От теплых тонов его одеколona до его голоса и хорошо подобранных слов — в него так легко влюбиться.

Мое сердце начинает биться быстрее с каждой секундой. Я наклоняю голову, приближая книгу к лицу, пытаюсь скрыть смущение. Я никогда не умела принимать комплименты. Мне становится неловко, и я всегда делаю вид, что не слышала их. Не потому, что я играю в игры, просто я такая.

До встречи с Ксавьером я редко слышала, чтобы обо мне говорили что-то хорошее. Это почти как если бы он знал и сделал своей миссией наверстать все упущенное.

Что-то есть в его глазах. Какая-то магия, которая притягивает меня. Грязная, темная и подавляющая, но такая прекрасная.

— Клянусь, Ксавьер, в один из этих дней я научусь лучше игнорировать тебя, — бормочу я, не глядя ему в глаза.

Я слышу, как он хихикает, и краем глаза вижу, как он качает головой. Он знает, что я полна этого. К сожалению, я тоже это знаю, потому что могу находиться в комнате, полной людей, и все равно буду видеть только его. И поверьте мне, я испытываю это каждый раз, когда захожу в класс Корланда. Там так много людей, но никто не удерживает мое внимание так, как он.

— Если ты закончила притворяться, будто читаешь самую увлекательную книгу в мире, мы можем провести следующие пятнадцать минут намного лучше, прежде чем встретимся с другими.

Я выдыхаю, наконец встретившись с его глазами. Моя голова слегка наклоняется влево, и я бросаю на него жалостливый взгляд, на который я способна.

— Разве ты уже не прочитала все, что можно, о преступлениях на почве ненависти? Я уверен, что с еще одной книгой тебя можно будет вызвать в качестве свидетеля-эксперта, — говорит он, берет книгу из моих рук и закрывает ее, пряча за спину.

Я протягиваю руку, наши тела соприкасаются, когда я надеюсь схватить книгу.

— Пойдем, Ксавьер. Мне нужно закончить еще немного. Я отказываюсь приходить неподготовленной, чтобы увидеть еще одну ухмылку на лице Хейла и комментарии, которые он скрывает, но я всегда слышу их в своей голове.

Ксавье не сдается и хватает меня за запястья, поднося их к своим губам. Его глаза не отрываются от моих. — Если он хоть раз не так посмотрит на тебя, я позабочусь о нем.

Я знаю, что это значит, и мурашки бегут по моему позвоночнику при этой мысли.

Мой желудок сжался, мгновенно отреагировав на опасные нотки в его голосе.

Я пристально смотрю на него, пока он продолжает изучать каждую маленькую веснушку на моих щеках. Его очень трудно понять, потому что он редко что-то показывает. Если только он сам этого не хочет. Он настолько контролирует себя и свои эмоции, что это пугает.

Иногда я думаю, что, возможно, он вообще ничего не чувствует. Что ему не хватает эмпатии и всего того, что делает его человеком. Но потом он говорит что-то, что заставляет мое сердце биться быстрее, и я отбрасываю эту мысль.

Он гордится своим контролем. Мне не нужно спрашивать его об этом, чтобы знать. Маленькие намеки, которые он делает то тут, то там, например, признается, что любит насилие, но никогда не делает ничего, не обдумав все до конца. Даже когда он избил того парня до полусмерти. Это была ярость, но контролируемая. Это необычная смесь. Это произошло просто потому, что ему это нравится.

Возможно, именно поэтому он решил изучать право. Несмотря ни на что, он ясно мыслит и принимает все правильные решения — правильные для него, то есть. Он будет лучшим адвокатом. Я не собираюсь говорить об этом вслух, потому что он лучше меня на каждом шагу, и я отказываюсь подстегивать его эго. Мне нравится соревноваться с ним. Это заставляет меня работать усерднее, думать быстрее в том, что касается закона.

— Это не понадобится. Я сама с ним справлюсь.

Он кивает, но я почти уверена, что в его голове он отвергает мои слова. В конечном итоге это не будет иметь для него никакого значения.

— Просто говорю. — Он пожимает плечами, наклоняясь. Его губы искривляются в привычной ухмылке, а его язык выныривает, и он слегка облизывает уголок моих губ. Это дразнящий жест, который всегда заставляет меня смеяться. Вот почему он продолжает это делать.

Я хихикаю, качая головой. Мой палец указывает на его грудь. — А теперь оставь меня в покое еще на десять минут. Мне нужно закончить чтение.

— Ты знаешь предмет вдоль и поперек, Тея. Ты изучала его под руководством Корланда, не так ли?

Я нахмурилась при этих словах.

Почти уверена, что не рассказывала Ксавьеру или кому-то еще, кроме Офелии, о чем мы сейчас говорим на супервизиях. Я упомянула только расистские комментарии Сэмюэля и опоздание. И почему-то я сомневаюсь, что Офелия вообще говорила с ним о чем-то из этого.

— Откуда ты это знаешь?

— Я наблюдаю за тобой, поэтому я знаю кое-что, *Меллилла*, — шепчет он.

— Это немного жутковато, если ты спросишь меня.

— Хорошо, что меня это не волнует. — Он целует меня и отодвигает стул. — Пойдем, ты закончила заниматься. Тебе нужно немного поесть. Могу поспорить, что ты ничего не ела с завтрака.

Я не отвечаю. Если признаться в этом вслух, он еще больше убедится, что знает меня. В какой-то степени он знает, но я отказываюсь дать ему понять, что я тоже так думаю.

Мой желудок, как по команде, начинает урчать, и я выдыхаю, но встаю и быстро укладываю все свои вещи в сумку, прежде чем выйти из библиотеки с Ксавьером спешащим за мной пятам. Мы выходим из здания, проходя мимо группы студентов, входящих в библиотеку.

Всегда забавно думать, что Кембридж известен тем, что в нем учится много богатых и титулованных детей. Тех, чьи родители просто должны вложить немного денег в их образование, чтобы они сдали экзамены и закончили школу с отличием. И все же большинство из нас проводят каждый свободный час в библиотеке или на лекциях и занятиях. Так кто же мы все на данный момент — богатые или трудолюбивые? Потому что я

больше не вижу разницы. По крайней мере, здесь.

Мы входим в сад Харви Корт. Я не уверена, куда Ксавьер ведет меня. Рядом с нами нет ресторанов быстрого питания, а столовая находится в другой стороне, но я решаю не спрашивать. Я голодна, поэтому, пока есть еда, я буду в порядке.

Я смотрю вниз на его руку, пока мы идем рядом друг с другом, и лишь несколько человек тут и там окружают нас. Я прикусываю губу, и мои пальцы судорожно сжимают его руку. Мягкие кончики моих пальцев касаются его запястья, но он ничего не говорит и не делает.

Дует ветер, и это почти как толчок, когда я обхватываю его пальцами, чувствуя тепло его кожи. Мурашки пробегают по моей коже, а на щеках вспыхивает жар. Это чувство непревзойденно. Неважно, сколько раз я прикасалась, обнимала или целовала Ксавьера, это всегда похоже на первый раз.

Его большой палец проводит по моим костяшкам, и я открываю рот.

— Мы снова встретились.

А? Что?

Мне требуется секунда, чтобы понять, что это не мой голос, а женский тон, звенящий в моих ушах, доносится сзади нас. Тепло прикосновения Ксавьера мгновенно исчезает, и мы оборачиваемся, чтобы увидеть знакомую рыжеволосую женщину, которую я слишком хорошо помню. Та самая, которая подошла к Ксавьеру с тем кокетливым взглядом, который она рисует на своем лице даже сейчас.

Ее прямые волосы спадают на обнаженные плечи, и на ней облегающее розовое платье без бретелек, которое подчеркивает ее талию песочных часов.

Вблизи она потрясающая, а когда она улыбается, ямочки на ее щеках становятся еще глубже. Мне трудно смотреть на нее, зная, что она видит только мои рваные джинсы, белую футболку и черный пиджак. Честно говоря, с таким же успехом я могла бы быть бездомной. Не говоря уже о том, что она заставляет поверить, что сейчас лето, хотя солнца нигде не видно.

Ксавьер делает шаг к ней и немного скрывает меня, даже если это не намеренно. Он бормочет что-то, что я не могу разобрать, но прежде чем он заканчивает, я вижу, как она закрывает пространство между ними, а затем ее губы встречаются с его щекой.

Тея

Я в замешательстве смотрю на эту сцену.

Внезапно все вокруг меня останавливается. Кажется, что мир больше не существует, но боль, которую я чувствую в груди, напоминает мне, что на самом деле он не остановился. Насколько я могу судить, возможно, так оно и было.

Я не из тех, кто ревнует. Я ненавижу это чувство, и обычно, когда кажется, что оно царапает мои внутренности, готовое вырваться наружу, я подавляю его. Это не очень хорошая черта характера, поэтому я стараюсь все оставить как есть. Вредно ставить себя в положение, когда ты ставишь кого-то другого выше себя. Я никогда не делала этого с Уиллом, даже несмотря на постоянное давление со стороны моей матери. Однако я никогда не была первой, когда дело касалось Ксавьера. Он всегда был для меня важнее, и как бы я это ни ненавидела, но это то, что есть.

Но сейчас мои щеки стали мокрыми, несколько слезинок упали и разбились о мои ботинки. Я поворачиваю голову и вытираю их, делая несколько шагов назад, чтобы дать им место. Почему? Потому что я гребанная идиотка и, возможно, садистка, которой нужно напоминание о том, что у Ксавьера есть жизнь вне меня. Вопреки мне.

Рыжая обхватывает руками шею Ксавьера, пытаюсь еще больше приблизиться к нему, но все, что я вижу, это напряжение в его позе. Его губы сомкнуты, сжаты в линию. Его руки на

секунду сжались в кулаки. Но по какой-то причине, даже если я вижу, как он дергается, чтобы оттолкнуть девушку, он не делает этого.

И это последняя капля. Мне не нужно место в первом ряду, чтобы понять, какой катастрофой является моя личная жизнь. Или какая я жалкая. Потому что я не злюсь на Ксавьера. Во мне нет даже маленькой частички, которая бы скребла ярость в моем сердце. Мне просто очень больно.

Сделав глубокий вдох, я иду к выходу из Садов. Моя голова начинает раскалываться, и, честно говоря, головная боль — это единственное, что мне сейчас не нужно, чтобы добавить к тому, что я чувствую.

Остальные члены группы, вероятно, уже ждут нас.

По какой-то причине я оглядываюсь назад, что только подчеркивает мою глупость. Я вижу, как Ксавьер хватается за плечи и довольно грубо отталкивает от себя. Вена на его шее пульсирует, и я понимаю, что он зол, но в то же время я снова понимаю, что его действия хорошо продуманы. Он отступает назад, и наши глаза встречаются.

Но ненадолго, потому что я ускоряю шаг и исчезаю из его поля зрения. Я снова могу дышать, и мое сердце замедляется. Даже если совсем немного, я чувствую себя лучше.

Он не подыграл ее действиям. Это единственное утешение.

Она поцеловала его в щеку. Не в губы.

Я знаю это. Я просто не хочу быть там, даже слышать его отказ.

Я выхожу на дорогу. Мои ноги двигаются быстрее, чем я думала. Как будто они знают, что мне нужно сбежать из этой ситуации, или, возможно, из моего разума. Чем быстрее я окажусь в окружении других людей, у меня будет прекрасный повод игнорировать все остальное.

Как только я переступаю порог библиотеки Кембриджского университета, я чувствую крепкую хватку на своем локте. Я не в состоянии бороться с его силой, поэтому останавливаюсь, и мое тело дергается. Я встречаюсь с серыми глазами Ксавье. Выражение его лица пустое. Горячее дыхание щекочет мою щеку, и от интенсивности его присутствия по моему телу пробегают мурашки.

Я напрягаюсь, ожидая оправдания, в которое я не поверю, но приму. Потому что именно так все и происходит. Он что-нибудь придумает и заставит меня усомниться во всем. По-моему, это называется газлайтинг (прим. форма псих. насилия, главная задача которого — заставить человека сомневаться в объективности своего восприятия). Самая жестокая форма манипуляции, которую Ксавьер любит использовать.

Я все это слышала. Глубоко под этим толстым покровом наивности я достаточно умна, чтобы понять, что он делает. Думаю, каждый, кто когда-либо подвергался манипуляциям со стороны любимого человека, понимает, что это такое. Дело в том, что мы слишком сильно любим, чтобы отпустить это и уйти. Хотя и должны.

Более того — на все плохие моменты приходится гораздо больше хороших. Потому что, несмотря ни на что, я знаю, что Ксавьер любит меня по-своему. Он заботится обо мне настолько, что держит меня рядом и хочет защитить. Он говорит все те вещи, благодаря которым я чувствую себя в безопасности. Он компенсирует то, что моя семья никогда не давала мне — внимание. Он рядом, чтобы бросить мне вызов на всех возможных уровнях. В этом учебном году также на интеллектуальном уровне.

— Я люблю *тебя*, Тея, — говорит он, подчеркивая «тебя».

— Я знаю это.

— Тогда перестань убегать от меня каждый раз, когда чувствуешь себя неуверенно, — продолжает он. — Никто не знает о нас, поэтому, естественно, они позволяют себе больше, чем обычно. Она не знает, что у меня есть девушка.

Я сглатываю. — Мне все равно, что она не знает. Меня даже не волнует, что она поцеловала тебя в щеку. Хотя она определенно хотела поцелуя другого рода. Я просто...

— Ты просто что, Тея?

Я делаю паузу, когда он обхватывает меня за талию. И снова я не могу мыслить здраво.

Мои пальцы дергаются, чтобы схватить его запястья и оторвать руку от меня.

Но я не делаю этого.

Сюрприз, сюрприз.

Я смотрю в его глаза. — Просто знаю, что ты не отказываешься от них так, как следовало бы. Все думают, что можно попробовать. Не потому, что они не знают обо мне. Ты не приглашаешь их, но и не отвергаешь однозначно.

Он закатывает глаза. — Потому что я не забочусь о них настолько, чтобы уделять им время. Любые слова больше, чем необходимо, бесполезны.

— Ты считаешь, что это не нужно?

— Нет, это не так. Я не трачу свои слова и энергию на тех, кто этого не заслуживает. А отвергать девушек — это для меня именно это. Я концентрируюсь на том, что важно.

Я скрещиваю руки на груди. — И что же это?

Он убирает прядь моих волос за ухо и ухмыляется. — Ты, *Меллилла*. Я жду. Это еще не конец. Ему есть что сказать, и я вижу это в его глазах. — Однажды люди узнают, что ты моя, и тогда я больше не буду иметь ее в своем распоряжении. *Однажды*, — повторяет он.

Иногда я сомневаюсь, что этот день когда-нибудь наступит.

— Не лги мне.

— Зачем мне врать тебе?

— Ты уже делал это раньше.

Знаю, что делал. Я не могу точно назвать момент, когда и что это было, но таков Ксавьер — помешанный на контроле, лживый эгоистичный ублюдок... и любовь всей моей жизни.

Прикусив нижнюю губу, я наблюдаю, как ямочки на его щеках становятся глубже, а ухмылка превращается в небольшую улыбку. Он наклоняется.

— И все же ты любишь меня.

— И все же я достаточно глупа, — поправляю я его, прежде чем схватить его за шею и прижаться к его губам. Они мягкие, хотя и немного грубые, игривые.

Он приподнимает мою челюсть большим пальцем, и я поднимаюсь на цыпочки. Его язык выныривает, встречая мой, и он засасывает его в рот, прикусывает и целует меня с открытым ртом. Хныканье поглощается его губами, и он крадет мое дыхание.

— Я люблю тебя, — повторяет он.

Я не отвечаю. Хотя я тоже люблю его. И я поняла, что люблю его, когда начала оправдываться за то, что он причинил мне боль. Это никогда не было чем-то большим. Это мелочи — когда он игнорирует меня, уделяет время девушкам (неважно, что он говорит) и притворяется с Уиллом, что мы едва знакомы. Мне никогда не будет достаточно просто уйти, и он это знает.

Чем больше он контролирует ситуацию, тем больше я теряю контроль.

А он *всегда* контролирует. Он знает, что нужно делать, чтобы балансировать на грани,

но при этом никогда не опрокидывать его за борт, облегчая мне жизнь.

Я понимаю, что люди не поймут ни меня, ни наши отношения.

Так что, возможно, проще скрывать это, чем пытаться придумать слова, которые были бы достаточно хорошим объяснением. Потому что я даже не уверена, что такие слова существуют.

Ксавьер

С последней улыбкой я притягиваю Тею ближе к себе, обнимаю и целую макушку ее диких, вьющихся волос. — Пойдем. Они, наверное, ждут нас, — говорю я ей.

Хотя у меня есть мысль затащить ее в какую-нибудь закусочную или ресторан, чтобы поесть, потому что я отчетливо слышу урчание ее желудка. Мне было бы все равно, если бы им пришлось начинать работу самим. Однако, как только делаю шаг назад, я вижу, что Офелия стоит у входной двери и смотрит на нас расширенными глазами.

Она знает.

Мне всегда было интересно, рассказывала ли Тея раньше Офелии о нас. Она говорила, что нет, но, поскольку она не умеет мне лгать, я сомневался в этом. Они лучшие подруги. Тея доверяет ей, и я знаю, что она борется с тем, что мы пара. Это лежит тяжелым грузом на ее сердце, поэтому я удивлен, что она не сказала об этом. Теперь я знаю, что на самом деле она говорила правду. Реакция Офелии не оставила ничего без ответа. Она никогда не думала о нас с Теей вместе. Это точно.

Я делаю вид, что мне все равно, и когда мы поднимаемся по лестнице, чтобы встретиться с ней, я приветствую ее небольшой улыбкой и взмахом руки, прежде чем войти внутрь и оставить их наедине. Я уверен, что Тее сейчас нужно многое объяснить, и это займет время.

Здесь довольно пусто, так как сегодня пятница, и обычно студентам нужно перевести дух. Мне бы тоже хотелось, но, похоже, сегодня этого не произойдет. Вместо этого я поворачиваю направо, иду прямо к лестнице южного крыла и поднимаюсь на третий этаж, где находится Комната Содружества. Это одно из лучших помещений в университете для групповых занятий.

Только один стол занят ребятами. Уилл, Элиас и Сэмюэль уже там. Двое разговаривают, и, вероятно, не об учебе, а Уилл играет со своим ножом-бабочкой, крутя его между пальцами. Сэмюэль сидит, положив голову на руку, и что-то ищет на своем iPad. Хотя его глаза, кажется, не следят за текстом. Он выглядит почти усталым и сонным. И от одного его вида мне хочется разбить его голову о стену, честное слово. Каждый раз, когда я вижу его, я думаю о том, как он мучает Тею, и сколько бы самоконтроля у меня ни было, я постепенно теряю его в его присутствии.

Я подхожу к ним, кладу руку на руку Уилла в знак приветствия. Почти как будто я не видел его всего два часа назад на контрольной по праву компании, которую мы проводили вместе с двумя другими студентами третьего курса.

Сзади я слышу женские хриплые голоса. Думаю, Тея не очень-то хочет сегодня углубляться в истоки наших отношений. Я не могу ее винить. Чтобы объяснить все это, понадобилось бы несколько рюмок и половина ночи. У меня бы не хватило терпения делать это самому для кого-то. Не то чтобы я даже потрудился объясниться с другим человеком. Моя жизнь, мои отношения — это только, *блядь, мое*.

Но Тея другая. Она не сможет выбраться из этой ситуации, не высказавшись, и уж точно не сможет солгать.

Офелия смотрит на меня, когда ставит свою сумку на один из стульев, и я вижу, что она недовольна. Еще один человек, который собирается натравить Тею на меня. Возможно, она не слышала ни слова из того, что Сэмюэль сказал ей раньше, к сожалению, я не уверен в Офелии.

Я прочищаю горло.

— Где, черт возьми, вы были, ребята? Не хочу провести всю ночь в библиотеке в пятницу, — говорит Уилл, не сводя с меня глаз. Я знаю, что в основном он спрашивает меня об этом.

— Холли остановила меня по дороге сюда, — говорю я, думая о девушке. Возможно, это был самый последний раз, когда она подошла ко мне, потому что, вопреки тому, что я сказал Тее, я действительно трачу свое дыхание на тех, кто не оставляет меня в покое. То, что она поцеловала меня в щеку так, как она это сделала, когда увидела, что я даже не один, и ей было все равно, хочу я этого или нет, было тем, что я называю опасным шагом. Я его не ценю, поэтому мои слова в ее адрес были оскорбительными, но необходимыми.

Я сажусь рядом с Теей.

— Ааа, теперь я понял, — усмехается Уилл, качая головой.

Я вижу, как Тея покусывает внутреннюю сторону щеки, но ничего не говорит. Лучше бы я не упоминал Холли.

— Она хороша? — продолжает он.

Разве поднятие среднего пальца вверх только для того, чтобы не отвечать на вопрос, эффективно?

Тея делает себя маленькой и, вероятно, мечтает, чтобы прямо сейчас земля поглотила ее целиком. Мы только что снова избавились от ее навязчивой ревности к другим девушкам, и

тут слышу, что я все порчу, потому что не могу заткнуться.

Элиас смеется. — Я слышал, что она была одержима Ксавьером с того момента, как приехала в Кембридж, так что наконец-то она воплощает свои мечты в жизнь.

Напряжение становится почти осязаемым, чем дольше я молчу, потому что понимаю, что парни хотят от меня услышать, и я отказываюсь заставлять Тею чувствовать себя еще хуже, чем она уже чувствует. Что бы я ни сказал, это будет плохо.

Услышав хмурый голос с другого конца стола, я замечаю, что Сэмюэль наконец-то поднял взгляд от своего iPad. Отвращение на его лице вызывает у меня желание стереть его с лица одним сильным ударом.

Я закатываю глаза, игнорируя его. Хотя он считает своей миссией высказывать свое мнение.

— Мы закончили с программой мыльных опер и можем, наконец, начать работать? — спрашивает он. — Мне надоело слушать о твоих сексуальных предпочтениях и о том, как ты тратишь свое время. Ты когда-нибудь пытался сосредоточиться на учебе? Или деньги твоих родителей делают за тебя всю тяжелую работу?

По моему телу разливается теплая волна. Я ухмыляюсь над замечанием Сэмюэля, не обращая внимания.

Он подначивает меня, прекрасно зная, что последние два года я занимаю верхние строчки в каждом рейтинге, и это раздражает его почти так же, как и Тею. Но по двум разным причинам.

— Мои сексуальные предпочтения — это часто. А то, что я уделяю внимание учебе, тебя не касается. Большое спасибо.

Я ухмыляюсь. Моя рука дергается к бедру Теи, но останавливается на полпути, когда взгляд Уилла останавливается на мне.

— Да, и, наверное, неважно, что засунуто в твою задницу, — хмыкает Сэмюэль. — Будь то Уилл, которого ты наёбываешь, или одна из этих глупых, бесполезных девчонок. — Его голова движется в направлении Теи и Офелии. Губы Элиаса истончаются. — Прости, Элиас. Я не хотел опускать тебя в этом, — добавляет он.

На этот раз я не сохраняю спокойствие. Я встаю, обхожу стол, быстрым движением хватаю Сэмюэля за воротник рубашки и притягиваю его к книжному шкафу. — Назови меня так еще раз, и ты обнаружишь, что *что-то* засунуто в неудобное место. И поверь мне, тебе это ни капельки не понравится.

— Ты никого не уважаешь.

Я чувствую алкоголь в его дыхании, и это показывает, насколько он пьян. Не настолько, чтобы споткнуться, но достаточно, чтобы высказать свои мысли.

— Уважение — это минимум, который *ты* должен мне показать. На меньшее я не согласен

Он задыхается, когда я крепче сжимаю его горло.

О, как бы я хотел разбить его и покончить с этим.

Такие люди, как он, не заслуживают того воздуха, которым они дышат. Только потому, что он ботаник, попавший сюда на стипендию за победу в каком-то международном конкурсе, он думает, что он лучше. И при этом он еще более заносчив, чем тот, кто поступил в Кембридж из-за наследства или денег.

Офелия визжит, подбегая к нам. — Прекратите, ради всего святого. Мы в библиотеке, а не в зоопарке. Не ведите себя как животные.

Я отпускаю его, и в этот момент он выдыхает, и я чувствую запах алкоголя на его губах.

— Послушай свою подругу, Ксавьер. В конце концов, она знает, что я говорю о ней и что я говорю правду. Просто ей нравятся мужчины постарше, помолвленные, но кого это волнует, верно?

Уилл и Элиас вскакивают со стульев, готовые помочь мне. Но я поднимаю руку и останавливаю их. К сожалению, нам еще есть над чем работать. То, что Сэмюэль облажался и его язык развязался, не означает, что я хочу провалить задание, которое определенно будет большей частью итоговой оценки.

Полагаю, это показывает, что я сосредоточен на учебе, верно?

— Моя голова меня убивает. Мы можем просто закончить это? Я хочу пойти домой и поспать, — говорит Тея, прерывая нас. В этот момент ей было абсолютно наплевать на то, что говорит Сэмюэль.

Вот что она получает за то, что редко думает об отдыхе. С тех пор как я ее знаю, она постоянно прячется у себя дома, в кафе или в библиотеке, читает и учится.

Она массирует виски.

— Честно говоря, тебе нужно успокоиться и отдышаться, Тея. Ты сведешь себя в могилу всей той работой, которую постоянно выполняешь, — говорю я ей шепотом.

Другие сосредотачиваются на подведении итогов того, что мы установили до этого момента, так что никто не обращает на нас внимания. Даже Офелия. Полагаю, ее отпустил первобытный шок от того, что она узнала о нас. По крайней мере, на данный момент.

Я лезу в задний карман джинсов, достаю пластиковый пакет с несколькими синими таблетками и протягиваю ей.

— Для чего это?

— Чтобы ты пережила этот вечер и чувствовала себя лучше. Но после того, как мы закончим, ты будешь отдыхать. Сейчас тебе не пойдет на пользу дальнейшее обучение. Ты истощена. Понимаешь?

Она открывает рот, несомненно, чтобы отчитать меня, но я останавливаю ее. — Это был не вопрос. Это была просьба, милая.

— Хорошо.

Она подносит таблетку к губам и проглатывает ее.

Возможно, мы пробудем здесь не так уж долго.

***

Что ж, приятно было думать об этом, пока это продолжалось.

Если я когда-либо считал, что могу контролировать себя, то этот вечер показал мне, что это не так. Мы не делали никакой работы, потому что всякий раз, когда кто-то из нас что-то говорил, Сэмюэль язвительно комментировал, и он шел по опасной линии — для всех нас.

Я внимательно наблюдаю за ним с каждым его словом. Я вижу, что складки у его глаз становятся более заметными, когда говорит Офелия. Затем Элиас высказывает свое мнение, и ноздри Сэмюэля раздуваются. В его выражении лица проскальзывает раздражение. Уилл смеется над моей шуткой, а Сэмюэль фыркает под нос, прикусив губу.

— Мы должны завалить присяжных статистикой о том, кто вероятнее всего совершил преступление. В конце концов, у нас есть два разных подозреваемых. Только один подходит под профиль, и это точно не наш клиент.

Тея предлагает другую идею, и... Сэмюэль с громким треском откладывает iPad. Как будто ее голос — это спусковой крючок, который ломает его сопротивление сказать что-то

резкое.

Он встает, отпихивая стул. — Неужели ты настолько глупа, что думаешь, что это сработает? Присяжные услышат, как ты обвиняешь проклятого свидетеля вместо того, чтобы защищать своего клиента.

Я согласен с ним в том, что это ужасная идея, но его слова заставляют меня насторожиться.

Я отталкиваюсь от стены, Офелия замечает мое движение, лежа на полу. Мы уже не сидим за столом, когда на часах показывает полночь. Никто из нас не думал, что мы пробудем здесь так долго, но учитывая, как трудно заставить всех нас согласиться на что-то без жалоб, я не удивлен.

Закрыв книгу по криминалистике, я сжимаю ее в руке.

Уилл зеваает, совершенно не заинтересованный в разговоре в данный момент, пока Элиас набирает на ноутбуке идеи, которые у нас есть, чтобы потом сделать из всего этого и общий, собранный воедино план для инсценированного испытания.

Сэмюэль наклоняет голову, глядя на Тею. А она смотрит на него в ответ.

— Прости? Кто ты такой, чтобы говорить что-то подобное?

— Например? Правду? Новость, принцесса, ты слишком глупа, чтобы стать адвокатом по уголовным делам. По крайней мере, хорошим адвокатом. Родительские деньги могут помочь тебе пройти через Кембридж, но когда ты станешь самостоятельной и чья-то жизнь будет в твоих руках, ты все основательно испортишь.

В этот момент Уилл отталкивается и закрывает пространство между собой и Сэмюэлем. Я чувствую его ярость в каждом движении и наблюдаю за тем, как он толкает его к стене. Раздается громкий шлепок, а затем треск костей. Мне не нужно проверять, чтобы понять, что это была спина Сэмюэля. Однако из-за дымки в глазах он совершенно не замечает всего этого. Он ухмыляется и хихикает.

Тея делает несколько шагов в сторону брата, но я успеваю схватить ее прежде, чем она это делает. Она не должна останавливать его, и как бы я ни видел боль в ее глазах, я знаю, что она сделает это. И мы не можем допустить, чтобы она это сделала.

Элиас шепчет Уиллу и оттаскивает его от Сэмюэля.

Это не может закончиться вот так.

Тея

Ксавьер прижимает меня крепче, его пальцы сжимают мое запястье так сильно, что я уверена, это оставит след. Его тело прижато к моему так, что я чувствую его тепло, распространяющееся через него и смешивающееся с моим. Кровь в моих венах пылает, и мои щеки становятся ярко-красными, так что даже при тусклом свете я уверена, что все это видят.

Сэмюэль делает еще несколько шагов, на его лице появляется ухмылка. Но это не та, к которому я привыкла, которую так люблю. Это не Ксавье. Все мое тело зудит от желания стереть ее кулаками. Почему-то я вспоминаю, что Уиллу необходимо везде носить с собой нож-бабочку. Мой взгляд останавливается на его кармане, и я вижу его руку внутри него. Он думает о том же, о чем и я, борясь с тем, что он хочет сделать, а что не должен — хотя это совершенно одно и то же.

Наши глаза встречаются, и между нами возникает молчаливое понимание.

— Вы просто богатые дети, которые думают, что могут делать все, что хотят, и деньги ваших родителей избавят вас от любых неприятностей. Мурс (прим. американский хип-хоп исполнитель, темнокожий. Сэмюэль здесь отождествляет его имя с Теей) будет прикрываться тем, что они черные, говорить, что кто-то сделал расистский комментарий, и все будет просто идеально. Вы никогда ни для чего не работаете, — продолжает Сэмюэль,

подходя ближе ко мне и Ксавьеру.

У меня почему-то сводит живот, когда я понимаю, что это еще не конец, когда он указывает на все наши недостатки.

— Посмотри на себя, Теодора. Ты трахаешься с лучшим другом своего брата уже больше года и даже не понимаешь, что это перестало быть твоей идеей — ничего не говорить. Он играет с тобой на каждом шагу. Ты просто стала маленькой жалкой игрушкой Ксавьера, пока ему не надоешь. По крайней мере, благодаря мне, теперь, когда Уилл знает, это произойдет скоро.

Мое сердце останавливается, и я слышу, как оно опускается в желудок. Пульс учащается с каждой секундой. Звонящая тишина делает все еще хуже.

Я больше не смею смотреть на брата. Но я снова чувствую на себе его взгляд. На этот раз в поисках ответа на вопрос, правда ли то, что говорит Сэмюэль. Но ни я, ни Ксавьер не готовы отрицать. Разве это что-то изменит? У Уилла и раньше были подозрения. Теперь в них просто больше смысла.

Элиас смеется, и его смех гулко отдается в моем теле. Он единственный, кто ничего не слышал о себе. И кажется, будто он напоминает Сэмюэлю, что он здесь. Я имею в виду... если нам всем придется столкнуться с версией Сэмюэля о фактах, то так тому и быть.

Моя голова раскалывается, в горле пересохло, и мне трудно говорить.

Почему-то мой разум работает со скоростью сто миль в секунду, чтобы точно определить каждый момент и стереть предыдущий. Я больше не могу вспомнить, что он сказал Офелии, или как сильно он ранил Уилла. Черт, единственные слова, которые могу вспомнить, которые он сказал мне, это то, что он разоблачил меня и мои отношения. Все это приходит и уходит, и мне хочется кричать от разочарования. Знаю, что я разозлилась, зла до предела... убийственна.

Но и другие тоже.

«...прячется за своим образом мачо. Ты никого не обманешь. Все знают, что ты хочешь засунуть свой член в чью-то задницу. И не в женскую».

Мое зрение становится размытым в тот момент, когда Ксавьер больше не может держать меня неподвижно. Но я не знаю, что мне делать... Если я вообще двигаюсь или что-то говорю. Реагирует ли кто-нибудь на слова Сэмюэля? Действуют ли они?

Потому что следующее, что я вижу, это то, что держу нож, стоя над телом Сэмюэля.

Но я не в крови — в крови Ксавьер и Уилл.

Но они не находятся ближе всех к нему — это Офелия.

Но это не она выглядит виноватой — это Элиас.

Но опять же, не он держит оружие убийства — я.

Я.

Ксавьер

Я открываю окно рядом с нами.

Ветер треплет волосы Теи, а я наблюдаю за ее озадаченным выражением лица. Она в шоке. Ее рука все еще обхватывает нож, и кровь стекает по пальцам на пол. Уголком глаза я вижу, как Офелия прячет лицо на плече Элиаса и тихо плачет, а Уилл не знает, сказать ли ему что-нибудь или просто подойти к сестре и утешить ее. Хотя я уверен, что он даже не знает, что сказать.

Никто из них этого не планировал. Идея была в том, чтобы приехать сюда учиться. Чтобы подготовить дело для инсценирования судебного процесса с Уэсом Корландом. А не для того, чтобы создать еще одно дело с нами в качестве главных подозреваемых и Сэмюэлем в качестве жертвы.

Я сглатываю, бросая взгляд на тело. Он лежит на спине с колотой раной в животе. Его пропитанная кровью одежда и бледная кожа делают его еще менее живым, даже если он еще теплый. Тея выдыхает, ее губы дрожат, когда нож, который она держит в руках, падает на пол с глухим звуком.

— Этого никогда не было, — твердо говорю я, подходя к Тее. Я беру ее щеки в свои две руки и заставляю ее посмотреть на меня. Она колеблется, поэтому я надавливаю сильнее, прежде чем она поднимает взгляд. Меня больше не волнует, получит ли Уилл

подтверждение от кого-либо из нас. Это все, что я могу дать ему сейчас.

Глаза Теи пустые, чего я не ожидал. В них нет ни сожаления, ни колебаний, а сплошное ничто. В этот момент я не уверен, что она вообще полностью осознает, что произошло.

— Богатые дети, — продолжает она шептать себе под нос. — Богатые, титулованные дети.

Я вытираю большим пальцем слезы, текущие по ее лицу.

Господи Иисусе, что, черт возьми, произошло?

Как мы оказались здесь за считанные минуты?

Мое дыхание ровное, и я могу мыслить ясно. Возможно, как единственный человек, присутствующий в библиотеке. Никто ничего не говорит, поэтому я оглядываюсь по сторонам.

— Этого *никогда* не было, — повторяю я.

Офелия слегка отталкивает Элиаса и поворачивается ко мне лицом. — Ты сейчас серьезно? Это случилось, Ксавьер. И мы все здесь.

— Пока мы молчим, все будет в порядке.

Уилл отворачивается от нас, опираясь руками на одну из книжных полок, и все, о чем я могу думать, это стереть отпечатки пальцев, прежде чем мы уйдем. Повсюду я вижу потенциальные улики против нас, и впервые я рад, что мне пришлось посещать факультет «Преступление и уголовное наказание», потому что иначе нам была бы крышка. Мы точно не можем полагаться на Элиаса и Офелию, которые выглядят так, будто собираются сдать еще до того, как мы придумаем план. Уилл все еще пытается осмыслить случившееся. А Тея... К сожалению, я впервые не могу понять, что у нее в голове.

— Он мертв, Ксавьер, — комментирует Уилл, как будто я ничего не понимаю.

— Они не узнают, кто из нас это сделал. Или даже заподозрят нас, — говорю я ему, стараясь не показать сомнений в своем голосе. По большей части я уверен, что нам все сойдет с рук, но есть еще один маленький кусочек, который застрял в моей голове, повторяя, что я полон дерьма.

Офелия прижимает палец к шее Сэмюэля, прежде чем я успеваю оттолкнуть ее. Она не должна прикасаться к нему. Тем более это ДНК для экспертизы.

— Нам нужно вызвать скорую помощь, — шепчет она.

— Он жив? — спрашивает Уилл, полный надежды.

— Нет, не жив. У него ножевое ранение, и буквально литры его крови утекли, черт возьми! — Я стиснул зубы. Даже если Офелия чувствует что-то под кончиками пальцев, это просто ее разум играет с ней. Это шок, а не гребаная реальность.

Уилл смотрит на меня. — Что мы будем делать? — Знаю, что он спрашивает меня об этом, потому что, в конце концов, мы будем теми, кто позаботится об этом. Однако я не совсем уверен, как с этим справиться.

Я слышу тихое фырканье.

— Нам нужно позаботиться о теле, — тихо говорит Тея. — Если нет тела, то нет и дела. По крайней мере, до тех пор, пока они не объявят его пропавшим без вести

Она говорит так отстраненно, что это меня пугает. Как будто она читает «Убийство для чайников» или что-то в этом роде.

— Позаботься о... — начинает Элиас, но замирает, когда слова доходят до него. Он скидывает руки вверх, делая круги вокруг небольшой части библиотеки.

— Нам нужно сдать, — продолжает Офелия, умоляя.

— И что сказать? Это была не самооборона, нет никаких признаков борьбы. Кроме того, здесь трое мужчин. Никто не поверит, что мы не смогли удержать его, если бы он начал сопротивляться. Перестаньте вести себя как маленькая сучка и придумайте решение, при котором мы все не попадем в тюрьму, — говорю я.

Адреналин прорывается сквозь меня.

— Не говори мне, что я должна сейчас чувствовать. Это все твоя вина. Ты начал говорить ему гадости, и он, наконец, сказал вслух то, о чем мы все знали, что он думает. — Она не отступает, но страх все равно говорит в ней. Неважно, насколько жесткой она пытается быть.

— Он был пьян. Не обязательно ответственный, не так ли?

— У кого-нибудь есть телефон? — спрашивает Уилл, перебивая.

Мы качаем головами. Одна из наших тактик во время учебы — уход от внешнего мира. Это единственный способ выжить в Кембридже и закончить университет.

— Хорошо. По крайней мере, они не смогут отследить, что мы вообще здесь были. — Он подбирает с пола свой нож и кладет его обратно в джинсы. — Я почищу его, когда вернусь домой.

— Нам нужно похоронить тело, — снова напоминает Тея.

— Ты в своем уме? — Элиас вцепляется ей в лицо. — Я его не трону. И даже если нам каким-то образом удастся вытащить его отсюда, и никто нас не увидит, куда ты посоветуешь его отнести?

Начинается ссора, и все шепотом высказывают свое мнение: Офелия и Элиас за то, чтобы сдать, я и Уилл избавляемся от тела, а Тея снова молчит. Она молчит не только когда пьяна, но и когда сталкивается с убийством.

Это не то, что я думал узнать о ней.

— Я это не буду делать, — повторяет Офелия.

— Нет, будешь. Потому что иначе ты собираешься выбросить свою жизнь на ветер ради гомофобного расиста. Он сам виноват в том, что произошло!

Уилл прав.

Приводятся другие аргументы.

— Заткнись, заткнись. Заткнись, блядь!

На этот раз Тея не заботится о тишине. Она делает несколько шагов к телу, смотрит на него, прежде чем повернуться к нам лицом. — Что бы мы ни собирались делать, мы должны решить это сейчас. Я не останусь здесь дольше, чем нужно.

Уилл встает рядом с ней. — Вот план. Мы с Ксавьером заберем тело. Сейчас поздняя ночь, поэтому здесь никого не будет, а если и будет, то они будут возвращаться из паба или бара совершенно пьяными. Я все равно приехал на машине. Тея и Офелия, найдите комнату обслуживания и разберитесь с кровью. Пол нужно обработать отбеливателем или чем-то столь же сильным. Элиас, ты вытрешь столы, книжные полки и все остальное, к чему мы могли прикасаться.

У Элиаса хриплый смех. — Нас поймают.

— Если ты будешь хныкать, как маленькая девочка, то так и будет. Так что смиришься и делай, что тебе говорят.

Тея кивает почти механически и смотрит на меня. — Этого никогда не было.

— Этого никогда не было, — говорю я ей.

Тея

Я просыпаюсь на диване, где спала по нескольким причинам. Та, которую я назову Уиллу, заключается в том, что я хотела узнать, когда он вернется. Настоящая же заключается в том, что я совершенно уверена, что таблетки, которые Ксавьер дал мне в библиотеке, не были просто обезболивающим. По крайней мере, не обычными. И еще одно: никогда еще одиночество в квартире не было таким ужасным. Мои притупленные чувства не позволяют мне полностью осознать произошедшее. Я все еще наполовину сплю и наполовину не понимаю, как это произошло.

Я даже не могу вспомнить, как я шла сюда из библиотеки. Все кажется размытым.

Но есть кое-что похуже...

Сколько бы я ни пыталась вспомнить, кто все начал, я не знаю. А зря. Я не знаю, кто вытащил этот нож. Я даже не могу вспомнить, как он попал ко мне в руку.

Я не знаю, кто убил его.

И все же, когда Уилл возвращается почти в шесть, когда солнце пробивается сквозь темное небо, я не задаю этот вопрос. Я не спрашиваю его ни о чем, что хоть отдаленно связано с Сэмюэлем. Потому что не хочу знать. Я бы разозлилась на Ксавьера за то, как он ко мне отнесся, но я благодарна, что мне не придется переживать эту ночь. По крайней мере, в ближайшие несколько часов.

Шаги Уилла затихают, когда он идет в мою сторону, снимая пальто. Он одет в совершенно новую одежду, и нет никаких следов того, что он когда-либо переносил окровавленный труп. Я видела гардероб Ксавьера достаточно раз, чтобы понять, что это его одежда.

Я сглатываю, и мое сердце начинает биться быстрее. Это действие наркотика? Или я просто волнуюсь о том, что сейчас произойдет? Что мы вообще должны думать или делать?

И самое худшее — что Уилл скажет о наших с Ксавьером отношениях?

Мои приоритеты ни к черту.

Я осознаю это.

Однако, когда живешь во лжи и странной сказке, смешанных в одно целое, ты ставишь это выше всего остального. Потому что в какой-то момент ты не знаешь, когда это станет всей твоей жизнью. А он становится твоим миром. Извращенным, темным и жестоким миром.

Я приоткрываю губы, но из них вырывается лишь тихий писк и я понятия не имею, что сказать.

Уилл качает головой, заставляя меня замолчать. — Сейчас не время, Тея. Сегодня не тот день для этого. Иди спать.

Он спокойнее, чем я могла себе представить. Это заставляет меня думать о том, что, возможно, я с самого начала все неправильно понимала, и он — самый непутевый в нашей семье. Я могу свалить все на наркотики, у него ничего нет.

Я думаю.

— Ты переоделся, — говорю я.

— Я был у Ксавьера, прежде чем прийти сюда. Мы все сожгли. Что ты сделала со своей одеждой? — спрашивает он, оглядывая меня с ног до головы. Я переоделась в шорты и толстовку, хотя оставила все на полу в ванной. Наверное, не очень умный поступок.

Пожимаю плечами. — Я не знаю, что делать.

— Я позабочусь об этом позже, — отвечает он. — Я иду спать. Тебе тоже пора.

Я должна сказать ему, что невозможно заснуть после того, что мы сделали, что кошмары придут за нами раньше, чем полиция. Хотя теперь, когда Уилл дома, это уже не так. Адреналин ослабевает и мои глаза тяжелеют с каждой секундой.

Уилл не хочет говорить со мной о Ксавьере или вдаваться в подробности того, как они избавились от тела, поэтому я встаю с дивана и без молча возвращаюсь в спальню, закрывая дверь.

В этот момент я слышу тихое царапанье в окно. Мне даже не нужно смотреть, чтобы понять, кто это делает. Почему-то для Ксавьера стало традицией забираться через крышу в мою комнату поздно ночью, но я не ожидала, что он придет сегодня. Тем не менее, я открываю окно и отступаю назад, чтобы освободить ему место.

Я поджимаю губы, наблюдая, как он закрывает окно и прислоняется к стене рядом с ним. Наши глаза встречаются, хотя он смотрит в пустоту, как и раньше. Если бы не знала лучше, я бы решила, что для него это просто еще один день. Он выпускает долгий вздох, затем двумя большими шагами закрывает пространство между нами и крепко обнимает меня. Я прячу лицо в его груди, вдыхая его запах. Находиться в его объятиях очень приятно. Я закрываю глаза, и моя бдительность сразу падает. С ним ад кажется домом, а сегодня... *сегодня точно ад.*

— Как мы собираемся пройти через это? — Я спрашиваю его именно о том, о чем

хотела спросить Уилла. Но с Ксавьером я знаю, что он ответит правдиво. Он не собирается приукрашивать ситуацию для меня.

— Признав сегодняшний день таким, каким он был, *Меллилла*. Жалкое оправдание человека, который пытается нас всех уничтожить. Неуверенный в себе, высокомерный и хладнокровный сноб, — шепчет он, целуя макушку моей головы. Он запускает руку в мои волосы и немного отстраняет меня назад, чтобы я могла посмотреть ему в глаза. — Мир был создан равным, а потом какой-то чертов дурак решил, что он лучше. Вот и все, ясно?

Я не уверена, что могу ему поверить, но подсознательно я очень хочу этого. Мне это нужно. Потому что иначе чувство вины сожрет меня целиком, и в итоге я сделаю что-то невероятно глупое. Никто из нас не знает, как с этим справиться, но принятие решения в самый ответственный момент может стать тем единственным, что разрушит нашу жизнь.

Поэтому я киваю.

Он садится на край моей кровати и снимает толстовку и брюки. Постучав по матрасу, я залезаю под простыни, сползаю к стене и освобождаю место, чтобы он лег рядом со мной. Ксавьер снова заключает меня в свои объятия, отдавая мне все свое тепло.

— Что ты дал мне тогда в библиотеке? Это было не просто обезболивающее, Ксавьер, — утверждаю я.

Он целует мой затылок, притягивая меня еще ближе к себе. — Не беспокойся об этом.

И вот, я не беспокоюсь об этом.

***

Благодаря мрачному и извращенному чувству юмора реальности, я просыпаюсь едва ли через час. День хмурый, но достаточно яркий, чтобы я не могла притворяться, будто мне не пора вставать и идти. Хотя, когда я оглядываюсь, Ксавьер безмятежно спит, его рука перекинута через мое тело, а наши ноги спутаны.

Я выскальзываю из его объятий и ложусь на спину, глубоко дыша. То, что я планировала сделать сегодня, больше не имеет смысла. Как мне жить дальше, жить и притворяться, будто это простое субботнее утро? Мой разум немного прояснился. Я больше не чувствую тяжести, вызванной тем, что дал мне Ксавьер. Я измотана и не выспалась, но слишком напряжена, чтобы снова закрыть глаза.

Завидую Ксавьеру. Он способен осмыслить все это, поэтому его разум спокоен. Или, по крайней мере, настолько спокоен, насколько это возможно для него во сне.

Оглядываясь на него, я впитываю каждую мелочь. В его внешности есть какая-то мягкость, теплота, сочетающаяся с застенчивостью. Это так на него не похоже. Я всегда вижу в нем две стороны: одну — жесткую внешность, человека, который живет так, будто завтра не наступит, но не позволяет никому показать весь свой потенциал, потому что очень любит тайны. А есть сторона, которая проявляется только тогда, когда мы вместе, и когда он спит. Это более добрая и мягкая форма. Он уделяет мне все свое внимание и защищает меня. Они двое — всегда вместе, но никогда не видны в таком виде перед другими. И это играет на моих чувствах.

Сколько бы раз я ни говорила себе, что не стоит придавать смысл нашим отношениям, просто не обращая внимания на его недостатки, он делает что-то такое, от чего трудно уйти. Оставить все это. Это не имеет права на существование. Мы не имеем права на существование в будущем. Но я все еще держусь за то, что есть сейчас. Потому что я люблю его. Я люблю его так сильно, что это причиняет боль. Мне физически и эмоционально больно даже думать о том, чтобы отпустить его. Он придает мне равновесие и смысл моей

жизни, когда все остальное просто шатко. Мы можем ссориться, он может причинять мне боль, а он делает это довольно часто, но я знаю, что он вернется. Он всегда возвращается. Потому что он не может жить без меня так же, как я не могу представить, что его не будет рядом.

Наклонившись, я целую его в губы, а затем осторожно сползаю с кровати, чтобы не разбудить. Завязав волосы в высокий хвост, я выхожу из комнаты и направляюсь на кухню. Удивительно, но я не единственная, кто не может заснуть. Уилл сидит на стойке с чашкой кофе в руках и выглядит еще более измотанным, чем я. Он вообще ложился в постель?

Когда он слышит мои шаги, его глаза встречаются с моими. Не говоря ни слова, я тоже наливаю себе кофе. Если я хочу выжить сегодня, что бы ни принес этот день, мне нужен кофеин.

— Как долго это продолжается? — спрашивает он, и я хмурюсь от его вопроса. — Как давно Ксавьер приходит сюда ночевать? — уточняет он.

Должно быть, Уилл нас услышал. Если только он не зашел в мою спальню, чего он никогда не делает, и не увидел Ксавьера в моей кровати. Но я даже не спрашиваю его, потому что это уже не имеет значения. Важно то, что он знает и требует ответов.

— За несколько месяцев до того, как ты уехал в Барселону.

Лицо Уилла приобретает немного цвета, хотя на нем виден его подавленный гнев. Я всегда знала, какой будет его реакция, если он когда-нибудь узнает. Я боялась реакции своего брата. Он — последний человек, который у меня остался. Тот, кто защищает, поддерживает, и любит меня безоговорочно. Просто я никогда не хочу узнать, что его чувства ко мне на самом деле имеют какие-то условия, невидимые границы, которые мне нельзя переступать. Почему-то мне кажется, что тайные отношения с его лучшим другом могут стать для него таковыми.

Он слезает с прилавка, ставит кружку и подходит ко мне. В этот момент я понимаю, что он не пьет кофе. У него изо рта воняет алкоголем. Уилл совершенно пьян, и для такого человека, как он, который редко пьет, это говорит о многом.

— Ты что, блядь, издеваешься? Ты врала и таскалась с ним почти два года? — кричит он, и я могу поспорить, что Ксавьер тоже его слышит.

«Если не считать года, когда ты был в Барселоне», думаю я, но не говорю. Это только усугубит ситуацию.

— Я не планировала этого, Уилл. Это просто случилось.

— Ложь — это выбор, Тея. Ты намеренно скрывала, что была с ним. Это не просто произошло. Это не было ошибкой, потому что это продолжалось дольше, чем я могу себе представить. Насколько глупой ты можешь быть?

— Я не лгала. Я просто не сказал тебе.

Он горько смеется, вскидывая руки вверх. — Говоришь как настоящий адвокат. Новость, Тея, ты еще не стала им. И глядя на все, что произошло прошлой ночью, я готов сказать, что никто из нас им не станет.

Мои ладони вспотели, и слезы пробиваются наружу. Все сводится к тому, что мы сделали. Моя грудь тяжелеет, а сердце бьется так быстро, что я чувствую боль, распространяющуюся по всему телу. Ноги подгибаются, и вдруг я сижу на полу, поджав колени к подбородку, и раскачиваюсь взад-вперед. Это приходит как тяжелое осознание. Наконец-то.

— Он собирается причинить тебе боль, Тея. Ты действительно думаешь, что он верен

тебе? Что он сидел дома, когда мы целый год были в Испании на учебе? Уверяю тебя, это не так. Ты настраиваешь себя на провал. В итоге ты получишь разбитое сердце, а я не хочу, чтобы мне пришлось собирать осколки.

Как будто мои отношения важнее этой ночи. И когда я раздражаюсь слезами, я уже не знаю, о ком плачу. О смерти Сэмюэля или о Ксавьере. Это все слишком.

— Тея. — Это голос Ксавьера, доносящийся откуда-то сзади меня. Я не поднимаю глаз, пряча лицо.

Его руки крепко обхватывают меня. Как тогда, когда мы спали. Я все еще дрожу от эмоций, которые нахлынули со всех сторон, от каждого воспоминания. Это ошеломляет.

— Он собирается сломать тебя. — Уилл не сдастся, как-будто я этого не знаю. Просто это больше не мое решение — быть с Ксавьером. Я вообще не уверена, что это чье-то решение. Это константа.

Я не отвечаю.

Меня поднимают с пола. Ксавьер ставит меня на ноги, но не отпускает. У меня не хватает сил.

— Оставь это, приятель. Ты чертовски пьян, — говорит Ксавьер Уиллу.

В этот момент я поднимаю взгляд на брата и вижу, что он улыбается мне. Хотя я могу распознать этот насмешливый жест. Он не искренний.

— Что? Правда слишком болезненна? Если я не выбил из тебя все дерьмо прошлой ночью, это не значит, что я не собираюсь. Она моя сестра, а ты играешь с ней так, будто она просто еще одна из твоих шлюх. — Я затаила дыхание. — Она не игрушка.

Сейчас Уилл просто пытается добиться реакции от любого из нас. Он знает, что слова ранят сильнее, чем действия. И поскольку его запреты ослаблены, ему все равно, кого и как сильно он обидит.

Но это безнадежно. Я по какой-то причине не могу говорить, а Ксавьер слишком хорошо умеет сдерживать себя и сохранять спокойствие. По крайней мере, настолько, насколько может, потому что он выглядит напряженным, а его руки больно сжимают мои бедра. Его взгляд переходит с Уилла на меня.

Мой желудок вздрагивает.

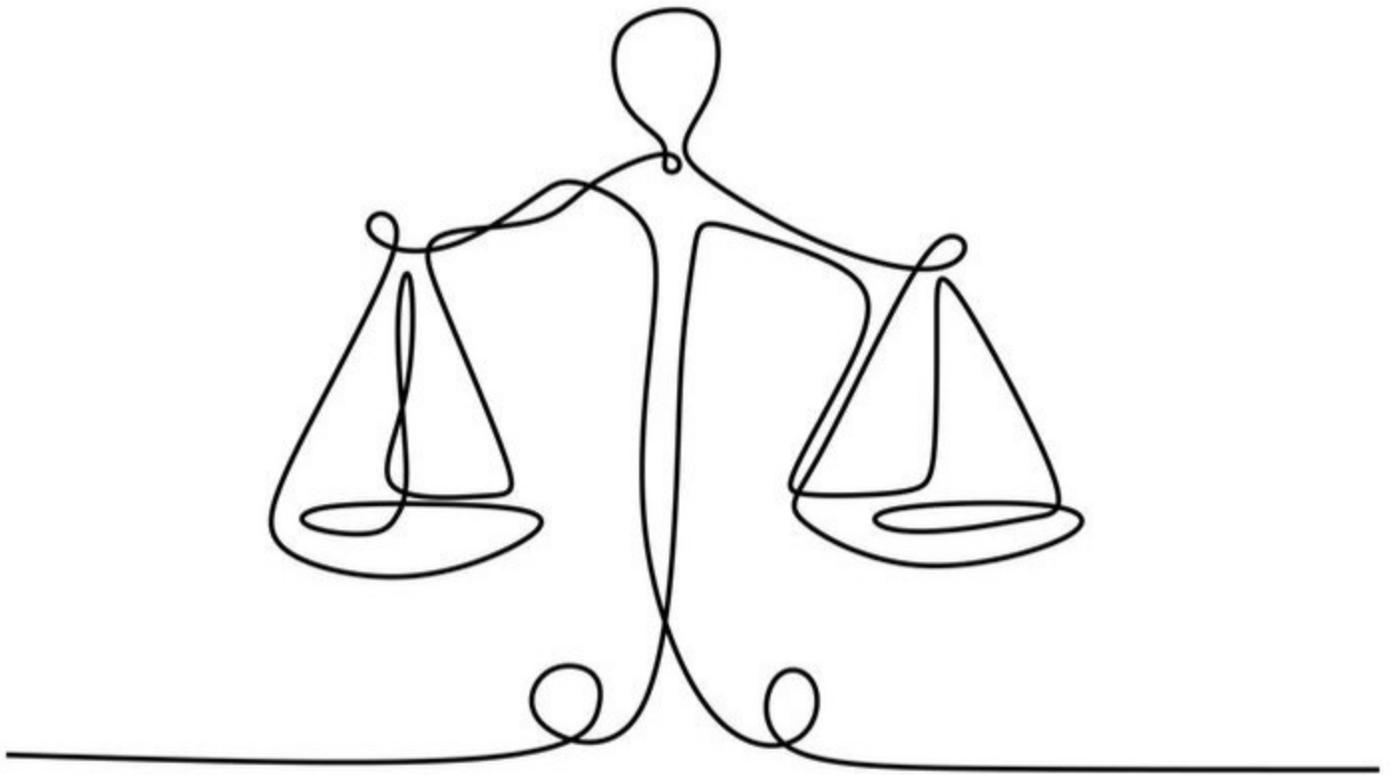
— Объяснитесь. Я хочу получить ответ, — выплевывает Уилл.

— Ты не можешь выдвигать требования. У нас есть проблемы посерьезнее твоего уязвленного самолюбия, — наконец говорит Ксавьер. — Наши с Теей отношения только наши. Не делай так, чтобы это касалось тебя, потому что, насколько я понимаю, такие отношения, в которые я верю, требуют только двух людей. — Его голос спокойный, как будто он просто говорит ему факты, потому что так оно и есть. Никаких эмоций, никакого гнева... Ничего.

Я обретаю некоторую силу. Достаточно, чтобы отстраниться от Ксавьера.

Мы должны придумать что-то, чтобы скрыть смерть Сэмюэля, или, возможно, нам следует ехать в ближайший полицейский участок, чтобы сделать заявление и сдаться. Но мы спорим о том, что в данный момент имеет второстепенное значение. И мне надоело в этом участвовать. Я делаю несколько шагов назад, оставляя мужчин наедине. Надеюсь, они не убьют друг друга.

Тея

Наверное, глупо и безрассудно отправляться на прогулку, когда кажется, что вот-вот разразится буря, ветер крепчает с каждой минутой, а я одета не по погоде. Можно утверждать, что еще глупее делать это в день, когда моя жизнь изменилась... в худшую сторону? В другую сторону? Я уже не уверена.

Ксавьер назвал бы меня наивной.

Я просто слышу его голос у себя в голове.

Но я просто не хотела оставаться с братом, пока он справляется со своим расшатанным состоянием. Любая любящая сестра так бы поступила, но я знаю, что если останусь, мы снова поссоримся, потому что наш разговор еще не закончен. Уилл попытается отговорить меня быть с Ксавьером, рассказывая мне обо всех веселых моментах, которые они оба провели в Барселоне, а также, вероятно, в этом месяце.

Правда в том, что я не сомневаюсь в том, что Уилл честен, а Ксавьер дурачится с другими девушками. Я знаю, что это так. Если уж на то пошло, наша первая встреча — это подтверждение того, насколько Ксавьеру нравится иметь выбор. Он не верен никому, кроме себя.

Да, я, мягко говоря, жалкая. Кто захочет быть чьим-то вторым выбором? Однако я больше не уверена в этом. Потому что, что бы ни случилось, Ксавьер возвращается и ложится

в мою постель, как будто так и должно быть всегда. Это не делает его правильным, но каким-то образом это делает его немного лучше. Мы все питаемся ложью, когда правда слишком уродлива. Вот почему он говорит вещи, которые хочу услышать, а я делаю вид, что мне все равно, что не только я их слышала.

Потому что он возвращается.

— В любви должно быть какое-то безумие, Тея. Иначе это просто скучно, а я не терплю скуки. — Это единственный ответ, который я получила от него в тот единственный раз, когда решила спросить, есть ли кто-то еще. Если я просто схожу с ума, позволяя себе поверить, что на самом деле рядом с ним есть нечто большее, чем я.

До сих пор я не уверена, что его слова должны были меня успокоить. Я приняла их близко к сердцу, как безнадежная девушка, которой и являюсь. Получать хорошие оценки, быть умной и сообразительной не помешало мне убедиться, что я достаточно развлекаю Ксавьера.

И в то же время глупо.

Я не могла его потерять.

Я не могу его потерять.

Поэтому, что бы ни говорил мой брат обо мне, о наших отношениях... Нет ничего, что я не говорила бы себе раньше тысячу раз. И все же я все еще здесь. Все еще рядом с Ксавьером, притворяясь, что все это того стоит.

Что я стою этого.

И он тоже.

Проходя по кладбищу, я чувствую покой. Странно, но мне нравится приходить сюда, чтобы подумать и восстановить силы. Тишина окружает это место, и мой разум затихает, даже если ненадолго.

Сегодня это нечто большее.

Это заставляет меня думать о смерти.

О смерти Сэмюэля.

Все это кажется кошмаром. Злая шутка, которую играет со мной мой разум.

Но потом я смотрю на свои руки, вижу, как они дрожат, вспоминаю кровь, которая там была, и понимаю, что это действительно произошло. И я не знаю, что мне думать. После той ночи мы ни разу не говорили об этом вместе.

Я бы хотела знать, что я чувствую. Что я хочу сделать. Офелия и Элиас готовы пойти в полицию, если их скандирование этой фразы снова и снова прошлой ночью было хоть каким-то признаком. Ксавьер и Уилл не хотят тратить свои жизни на такого человека, как Сэмюэль. Он не был хорошим человеком. Он был всем, что я ненавижу, и даже больше. Но даже он не заслуживал того, чтобы закончить так. С ножевой раной в животе.

И все же я ничего не чувствую. Никакой вины — по крайней мере, не дольше минуты, когда я возвращаюсь к мыслям о той ночи. И даже злости на этого человека нет. Я потратила так много времени, чтобы научиться не обращать на него внимания. Хотя этот пузырь, который я создала, чтобы защитить свой рассудок в его присутствии, лопнул всего несколько часов назад. Вместе с моими друзьями.

Я чувствую боль в сердце.

Я считаю до трех, и оно снова исчезает. Теперь я оцепенела... снова.

Я останавливаюсь у одной из могил, и мне бросается в глаза цитата на ней.

«Чистый дух — это чистая ложь»

Ницше

Возможно, Ницше был в чем-то прав. Даже будучи психически неуравновешенным, он говорил правду. Уродливую, ранящую правду. Я отнюдь не чиста. Мой разум всю жизнь был темным местом. Сейчас мои поступки просто догнали мой пошатнувшийся рассудок. Душа черна, мое сердце, вероятно, тоже, даже когда оно истекает кровью от ночных мыслей. Мыслей о Сэмюэле.

Это все ложь.

Даже когда мне хочется верить, что это сон. Кошмар, но все равно что-то, чего не было. Прямо как Джей Гэтсби. Это не так. Это все ложь.

Мой телефон уведомляет о сообщении. Мне не нужно проверять, чтобы понять, что это Ксавьер. Он единственный, кто всегда отказывается позвонить и поговорить. Он считает, что если ему нужно с кем-то поговорить, он предпочел бы, чтобы это было с глазу на глаз. И вот, когда я разблокирую экран, я вижу, что он говорит мне зайти к нему сейчас.

Остальные, вероятно, уже там.

Натягивая рукава толстовки на ладони и капюшон на голову, я слышу, как отдельные капли дождя разбиваются о надгробные плиты. Как понимаю, я больше не могу игнорировать все и всех. Время для штурма ситуации стремительно приближается. Поэтому с тяжелым сердцем и еще более тяжелыми шагами я добираюсь до квартиры Ксавьера.

***

Мой желудок скручивается от первых звуков, которые я слышу, когда берусь за ручку двери. Голова ссоры звучат с той стороны. Я легко узнаю голос своего брата. А также голос Офелии и Элиаса. Неудивительно, что Ксавьер молчит. Он никогда не говорит, если речь идет о ссоре, чтобы привести аргументы, не пытается убедить кого-то в своей правоте. Он всегда считает, что этот человек должен соответствовать его образу мышления.

Таким образом, он никогда не проигрывает.

Потому что он ненавидит это.

Сплотнув, я вхожу без стука. Сквозь шум всех звуков они все равно меня не услышат. Волна тепла обрушивается на меня, и я не уверена, потому ли это, что на улице было холодно, или я просто в ужасе от того, что произойдет дальше.

Честно говоря, я до сих пор не могу осознать всего. Не говоря уже о том, каким будет наше решение в конце дня и как оно воплотится в жизнь завтра, или послезавтра, или через день. Ведь даже если мы не сдадимся, неизвестно, не поймают ли нас полиция.

У меня перехватывает дыхание.

— Ты так и будешь стоять здесь, в коридоре, милая? — Слышу голос Ксавьера и понимаю, что прижата к двери с закрытыми глазами. Я чувствую его присутствие. Он подходит все ближе, и в тот момент, когда я чувствую его руку на своей шее, мои веки приоткрываются. На меня смотрят его темные глаза. — Ты в порядке?

— Кто-нибудь из нас? — спрашиваю я. — Ты? Я?

Он хихикает, и его смех горький, как паслен. Он смотрит на меня. — Зависит от твоего представления правильности. — Он пожимает плечами.

— Я не могу понять, как это произошло. Или почему, — шепчу я. — Смерть Сэмюэля, а я даже не достаточно вменяема, чтобы понять, что я чувствую по этому поводу. Чувствую ли я вину или нет? Что нам теперь делать? Закон не на нашей стороне. Он никогда не будет на нашей стороне, и сейчас чертовски нелепо, что последняя тема, о которой мы говорили в надзоре с Корландом, это преступление на почве ненависти.

— Закон на стороне тех, кто лучше всех врет, *Меллилла*.

— Тогда почему мне хочется убежать при мысли о том, что я столкнусь с последствиями.

— Потому что чувство вины — это сильная эмоция, которую тебе, как никому другому, трудно заглушить. Бегство — мощный инстинкт, — хмыкает он, кивая головой. Ухмылка ползет по его губам, когда он касается моей щеки и проводит большим пальцем по моим губам. Я не уверена, что он находит таким забавным в этой ситуации. — Хотя требуется больше сил, чтобы остаться и бороться.

— Бороться за что? Он мертв, и каждый день теперь может показаться, что я не заслуживаю того, чтобы быть здесь живой и здоровой.

— Сэмюэль умер не просто так. Он был злобным человеком, питался нашими слабостями, и всю свою ненависть он использовал против нас. Чтобы заставить себя поверить, что знает лучше всех, что он всегда прав... Что он был лучше.

Я молчу, когда он целует мой лоб, прежде чем снова посмотреть на меня.

— То, что он мертв, не делает его святым. Его жизнь не стоила многого, если его убеждения шли вразрез со всем, что наше общество пытается искоренить. Не трать ни секунды на то, чтобы думать иначе, Тея. С тобой все будет в порядке, со всеми нами. До тех пор, пока мы будем молчать.

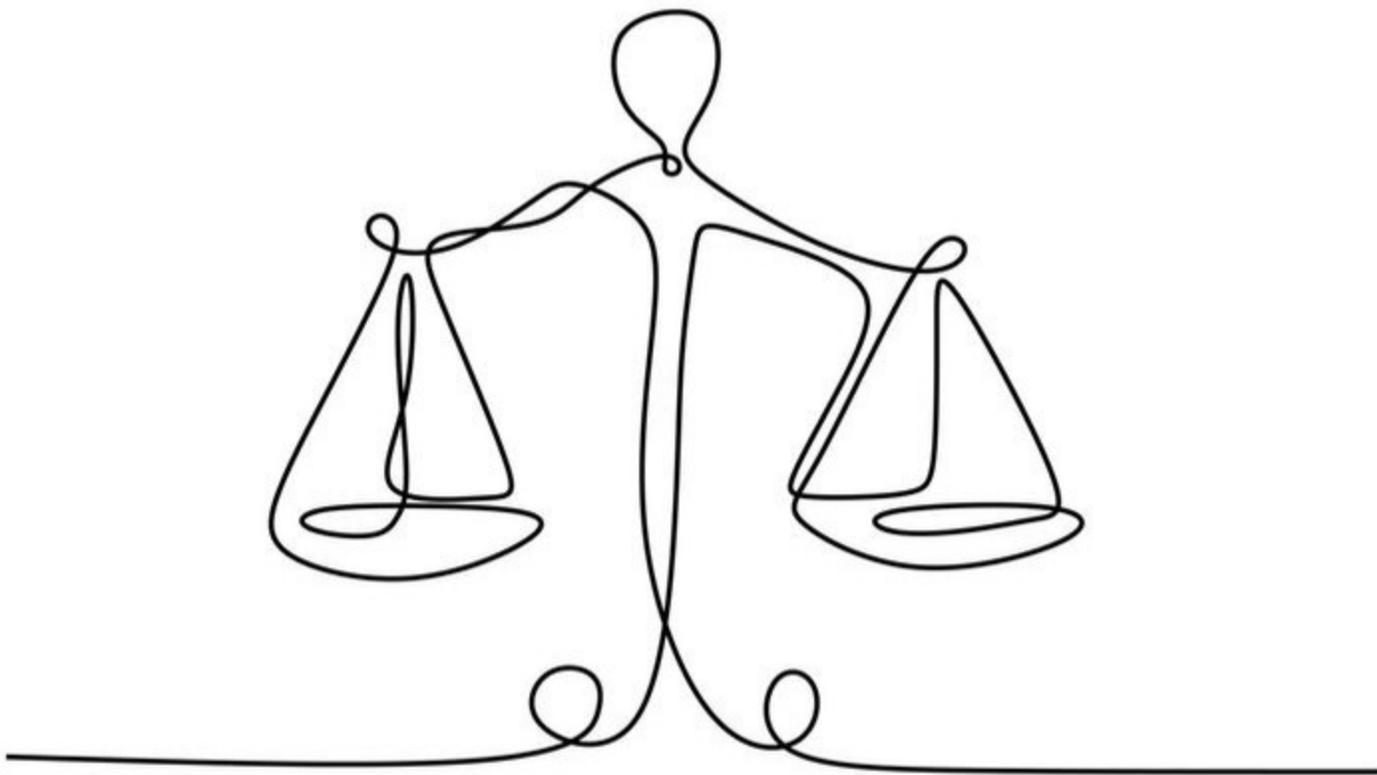
Сдерживаю комментарии, потому что слова Ксавьера не соответствуют его точке зрения. Я точно знаю, что он считает нас лучше, потому что у наших семей есть деньги. Он считает, что высший класс привилегирован, а богатство наших родителей позаботится обо всем в случае, если все превратится в дерьмо. Дело в том, что Ксавьер не скажет этого вслух, чтобы кому-то стало хуже. Но у него есть свое мнение, которое иногда просвечивает сквозь его поведение. Правда, только когда он это позволяет. А это бывает нечасто.

Вместо того чтобы сказать это, я прикусываю нижнюю губу и киваю.

— Пойдем. Может, ты прекратишь эту драку и не дашь своему брату убить меня достаточно быстро, чтобы мы могли что-нибудь придумать.

Он берет меня за руку, и мы идем дальше в квартиру, в которой Ксавьер живет один.

Тея

Паранойя пронзает мое тело, когда я вижу остальных в гостиной. Уже были моменты, когда до меня доходила серьезность ситуации, но сейчас, когда все они смотрят на меня, все возвращается в десятикратном размере. В комнате воцаряется тишина, когда я сажусь на один из диванов, рядом с Ксавьером.

Глаза Уилла сужаются, так как он почти не замечает пространства между нами и выглядит несколько трезвым.

— Черт возьми, — слышу я бормотание Ксавьера, не сводя глаз с моего брата.

Впервые я должна согласиться с ним, что то, что Уилл знает о нас, не самая лучшая идея. Потому что это именно то, что он думает. Я его сестра, так что в какой-то момент он начнет относиться ко мне так же, как и раньше, но Ксавьеру это будет нелегко. Они были лучшими друзьями, может быть, до сих пор ими остаются, поэтому его предательство, вероятно, ранит сильнее.

— Нам нужно пойти в полицию, — начинает Офелия, ее голос дрожит. Ее глаза выдают, насколько она напугана. Она всегда была отличным другом и замечательным человеком, но никогда не была сильной духом. Не тогда, когда что-то идет не по ее плану. Она организованный и осторожный человек. Я могу только представить, как это повлияло на нее.

Воздух в моих легких замирает.

— Что нам нужно, так это полностью заткнуться и вернуться к своей жизни, — бормочет Уилл себе под нос, но в окружающей нас тишине мы слышим его отчетливо.

Элиас, обычно спокойный, прожигает взглядом дыру в моем брате, покачивая головой. — Рано или поздно они найдут его гребаное тело. Они начнут искать.

— Они его не найдут.

Голос Ксавьера снова спокоен. Он уверен в своих словах, без колебаний. Часть меня хочет знать, где именно находится тело Сэмюэля, но другая часть не хочет, чтобы я мечтала о другом. Взглянув на Офелию, я вижу, что она тоже не собирается спрашивать об этом.

— Он живет в студенческом общежитии. Его соседи по квартире поймут, что он ушел. Они обратятся в полицию, когда он не вернется. Пока они не подадут заявление, все хорошо. Но это ненадолго.

— Ты что, оглох? Они его *не* найдут, — повторяет Ксавьер.

Я вижу, как Ксавьер и Уилл обмениваются взглядами с некоторым пониманием. Они ведут бессловесный разговор, который я хотела бы понять. Они спокойны и собраны, в отличие от остальных. Офелия дрожит, жуя губу, а Элиас глубоко дышит. Я дергаю рукав своей толстовки, как будто это принесет мне покой. Я не говорю ни слова, потому что мне нечего сказать. Я не сдамся. Не ради такого человека, как Сэмюэль. И я не стану разрушать жизнь своих друзей ради него.

Чувство вины останется. Мне нужно справиться с ним как можно лучше, скрыв его под сотнями слоев своих эмоций.

Офелия встает, расхаживая по комнате взад-вперед. — Что, если кто-то видел, как мы выходили из библиотеки? Люди тоже видели нас там. Мы отстали. Сэмюэль был с нами.

— Он ушел. Мы поссорились из-за того, какую стратегию для суда использовать, и поскольку он был пьян, мы просто сказали ему уйти. И именно так он и поступил, — рассказывает Уилл. — Мы остались на следующий час, пока мы с Ксавьером не ушли, чтобы быстро выпить в пабе. Вы втроем вернулись, чтобы разложить книги по полкам, и отправились домой. Ты проводил Тею до ее квартиры, потом Элиас проводил Офелию, и он был последним.

Они, конечно, говорили об этом. Иначе у них не было бы этой истории придуманной с ходу.

Я смотрю на брата.

— А ты? — тихо спрашиваю я.

— Я что?

— Ты ходил в паб?

Ксавье кивает в ответ. — Мы не пошли сразу домой, а ушли раньше, чтобы разобраться с Сэмюэлем. Нам нужны были свидетели, которые видели нас, на всякий случай.

Это умная мысль. Где бы они ни избавились от тела, им все равно нужно было учесть потерянное время. Быть замеченным клиентами в пабе — хорошее алиби.

— Нам нужно научиться говорить, что мы делали в ту ночь, задом наперед, — говорю я и вижу, что все, кроме Ксавьера, смотрят на меня так, будто я сошла с ума. Он знает, почему, а другие нет. — Лжецы не смогут сказать все то, что они делали с конца. И на случай, если полиция будет нас допрашивать, а они, вероятно, будут, когда будет подано заявление о пропаже человека, нужно думать о том, куда ты смотришь. Предположительно, смотреть в левый верхний угол во время разговора равносильно тому, что вы используете свое

воображение, а не говорите правду.

Я слышу тихое фырканье, исходящее от моего брата. — Для человека, который ужасный лжец, ты, конечно, много знаешь о том, как поймать кого-то на лжи.

Он говорит это, чтобы задеть, но у меня нет сил отвечать на это. Я чувствую себя выжатой от всего произошедшего, и мне интересно, если бы я легла прямо сейчас, проспала бы остаток дня и ночи? Возможно.

— И все же она скрывала отношения от всех нас, — добавляет Офелия, пожимая плечами. Она злится на меня за то, что я не рассказала ей. — Интересно, как Сэмюэль узнал о вас двоих, а мы нет?

— У нас есть проблемы поважнее, чем чертовы отношения Теи и Ксавьера, тебе не кажется? — шипит Элиас.

В то время как Офелия все меньше и меньше уверена в том, что сдать — хорошая идея, Элиас все еще на грани того, чтобы пойти в полицейский участок. Уилл наклоняется, его глаза буравят Элиаса. — Настучишь на нас, и это будет последнее, что ты сделаешь.

— Ты действительно хочешь попасть в тюрьму из-за того, кто назвал тебя гомиком (прим. в оригинале «bender» сленг у британцев, используется как грубое слово в адрес гомосексуалиста). Он был гомофобом, Элиас, — говорю я, пытаюсь успокоить его. Угрожать ему, возможно, не самая лучшая идея.

— Думаешь, меня это волнует? Я не гей, так что он был совершенно не в себе.

Сэмюэль не ошибся, это мы знаем. То, что Элиас боится признаться, что ему нравятся мужчины, сейчас, после этой ночи, как никогда, не делает это менее правдивым. Мы дружим уже более двух лет. Это нетрудно заметить.

— В конце концов, он был прав насчет каждого из нас в той или иной степени. Я более чем готов это признать. Он знал, что Офелия увлеклась своим инструктором по лошадям, он был прав в том, что у нас с Ксавьером были отношения, он был прав в том, что...

Он был прав в том, что я была жалкой, держась за свои чувства к Ксавьеру.

Но я не говорю этого. Я не помню даже половины того, что Сэмюэль сказал, или того, что произошло. Но не мне говорить за своих друзей или говорить Элиасу, что мы ему не верим. Это его жизнь. Если он не готов, то это его решение. Мы не должны осуждать его за это.

И никто не высказался, чтобы сказать обратное.

Мы богатые, титулованные дети, и я знаю, что деньги могут иметь большое значение, но сейчас нам нужно самим разобраться с ситуацией. Потому что ничто нам не поможет, кроме как придерживаться истории, которую создали Ксавьер и Уилл.

Это было убийство, и не случайное. Один взгляд на тело и ножевое ранение расскажут именно об этом. Обращение в полицию означало бы конец нашей жизни, несмотря ни на что. Независимо от того, решили бы мы сдать.

Элиас что-то бормочет, но я не слышу.

Ксавьер встает и тянет Элиаса за воротник, крепко хватая его за футболку. — Ты знаешь эту старую поговорку? Про стукачей? Предай нас, и у тебя не останется ничего, что можно было бы сшить обратно.

Офелия потянула за футболку Ксавье. — Пожалуйста, не надо. Никто ничего не скажет, хорошо? Можем ли мы все согласиться не говорить об этом, без крайней необходимости?

Она спрашивает нас всех, но, честно говоря, эти слова больше всего направлены на Элиаса.

Люди не поверят нам, если мы не будем держаться вместе. У них будут свои мнения о том, что произошло. Тем более что ни для кого не секрет, что мы с Сэмюэлем ненавидели друг друга. Я стану их первой подозреваемой. Ксавьер, Уилл, Офелия и Элиас — сразу после меня, так как они ближе всех ко мне.

А эти люди? Они могут изменить ход событий, но они не могут изменить факты. А факты таковы: один из нас убил человека.

Убит.

Мертв.

Ушел.

Блядь!

Ксавьер

К утру вторника все знали, что Сэмюэль пропал. Новость распространилась по Кембриджу как лесной пожар. Мы провели внеплановое собрание колледжа Тринити, на котором всех оповестили о сложившейся ситуации, а также попросили выйти вперед, если они что-то знают об этом деле. К счастью, большинство людей выглядели растерянными, многие даже не знали, кто такой Сэмюэль. А тех, кто знал, похоже, это мало волновало.

Офелия и Элиас оставались неподвижными, что тоже было хорошо.

Сэмюэль всегда был один, если только у него не было групповых проектов, по крайней мере, так мне не раз говорила Тея. Она знала лучше всех, поскольку они с самого начала учились в одном классе. По иронии судьбы, похоже, что она больше всех общалась с парнем. Даже если половина их встреч была их спорами, а другие супервизии также заканчивались тем, что они ссорились из-за какой-то темы и своего мнения на нее.

К концу дня все болтали о Сэмюэле Хейле, хотя никто не называл его по имени. Он был тем самым пропавшим мальчиком, возможно, мертвым, тем, кто растворился в воздухе. Люди говорили о том, что могло произойти. Самые маловероятные сценарии, поскольку я подслушивал некоторые из них. Самые нелепые. Бредовые.

Совершенно неправдоподобные.

Полагаю, я должен быть благодарен за это, потому что никто, казалось, не связывал

никого из нас с Сэмюэлем — даже Тею.

По крайней мере, я так считал, пока не увидел Корланда, разговаривающего с Теей в коридоре. Она выглядела спокойной, но я знал лучше. Она наверняка дрожала внутри, потому что они не могли говорить ни о чем другом, кроме Сэмюэля. В этом году у них начались совместные супервизии, специально подобранные самим Корландом. У парня было место в первом ряду, чтобы наблюдать за их жаркими разговорами. Если кто-то и подозревал Тею, то это был он, и на то были веские причины.

Я наблюдаю, как они стоят справа от коридора, пропуская других студентов, пока они разговаривают. Тея стоит ко мне спиной, но по тому, как напряглись ее лопатки и слегка наклонилась голова в сторону, видно, что она далеко не беззаботна. Я подумываю о том, чтобы прервать ее, но ей это не понравится, она подумает, что я обращаюсь с ней так, будто она может сломаться.

А я и не собираюсь.

Честно говоря, что-то мне подсказывает, что, кроме меня, она меньше всего склонна выдать нас всех. Я знаю, что она не все помнит с той ночи, но я так думаю не поэтому. Она сильная и умная, независимо от того, сколько вины несет в себе, она не позволила бы Сэмюэлю растратить свою жизнь. Даже после его смерти.

Прижав книги к бедру, я прислоняюсь плечом к стене и жду. Проходит совсем немного времени, пока Корланд замечает меня и заканчивает разговор с едва заметной, почти утешительной улыбкой. Он кивает мне головой, зная, что я, должно быть, жду Тею, и уходит в сторону лестницы, где находится его кабинет.

Обычно я иду к Тее и провожаю ее на следующую лекцию, что я и делаю теперь постоянно и не скрываю этого. В конце концов, Уилл уже знает о нас вместе с другими нашими друзьями, так что в тайне нет необходимости. Мы не держимся за руки и не выглядим влюбленными, потому что это отвратительно, когда кто-то другой делает это, и я не могу представить себя одной из тех пар, которые должны ходить вокруг, демонстрируя свои отношения.

Она знает, что я здесь. Уверен, что она не пропустила жест Уэса, но вместо того, чтобы оглянуться и встретиться с моими глазами, она делает несколько шагов вперед и исчезает за углом, где находятся туалеты.

Прочистив горло, я следую за ней.

Не думая, я открываю женский туалет. К счастью, там никого нет, потому что у меня нет настроения разбираться с кричащими девушками. Мой взгляд останавливается на одной из кабинок. Там стоит Тея. Я вижу ее ноги, и не похоже, что она вообще использует это место по назначению. Просто стоит там, прислонившись спиной к двери.

— Что Корланд сказал тебе? — спрашиваю я, присаживаясь на умывальник.

Сумка, которую она держала, падает на пол с громким звуком ее книг. — Какого черта, Ксавьер, — шепчет она. — Ты не можешь быть здесь.

Я пожимаю плечами. — Здесь больше никого нет, чтобы остановить меня.

— А я есть.

Темная усмешка вырывается из моих губ. — Не уверен, что ты остановишь меня, Меллилла.

Я слышу громкий стон, и дверь кабинки широко распахивается. Тея смотрит на меня суженными глазами. Они немного красные, а щеки влажные. Она плакала.

Что-то охватывает меня изнутри, когда я вижу ее в таком состоянии. Я ненавижу, когда

она плачет или грустит. Это что-то делает со мной, и моя ухмылка сменяется озабоченностью. Я вспоминаю Корланда. Злость на этого ублюдка просвечивает сквозь пальцы. Тея была в порядке в его классе, а теперь...

Я сокращаю расстояние между нами и резко прижимаю тело Теи к стене. Моя рука скользит под ее подбородок, большой палец мягко проводит по ее губам, прежде чем я вытираю влагу на ее лице.

— Что, блядь, он тебе сказал, Тея? — снова спрашиваю я, начиная злиться. Если он был причиной всего этого, то ему конец.

Она качает головой. — Он ничего не сказал, только спросил, все ли у меня в порядке. Он увидел, что я отвлеклась во время занятия. И он отложил нашу следующую контрольную.

Он отложил и инсценированное испытание.

По крайней мере, до Хэллоуина, который был в эту пятницу. Пропажа одного человека не является причиной остановки всего мира, так что даже этот маленький жест слишком много, если вы спросите меня. Тем более, что речь идет о Сэмюэле Хейле.

Я прижимаю большой палец к подбородку Теи.

— Посмотри на меня, любимая, — бормочу я, касаясь губами ее лба. Она тяжело выдыхает и делает то, что я говорю. Ее прекрасные темные глаза встречаются с моими, в них блестят слезы.

Тея дрожит от моего прикосновения, и я чувствую, как во мне поднимается желание.

Ее руки слегка скользят по моей груди, словно она пытается как-то отстраниться. Неумело.

Я наклоняюсь и прижимаюсь к ее рту, мягкий, но многозначительный поцелуй говорит обо всем.

Она моя.

Я здесь.

Мы в порядке.

— К следующей неделе все забудут о нем и его исчезновении. Нам просто нужно пережить следующие несколько дней, — говорю я ей, но она не выглядит убежденной. И все же она кивает.

— Ты разговаривал с Уиллом в последнее время?

— Нет.

Я и Уилл... Это, мягко говоря, сложно.

В принципе, если бы мы были статусом на Facebook, то так бы *было* написано.

Мы не говорили ни слова после того дня у меня дома, когда мы пытались понять, как справиться с ситуацией. Он делает вид, будто меня там нет, а я притворяюсь, будто это не трахает мне голову. Возможно, это потому, что за последние три года я так привык быть рядом с ним, что моему разуму трудно постичь новую реальность. Это раздражает, и я ненавижу это.

Однако я не жалею об этом. Между дружбой с Уиллом и отношениями с Теей, я всегда выберу Тею.

— Он игнорирует меня, — шепчет она между поцелуями.

Я не отвечаю. Только углубляю поцелуй, мой язык против ее языка в грубом и требовательном поцелуе.

— Мы не разговариваем, — продолжает она.

По-прежнему никакого ответа.

— Только несколько слов здесь и там.

Я ворчу, немного отталкиваясь от нее. — *Меллилла*, нам действительно нужно говорить о твоём брате сейчас? Разве он не занимал достаточно места в наших разговорах в последнее время?

Он был постоянной темой, потому что это беспокоит Тею даже больше, чем меня. Они всегда были близки. По крайней мере, настолько близки, насколько это возможно, не рассказывая друг другу все чертовы секреты. Но с меня хватит слушать все это. Она должна понять, что поскольку они семья, Уилл вернется к тому, каким был. У них все будет хорошо.

Я уже говорил ей об этом раньше.

— Просто хочу промотать время вперёд, чтобы мне не приходилось каждый день возвращаться в тихую квартиру.

— Я бы хотел, чтобы ты вообще туда не возвращалась, — говорю я, и она хмурит брови.

— Что ты имеешь в виду?

Я пожимаю плечами. — Ты можешь остаться со мной, пока все не успокоится. Мы же больше не будем прятаться.

Тея смотрит на меня так, будто у меня три головы, а потом мелодично хихикает. — Как получилось, что ты превратился из нуля в сто? Ты не хотел, чтобы кто-то знал о нас, а теперь хочешь, чтобы я переехала к тебе?

— Не совсем переехать. Только на неделю или две.

Она наклоняет голову вправо, пытаясь понять, серьезно ли я говорю.

Так и есть.

— Или на месяц, или на год... — размышляет она. — Я знаю тебя, Ксавьер. Всё ускорится, что я не успею выдохнуть. И Уилл перестанет со мной разговаривать навсегда. Я не готова к другим переменам. Мне нужно снова сосредоточиться на учебе. Это последний год для бакалавриата...

Я снова сокращаю расстояние между нами и целую ее, чтобы она замолчала. Было определенно слишком много разговоров и размышлений.

Мои руки проникают под ее задницу, и я поднимаю ее вверх. Она обхватывает ногами мою талию, вращая бедра и трется о мой пах. Низкий стон вырывается из моих губ, когда мой член дергается под давлением. Тея точно знает, что делает, и я чувствую ее ухмылку.

Хорошо, что она больше не плачет.

***

На протяжении всех лет, что я был здесь студентом, мне всегда нравились мероприятия, организованные колледжами. Особенно юридические и психологические. Они дают возможность каждому взглянуть на вещи с другой стороны. Заставляют мыслить нестандартно или просто увидеть, насколько чертовски похожи все люди, сталкивающиеся с определенными ситуациями.

Сегодня я также думаю, что это способ поиздеваться над недавними событиями.

Моральная сторона убийства.

Это то, о чем мы все слышали сегодня.

Для других это не было бы чем-то необычным, но каждый раз, когда мои глаза встречаются с глазами Теи, я вижу, что каждое слово, произнесенное оратором в течение часа в этом богом забытом конференц-зале, сильно задевает ее. И не только ее. Уилл напряжен. Офелия и Элиас решили уйти через пятнадцать минут. Мы все думаем о той ночи. Наши умы воспроизводят события, и лицо Сэмюэля мелькает в наших головах, как яркий

фильм.

Впервые я радуюсь, когда мероприятие заканчивается и я могу выйти на улицу. Дышать становится все труднее с каждым взглядом на Тею. То, как один за другим напрягаются все ее мускулы, настолько, что я вижу это с расстояния в несколько рядов, побуждает меня подойти к ней и заключить ее в объятия.

Я прислоняюсь к стене здания, натягиваю на голову толстовку и жду. Люди выглядят довольными лекцией. Как они могут быть недовольны? В целом, это было интересно. Они не переносят тягот, связанных с прекращением чьей-то жизни. Образы крови на полу библиотеки и ножевое ранение. Безжизненная поза одного из их сверстников.

Как только я вижу, что Тея и Уилл выходят в полном молчании, я пробиваюсь к ним. Тея видит меня издалека и слегка качает головой, пытаюсь остановить. Она думает, что я собираюсь спорить с ее братом, устраивая сцену на глазах у всех. Однако сегодня у меня нет для этого места в голове. Все, что меня волнует, это убедиться, что с ней все в порядке. Я игнорирую ее безмолвную мольбу.

Уилл чувствует мое присутствие, когда поворачивает голову, и выражение его лица становится жестким. В последнее время он постоянно так себя ведет, когда видит меня.

— Подумай дважды, прежде чем что-то сказать, Ксавьер, — говорит он, как только я подхожу к ним.

— Я здесь не для тебя.

— Очевидно, — рычит он, хватая Тею за руки и слегка притягивая ее к себе. Как будто он пытается либо заставить ее уйти с ним, либо заверить ее, что он рядом.

Но я не обращаю на него внимания. Мои глаза устремлены на Тею. Обычная искра в них полностью исчезла. Взгляд почти пустой.

— Как ты себя чувствуешь?

— Она просто в порядке. Не нужно изображать обеспокоенного парня.

Я смотрю на Уилла.

Полагаю, я должен считать победой то, что он предпочитает высказывать все эти язвительные комментарии вместо того, чтобы драться со мной. Однако они раздражают меня в любом случае.

— Уилл, — шипит Тея. — Ты можешь дать нам минутку?

— Нет. Твое самосохранение лежит на чертовом полу, чтобы этот парень мог пройтись по нему. Я не оставлю тебя слушать его ложь.

Я сжимаю руки в кулаки. Они дрожат, пока я пытаюсь держать себя в руках.

Одна секунда.

Две секунды.

Пять...

Тридцать...

Минута.

Я раскрываю ладони, успокаиваясь.

— Тебе не нужно уходить. Мне просто нужно знать, в порядке ли Тея.

Тея кивает. — Да.

Она. Определено. Не. В порядке.

Я вижу это. Я вижу ее настоящий ответ.

Не думая, я раскрываю свои объятия, и она падает в них. Я слышу, как Уилл что-то говорит, прежде чем уйти. Думаю, с него достаточно. Он знает, что его неодобрение не

сработает. К несчастью для него.

— Знаю, что ты не в порядке, — шепчу я. — Но ты будешь. Я обещаю тебе это.

Сейчас она в порядке.

Это все, что имеет значение.

Тея

За последние несколько дней в моем мозгу отпечаталось, что я позволяю себе забыть, проводя все дни за учебой, а в промежутках фотографируя. Я чувствую постоянную необходимость делать то одно, то другое до такой степени, что даже не могу заснуть. А может быть, я просто не хочу, потому что кошмары непременно будут сниться. Они не исчезли, и что-то подсказывает мне, что никогда не исчезнут. Не до конца.

Нас допрашивали в полиции в тот же день, когда объявили Сэмюэля пропавшим без вести. Это был также последний раз, когда я притворялась сильной. Я больше не могу этого делать. Во мне этого нет, и из всех людей Ксавьер почувствовал это сильнее всех, потому что я немного отстранилась. Не в том смысле, что я не разговариваю с ним или избегаю его, потому что, видит Бог, он, возможно, единственный человек, который не относится ко мне по-другому в данный момент. Я просто отступила от переполняющих меня эмоций, которые застряли внутри меня, разговариваю еще меньше, чем раньше, и гораздо больше времени провожу в одиночестве.

Сегодня вечером я позволила Офелии уговорить меня пойти на вечеринку в честь Хэллоуина, которую организывают студенты. Среди всего этого дерьмового шоу это, возможно, одна из тех вещей, которая позволяет большинству из них говорить о чем-либо еще, кроме Сэмюэля. Хотя лишь несколько человек действительно знали его. Кажется, что

его имя постоянно у всех на устах. Я не могу пройти по коридору, не подслушав один из разговоров.

Ксавьер говорит мне, что скоро все успокоится. Чем дольше он будет отсутствовать, тем меньше людей будет беспокоиться о нем. Пока все не прекратится. Даже поиски полиции. Нет тела, нет зацепок — нет проблем. Так он говорит.

Возвращаясь в свою квартиру, я смотрю на экран своего телефона, чтобы узнать время. Уже почти восемь вечера, а это значит, что у меня будет меньше получаса, чтобы привести себя в порядок. И поскольку еще два часа назад я не планировала идти на вечеринку, у меня нет никаких костюмов, которые можно было бы надеть.

Я не хожу на вечеринки. Правда, не люблю.

Те несколько раз, когда Офелии удавалось вытащить меня из квартиры и оторвать от книг в паб, для меня это все. Пьяные люди, особенно студенты, не моя любимая компания, как бы сильно они мне ни нравились в трезвом виде. На этих вечеринках их никогда нет.

У Кембриджского университета есть один, очень большой недостаток, когда становится трудно, становится чертовски *трудно*. Забавно, но обычно это происходит поэтапно. Я даже назвала их.

Первый, в самом начале семестра, «*Что это за учебный план?*», потому что выпить перед тем, как нырнуть с головой, очень важно. Затем наступает конец первого семестра, полностью заполненный написанием эссе, чтением толстых книг и выживанием на энергетиках, «*Что такое жизнь? Кто я? И зачем я на это подписался?*» — этап. Абреакция (прим. повторное переживание травматического события) — это то, о чем все думают в этот момент. Следующая часть происходит где-то в середине второго семестра, когда студенты уже не могут смотреть на свои книги, посещать лекции и регулярно думают о том, чтобы бросить учебу и стать стриптизером — ведь для этого не нужна степень, и все равно можно заработать хорошие деньги, верно? И как раз в тот момент, когда они собираются воплотить свои мысли в реальность, финал разбивает их о стену, уничтожая всякое желание жить в одно мгновение. Они просыпаются сразу после сдачи последней работы. Я называю это «*Фух, я могу сделать это снова... *кашель* отказ *кашель**» — стадия. Наверное, моя любимая, потому что я чувствую себя маленьким глупым ребенком, который должен знать лучше, но не знает, так как они сразу переходят к следующему году пыток.

Честно говоря, кто промывает мозги?

Я знаю об этих стадиях, в отличие от многих других людей и научилась жить с ними после более чем двух лет обучения. Но я так и не научилась справляться с родителями или игнорировать неудачи в школе. Сейчас конец октября, так что я должна находиться между этими стадиями, учитывая мои тщательные наблюдения, но я делаю это, когда думаю, что проблема меня не касается, только для того, чтобы потом испытать огромное разочарование, когда жизнь докажет мне обратное.

Добавив ко всему этому дело Сэмюэля, я чувствую, что медленно умираю, когда впереди так много времени.

Повернув ключ в замке, я потянула ручку двери вниз и вошла в квартиру. Я пишу Офелии, чтобы она не торопилась, потому что в этот раз мне нужно будет подумать, что надеть из моего гардероба.

На заднем плане я слышу звук работающего телевизора, что дает мне знать, что Уилл все еще дома. Хотя, зная его, он тоже пойдет на вечеринку. Его не было дома почти все дни, и я понятия не имею, куда он ходит, когда не посещает лекции или контрольные. Он не

разговаривает ни с Ксавьером, ни со мной. Иногда, правда, он пробормочет пару слов, когда это необходимо. Обычно он говорит, что звонили наши родители, он разговаривает с ними немного больше, чем я.

Я сбрасываю высокие сапоги и снимаю пальто. С каждым днем становится все холоднее и холоднее, до такой степени, что я надеваю зимнюю одежду всякий раз, когда собираюсь вечером в библиотеку.

Потирая замерзшие пальцы о бедра, я иду в гостиную. Уилл сидит на диване и смотрит новости. Или лучше сказать, делает вид, что смотрит? Он больше внимания уделяет напитку в своей руке, теребя стакан на бедре.

Не говоря ни слова, я протягиваю руку и забираю у него стакан.

И тут же его глаза останавливаются на мне, пристально глядя на меня.

— Что, по-твоему, ты делаешь? — спрашивает он, наконец признавая меня достаточно долго, чтобы завязать что-то близкое к разговору.

— Тебе не кажется, что с тебя хватит? С каких это пор ты пьешь алкоголь в одиночку? Это на тебя совсем не похоже.

Он раздражается насмешливым смехом. — Смотрите, кто говорит.

— Я понимаю, ты злишься на меня, а тут еще с Сэмюэлем... — «Ситуация», — мысленно заканчиваю я. — Но пьянство, не решит всех твоих проблем.

— У меня нет никаких проблем.

— Да, я вижу, — насмехаюсь я.

Затем наступает неловкое молчание, которое я обычно испытываю с незнакомыми людьми. Этот момент, когда ты говоришь о том, о чем должен был, а теперь тебе нужно либо уйти, либо начать новую тему, и чем дольше ты ждешь, чтобы сделать то или другое, тем более неловко себя чувствуешь. Просто странно, что впервые в конце всего этого оказывается мой брат. До этого у нас никогда не было проблем с общением. Мы ссорились, но быстро мирились.

— Я должен был защищать тебя, — шепчет он почти так, как будто не собирался, чтобы я это услышала. Возможно, он и не собирался.

Жаль, что так.

Я смотрю на Уилла, садясь рядом с ним. Мои глаза не отрываются от него, когда я вижу, как меняется его поведение. Он глубоко вздыхает и смотрит вверх. Он не любит глубокие разговоры и активно избегает их. Это единственное, что нас объединяет.

— Так и есть.

Он качает головой. — Нет, это не так, — ворчит он. — По крайней мере, не так, как должен.

— Что ты имеешь в виду?

— Я видел, что в последнее время с тобой что-то не так. Я был почти уверен, что ты с кем-то встречаешься после нашего визита на день рождения отца. Когда мама продолжала говорить тебе, что пора найти парня. Ты хотела ее отчитать, — он делает паузу, затем мрачно усмехается. — Блядь, я даже спросил Ксавьера, слышал ли он что-нибудь или может заметил. Честно говоря, это было глупо с моей стороны.

— Ты меня не спрашивал.

— Я думал, ты просто скажешь мне, когда будешь готова. Подумал, что, возможно, это что-то новое, и ты просто не уверена, есть ли у этого будущее. Никогда в миллион лет я не думал, что у тебя будут с *ним* отношения.

— Знаю, ты злишься, что я влюбилась в твоего лучшего друга и...

Он останавливает меня. — Ты думаешь, что все дело в этом? Что Ксавьер мой... или был моим лучшим другом? — Я киваю. — Тея, ради всего святого, мне плевать, кто он для меня. Мне важно, что это Ксавьер. Парень, о котором я высокого мнения, но никогда бы не благословил его встречаться с кем-то важным для меня. *Особенно с тобой.*

— Все не так плохо, как ты думаешь.

— Ты не глупа, Тея. Но ты обманываешь себя, если думаешь, что ты ему достаточно дорога, чтобы между вами что-то было, — говорит он.

Слезы наворачиваются на глаза. Думать об этом легче, чем слышать, что другие придерживаются такого же мнения. Я все еще пытаюсь убедить себя, что все не так. Что, несмотря ни на что, эти отношения того стоят. Но в такие моменты я даже не уверена.

— Я говорю это не для того, чтобы причинить тебе боль, просто хочу, чтобы ты очнулась. Ксавьер может быть хорошим другом, но он не годится в бойфренды. Ваши отношения — это всего лишь ложь.

— Тогда, пожалуйста, позволь мне прожить это еще немного, — говорю я ему и, не дождавшись его ответа, выхожу из комнаты. Я выливаю алкоголь из стакана Уилла в раковину, а затем делаю то же самое с остатками виски, которые он оставил в бутылке на кухонном столе. Может быть, наши отношения и колеблются на данном этапе, но я забочусь о нем и не хочу, чтобы он пил в свое удовольствие только потому, что дела идут тяжело.

Я знаю, что это не из-за нас с Ксавьером. Мы лишь вишенка на торте проблем. Однако, как группа, мы без слов пришли к соглашению, что чем меньше мы об этом говорим, тем лучше.

***

Стоя перед высоким черным зеркалом, я одета в бело-серое обтягивающее платье, которое выглядит как куча бинтов, затянутых вокруг моей груди, бедер и ляжек. У меня есть сапоги Lita (прим. марка обуви), которые я еще не надевала, хотя купила их почти год назад. Мои волосы заплетены в две косы, укрощая все эти вьющиеся пряди. Я выгляжу как смелая версия самой себя. Той, кем я никогда не стану, потому что, как уже говорила, я ненавижу вечеринки. Они мне не нужны и я не хочу их посещать. И поэтому я до сих пор не могу поверить, что иду на эту чертову вечеринку.

У меня почему-то трясутся руки, когда я слышу, как открывается входная дверь и по квартире разносится веселый голос моей лучшей подруги. Несколько секунд спустя она врывается в мою спальню с широкой улыбкой на лице. На ней какой-то хипстерский пиратский костюм. Он в основном черного, белого и красного цветов, что прекрасно сочетается с ее бледным цветом лица и стройной фигурой.

Она хлопает при виде меня. — Смело, Ти. Мне нравится.

Если быть до конца честной, я бы предпочла надеть пижаму, но Офелия съела бы меня живьем. И поскольку у меня не было ничего, что могло бы напоминать какой-либо костюм на Хэллоуин, кроме этого платья, которое я надевала однажды в средней школе, когда играла зомби. Только теперь оно немного меньше и плотно сидит на мне, но все же это то, с чем я могу жить следующие несколько часов.

Я выдыхаю, хватая сумку. — Мы можем идти?

— Почему такая спешка? Тебя там кто-то ждет? — спрашивает она, и я понимаю, что она намекает на Ксавьера. Она делала это уже несколько раз с тех пор, как узнала, и я всегда предпочитаю игнорировать это. Наша дружба теперь работает лучше, если мы полностью

избегаем этой темы.

Хотя вскоре после этого, когда мы идем по узкой дороге в сторону вечеринки, я чувствую напряжение. Глаза Офелии блуждают, и каждый раз, когда я оглядываюсь на нее, она смотрит вниз на свои туфли. То, что она избегает моего взгляда, означает, что ей есть что сказать вслух. Сначала я ничего не говорю, делая вид, что не замечаю ее поведения. Но после десяти минут молчания я просто не могу держать это в себе.

Я останавливаюсь посреди улицы, к счастью, вокруг никого нет, и только тихие звуки музыки, доносящиеся с вечеринки в честь Хэллоуина, слышны далеко на заднем плане, что говорит о том, что мы приближаемся.

— Просто говори то, что хочешь сказать, Офелия. То, как ты молчишь, раздражает.

Она молчит.

Я закатываю глаза. — Да ладно, О. Мы обе знаем, что ты не из тех, кто просто молчит и не высказывает свое мнение. Я удивлена, что ты ничего не сказала, как только увидела меня и Ксавьера, если быть до конца честной.

Она вздыхает. — Почему ты мне не сказала?

Я выдыхаю.

— Все произошло так быстро, что это привело меня в замешательство. В один момент я ненавидела его, его задиристость и умные ответы. Потом я начала видеть его везде, куда бы я ни пошла.

— Я твоя лучшая подруга. Ты могла бы рассказать мне. Особенно если это заставляло тебя чувствовать себя так неуверенно. Я бы помогла тебе.

— Как? Сказав мне забыть Ксавьера и просто найти хорошего парня, который будет ближе к тому, кто я есть, так? — Она молчит, но я вижу это в ее глазах. Ответ на мой вопрос. — Я знаю тебя очень хорошо. Я знала, что ты скажешь, не спрашивая, и, честно говоря, мне не хотелось, чтобы меня осуждали за мои чувства.

— Чувства могут меняться.

— Если тебе не все равно, то не могут. Не совсем. Не полностью. И я была в жопе. Я злюсь на себя, что начала заботиться о Ксавьере, Офелия. Вот почему я ничего не сказала по прошествии времени, — выдыхаю я, мое сердце бешено колотится. — Он всегда был рядом, всегда рядом. Он начал подходить ко мне в библиотеке, поддразнивая меня за то, как много я учусь. Я помню, как Уилл упомянул, что Ксавьеру все дается легко. Ему не нужно проводить все дни над книгами, читать и учиться. Он просто получает это. И я ненавидела это, потому что хотела делать то же самое. *Быть* такой же.

— Тея, тебе будет больно, — шепчет она.

— Ты думаешь, я этого не знаю? Половину времени я говорю себе именно это, но другую половину я... — Я делаю паузу.

— Ты думаешь о нем, — заканчивает за меня Офелия, и я киваю, соглашаясь.

Она подходит ко мне и ни с того ни с сего обнимает меня так крепко, что кажется, будто моя душа снова стала единым целым. Хотя это не так, и так не было с той ночи в библиотеке. Или, возможно, даже раньше.

— Я люблю его.

— Знаю, что любишь, Ти, но Уилл прав. Ксавьер воспринимает все как должное, и сейчас он воспринимает тебя как должное. Как ты сама сказала, ему все дается легко. Ему никогда не приходилось бороться за то, чтобы остаться, а ты возвращаешься к нему каждый раз, когда он причиняет тебе боль, и он просто уверен, что ты его.

— Откуда ты знаешь, что я это делаю? И что сказал Уилл?

— Я могла не знать о тебе и Ксавьере, но я всегда могла видеть, когда что-то было не так. Это не то, что ты можешь скрывать свою печаль и боль в сердце. Так что я сложила два и два, теперь у меня есть полная картина, — говорит она. — Уилл не разговаривает с вами, но он разговаривает со мной. Он не стесняется высказывать свое мнение о ваших отношениях, и беспокоится, что Ксавьер причинит тебе такую боль, что потом невозможно будет собрать кусочки твоего сердца обратно.

Наступает мгновение тишины, прежде чем Офелия говорит снова.

— Мы оба.

Я качаю головой, пытаюсь выкинуть эту мысль из головы. Мне не нужно чужое мнение. Я услышала достаточно. Я не глупая. По крайней мере, я надеюсь, что это не так. Чем больше люди мне говорят, тем больше я держусь за свою любовь к Ксавьеру.

— Мы можем просто забыть обо всем на одну ночь? — спрашиваю я. — Я согласилась прийти на эту вечеринку, но не хочу слушать никаких лекций. Мне их хватает по будням.

Офелия слегка улыбается и кивает. — Конечно, мы можем. Сегодня вечером главное — повеселиться.

Тея

Офелия действительно оставила эту тему. Хотя, когда кто-то позвонил ей через десять минут после нашего прихода на вечеринку, она оставила меня в полном одиночестве. Она сказала, что сейчас вернется, но через пятнадцать минут я начала в этом сомневаться.

И вот я стою посреди огромного танцпола, чувствуя себя как никогда неловко. Никто меня не замечает — и это хорошо. Обычно я бы развернулась и ушла отсюда, но мысль о том, чтобы отправиться в пустую квартиру, оставшись наедине со своими мыслями, не самая лучшая перспектива. Мои нервы натянуты до предела, пока я пытаюсь казаться отстраненной. С акцентом на «стараюсь».

Медленно пробираюсь сквозь танцующую толпу к ближайшему бару и заказываю воду. Бармен смотрит на меня странно. Да, наверняка я единственная, кто не желает выпить, как подросток, до потери сознания и очнуться в чужой постели. Многие удивятся, как студенты Кембриджа умеют веселиться, ведь все думают, что эта школа для шикарных и ботаников.

Моя ладонь закрывает верхнюю часть стакана, из которого выглядывает полоска. Это должно помешать кому-либо подсунуть что-нибудь внутрь. Этому я научилась у Офелии, которую, кстати, я вижу танцующей с каким-то парнем на другом конце зала. Он высокий и, несомненно старше, с темными волосами и щетиной. В принципе, это все, что я могу отсюда разглядеть. Мне не требуется много времени, чтобы понять, что она пригласила на свидание

своего инструктора по верховой езде Марка. С ее стороны это было бы смело, когда он помолвлен. Я думаю. Если только что-то не изменилось, о чем Офелия мне не сказала.

Слегка потянув за косу, я встаю чуть прямее. В этот момент мои ноздри наполняются интенсивным, землистым ароматом палисандра. Аромат согревает мое тело и расслабляет меня за одну секунду. Я чувствую присутствие рядом с собой, но даже не поворачивая головы в ту сторону, я знаю, кто это. Желание немедленно поднимается во мне, и только один человек когда-либо вызывал во мне такую сильную реакцию.

Рука Ксавьера пробирается мне за спину и кончиками пальцев поглаживает позвоночник. Я на секунду закрываю глаза, отставляя свой напиток. Мне больше не хочется его пить. В этот момент я рада, что не заказывала алкоголь. Ксавьер действует на мои запреты, или их отсутствие, так же хорошо, как бутылка красного вина.

И все же, не знаю почему, я хочу досадить ему за то, что он поставил меня в такую ситуацию, в которой оказались практически все вокруг. Не то чтобы это была только его вина. Я должна бороться изо всех сил, чтобы держаться от него подальше. Махнув рукой над барной стойкой, я ловлю на себе взгляд бармена. Он улыбается, флиртуя. Пока его взгляд не останавливается на Ксавьере, и что бы он ни сделал, улыбка тут же исчезает.

Он подходит ко мне.

Я упираюсь руками в стойку, так как я небольшого роста, и наклоняюсь. Мои губы оказываются возле уха бармена, и я заказываю рюмку водки. Он кивает и сразу наливает напиток в рюмку, сканирует мой браслет с кодом, куда я кладу деньги, которые могу потратить за ночь, и уходит, когда его зовет кто-то еще.

Я смотрю вниз на прозрачную жидкость.

— Ты уверена, что тебе это нужно? — спрашивает Ксавьер с напряжением в своем низком голосе.

— Водку легче проглотить, чем мою жизнь в последнее время. Так что за твое здоровье, — говорю я, поднимая напиток с улыбкой на лице. Не настоящей, но той, которая поможет мне продержаться всю ночь.

Мои глаза останавливаются на его взгляде, когда он смотрит, как я пью водку, прежде чем он переплетает свои пальцы с моими и тянет меня через танцпол и вверх по лестнице на второй этаж. Я едва успеваю за ним. Каждый его шаг равен трем моим, но он крепко держит меня. Так что если я споткнусь, Ксавьер обязательно почувствует это и не даст мне упасть.

Я чувствую, что Офелия смотрит на нас, когда в спешке мы на секунду встречаемся взглядами. На ее лице написано неодобрение. Это злит меня до такой степени, что когда Ксавьер останавливается в темном коридоре с красными лампочками, освещающими только пол, я прижимаю его к стене и впиваюсь в его губы своими.

Ошеломленный моим неожиданным поведением, Ксавьер немного отстраняется. Он ищет что-то в моих глазах, пока я пытаюсь успокоить дыхание. Моя грудь поднимается и опускается, но из-за того, как жарко здесь, все равно трудно сделать глубокий вдох.

Я задыхаюсь, когда он поднимает меня за талию, разворачивает нас и прижимает меня к краю столешницы, которую я не заметила до того, как моя голая задница потерлась о кожаный материал. Мое платье задралось на бедрах. Любой сейчас может увидеть мое нижнее белье, но мне на это наплевать.

Не успела я опомниться, как он сцепил мои запястья за спиной и расположил свое тело между моих ног. Он грубо притягивает меня к себе, и я оказываюсь в ловушке.

О, Боже.

Я выдыхаю, отмечая каждое движение Ксавьера. Он ухмыляется мне, одной рукой лезет в задний карман джинсов и достает таблетку. Она выглядит точно так же, как та, что он дал мне в библиотеке в ту ночь. Понятия не имею, что это такое, но я знаю его действие.

Она приносит тебе спокойствие.

Твой разум успокаивается.

Он кладет ее на язык.

— Что это? — спрашиваю я, стараясь, чтобы мой голос звучал решительно. Но я просто не могу, потому что, на самом деле, мне было бы все равно знать ответ.

Его хватка крепкая, достаточная, чтобы держать меня неподвижно, но не причиняя мне боли. Когда он делает меня своим приоритетом, не замечая ничего и никого вокруг, невозможно отвести взгляд или уйти.

Даже с запахом спиртного изо рта он пахнет невероятно. Я знаю, что он не пил много, потому что это не то, что он делает в целом. Мои бедра трутся о его ноги, обжигая меня. Тепло выплескивается из пор на моей груди и шее, и я чувствую, как между грудей образуются капли.

Дело в том, что я знаю, что это не из-за температуры на вечеринке. Это из-за Ксавьера.

Наши тела сливаются воедино, наши губы так близко. Я чувствую, как он твердеет между моих ног. Затем его рот опускается к моему, сгоняя напряжение и создавая жар. Такой жар, что это почти невыносимо.

Его губы пожирают меня, жестко и быстро, когда я качаюсь таблетки на его языке и беру не себе. Глотая, я не могу дождаться, чтобы почувствовать это забвение позже. Его движения легко подчиняют себе мои. Не то чтобы я сопротивлялась ему.

В конце концов, он мой парень. И я люблю его.

Он отпускает мои руки и проводит одной рукой по моим волосам, распуская косы. Другой рукой он обхватывает мою попку, отодвигает стринги и слегка дразнит пальцами мою киску.

Прижимая мои бедра сильнее к своим, он набрасывается на мой рот, как будто изголодался. Ксавьер присасывается к моей нижней губе и прикусывает ее, пуская кровь.

— Ты трахаешь меня, Тея, — говорит он между поцелуями. — Каждый день, когда я вижу тебя, моя голова снова и снова завязывается в узел, и я не могу думать ни о ком, кроме тебя.

Я целую его, царапая ногтями шею.

— Это то, чего ты хотела? Поиграть со мной вот так?

— Как? — выдыхаю я.

— Как будто я принадлежу тебе так же, как ты принадлежишь мне.

Я зажимаю его подбородок между большим и указательным пальцами, глядя на него сверху. Он уже смотрит. — Неважно, что ты делаешь или с кем, ты принадлежишь мне, Ксавьер. Это улица с двусторонним движением. Так было всегда.

Хватит с меня того, что он думает, будто у него больше власти. Не всегда, и определенно не сейчас. Потому что, возможно, я не единственная в его жизни. Может быть, он не знает, как иметь только одного человека и полностью зависеть от него. Но я — самая важная, хочет он это признать или нет.

Я знаю, что это так.

Иначе я бы не была здесь до сих пор, любя его каждой частичкой своего разума,

которым он управляет.

— Не говори так, — пробормотал он.

— Или ты любишь меня и принадлежишь мне, или я ухожу, — говорю я, но не говорю всерьез. Я просто надеюсь, что он этого не понимает. — Выбирай.

И как по команде он грубо целует меня.

— Мы уходим, — приказывает он, и в следующие несколько минут мы покидаем вечеринку, не сказав никому ни слова. Офелия не одна. С ней все будет в порядке.

***

Я вдыхаю аромат, когда он снова наклоняется ко мне. Его рука касается моей щеки. Дым и цитрусовые окутывают меня так плотно, что я не могу отодвинуться. А может, я и не хочу. Ксавьер смотрит прямо на меня, мои руки обхватывают его шею, и я играю с волосами на его затылке.

Никто другой не будет владеть даже частичкой моего сердца так, как Ксавьер. Или, может быть, я должна сказать полностью? Потому что, черт возьми... Он мягко целует меня под ухом, и я ухожу.

Мои губы растягиваются в мягкой улыбке.

Он дергает за рубашку.

Его рубашку.

Это единственное, что на мне надето, хотя воспоминания о том, как я вообще оказалась в ней, расплывчаты. Она прикрывает мои бедра, но как только я чувствую, что его руки блуждают по моему телу, она поднимается все выше и выше. Я обхватываю ногами его талию и сажусь на свой стол. Вернее, на его край. Холодный воздух танцует вокруг моей киски, заставляя меня дрожать.

Его тело прижимается к моему в считанные секунды.

— Скажи это, Ксавьер, — тихо мурлычу я.

Он ухмыляется мне, его глаза опускаются вниз, а руки следуют за ним. Он гладит мою попку, не отвечая. В одно мгновение его губы оказываются на моем горле, посасывая, облизывая, целуя.

Я прикусываю губу и стону. Я чувствую его прикосновения каждым нервом своего тела, и это определенно не помогает. Он весь в твердых мышцах и резких линиях, но его кожа такая гладкая на фоне моей.

— Не отвлекай меня. Мне нужно это услышать, — пытаюсь я снова, но мои слова не соответствуют моим действиям. Я не могу найти в себе силы оттолкнуть его. Даже не для того, чтобы получить то, что хочу. То, что мне нужно. Уверенность.

— Если я и сделаю это, то не тогда, когда почувствую, как ты возбуждена, — пробормотал он. Моя грудь прижимается к его груди, когда он снова смотрит мне в глаза. — Ты в порядке?

Я чувствую себя хорошо. Кроме того, что моя голова слегка пульсирует, делая меня гиперчувствительной к пальцам Ксавьера на мне. Запах, который он оставляет с каждым движением, становится все сильнее, когда я вдыхаю его. Моя грудь вздымается, а сердце бьется быстрее.

С моих губ срывается тихий стон, заставляя Ксавьера мрачно усмехнуться. — Ты мокрая для меня? — спрашивает он, наклоня голову.

Напряжение между нами заставляет меня чувствовать его до самого жара. — Да, — шепчу я, моя кровь кипит. — Да, я такая.

Он смотрит неуверенно, нерешительно. Затем выражение его лица меняется, и он ныряет вниз, его рот на моем. Я размыкаю губы, стону ему в ответ, когда он вжимается в меня, прижимаясь бедром к моим ногам.

Я прижимаюсь к нему, двигая бедрами вверх-вниз.

— Трахни меня, любимая. Да, дай мне почувствовать тебя.

Я ухмыляюсь, наши глаза встречаются.

— Ты принадлежишь мне, — говорю я. — Покажи мне, насколько.

Ксавьер смотрит на меня секунду, затаив дыхание. Его глаза пустеют, а потом меняются, темнея. И охотник в нем вступает в игру. Он хватается за горло, я хнычу от резкого движения, но быстро расслабляюсь.

Он прикусывает мою губу, сжимая меня в неистовом поцелуе. В нем нет ничего нежного или сладкого. Это игра власти, чтобы показать, что я принадлежу ему. Я принадлежу ему.

Я знаю Ксавье.

Знаю, как он думает.

И я знаю, что он думает.

Я хватаю его за рубашку и стягиваю ее с него. В его глазах мелькает веселье от жадности. Он позволяет мне сделать именно это, и я бросаю одежду куда-то рядом с собой. Затем я беру его запястья в свои руки, заставляя его сбросить их с моих бедер. Я хочу почувствовать его везде, но только на своих условиях.

— Любишь играть со мной, *Меллилла*? — Он вскидывает брови.

Я облизываю губы в ответ.

Ксавьер отстраняется, и я хмурюсь, смущенная. Он делает шаг назад, пока его ноги не задевают край кровати, и он садится на нее. От того, как на его лице вспыхивает вызов, у меня перехватывает дыхание. Я нахожу каждую веснушку и отметину на его худом торсе, его пресс виден и очерчен, даже когда он не пытается его продемонстрировать. Вены на его бицепсах и предплечьях четко очерчены, и, черт возьми, я полностью ушла в него. Полностью...

Снова.

Я встаю со стола и быстро снимаю рубашку, оставляя себя полностью обнаженной, чтобы его глаза могли бродить по моему телу. Во мне нет стеснительности. Он видел меня такой много раз, разглядывая каждую часть меня с такой интенсивностью и желанием, что это только делает меня более влажной и уверенной.

Он любит меня. Он хочет меня.

Это все, что имеет значение.

Он мой.

Ксавьер тянется к моим запястьям. Он держит мой взгляд, пока наклоняется вперед и накрывает ртом мою киску, вылизывая отверстие. Его язык давит, пока он крепко сжимает мои бедра. Он оставляет следы пальцев.

Я втягиваю воздух, откидывая голову назад. Глаза закрываются, отдаваясь ощущению его губ на мне.

Запутавшись пальцами в его волосах, я притягиваю его еще ближе. Как будто я не могу его почувствовать. Но я чувствую. Просто мне не хватает. Он обдувает мой жар, и я стону.

И он останавливается.

— На колени, Тея.

Никаких колебаний. Я делаю то, что он говорит, мои глаза сужаются от игривой улыбки на его лице. Он кладет руку мне на горло, а другой тянется к ремню. Он расстегивает его, и я расстегиваю пуговицу на его джинсах. Зацепившись пальцами за пояс, я стягиваю их вместе с боксерами. Его член вырывается на свободу.

Ксавьер меняет позу, позволяя мне стянуть его одежду до самого пола, прежде чем моя рука обхватывает его член, и я наклоняюсь, накрывая ртом головку его члена. Он такой приятный на вкус. Твердый. Мои пальцы едва касаются его, сомкнувшись вокруг него.

Я глажу его, посасывая кончик. Его стоны заполняют пространство, воспаляя мое тело. Нет ничего лучше, чем слышать, как Ксавьер наслаждается всем, что я делаю. До такой степени, что он не заботится о том, чтобы руководить мной, даже когда ему нравится быть доминирующим. Это все для того, чтобы я играла. Чтобы я могла показать, что могу сравниться с ним.

— Да, блядь, любимая.

Я пытаюсь глубоко заглотить его, что всегда было довольно сложной задачей. Но я получаю от этого удовольствие. Даже когда его член упирается в заднюю стенку моего горла и по мне пробегает волна тепла.

Я впираюсь ногтями в его бедро, оставляя царапины. Он шипит, но от этого становится только сильнее. У меня всегда был рвотный рефлекс, и я чувствую, что задыхаюсь. Хотя ни один звук не выходит. Слюна стекает по моему подбородку, прежде чем я отстраняюсь.

Его глаза внимательно наблюдают за мной. За каждым движением. Его глаза темные от желания, и мой желудок сжимается под давлением. Он никогда не позволял мне решать вот так. Не в постели. Я не могу избавиться от ощущения, что, возможно, он дает мне свободу, заставляя меня чувствовать себя особенной. Показывает мне, что я особенная.

А может, я просто чертова идиотка.

Но я не могу найти в себе силы, чтобы заботиться об этом сейчас.

— Ты идеальна, — шепчет он, размазывая слюну по моим губам, когда я перестаю сосать. Ему нравится, когда я опускаюсь для него, но он редко позволяет мне глотать или самому кончать мне в рот. Почти всегда это моя киска. Так он требует меня. И как бы мне ни следовало быть с ним осторожнее, мне нравится, что он находится внутри меня.

Я облизываю губы с улыбкой на лице. Он смотрит на меня, ухмыляясь. Его пальцы касаются моей щеки, когда он нежно ласкает меня.

— Для нас больше никого нет. Ты ведь знаешь это? — спрашивает он, поднимая меня с пола. Он сжимает руки на моей талии, и я сажусь на его ноги, лицом к нему. Мои ноги лежат по обе стороны от него. — Ты моя.

Я целую его губы.

— Ты мой, — говорю я ему.

Он углубляет поцелуй, его язык оближивает мои губы, прежде чем проложить себе путь дальше. Я встречаю его движения с таким же нетерпением, стону ему в рот. Я чувствую, как его член подрагивает в моей киске. Поэтому я начинаю тереться о него, дразня.

— Теперь оседлай мой член, любимая. Так, как я знаю, ты можешь.

Я напрягаюсь, слегка приподнимаясь. Его рука обвивает основание его члена, направляя его в меня. Мои пальцы все еще запутались в его волосах, я легонько дергаю их. Медленно я опускаюсь вниз, ощущая давление его ширины, когда он входит в меня, и растягиваюсь вокруг него.

Мои стенки сжимаются, когда я делаю глубокий вдох. Не думаю, что когда-нибудь

смогу привыкнуть к сексу с Ксавьером. Каждый раз волнения пробегают вверх и вниз по позвоночнику, а внутри меня порхают назойливые бабочки. У меня кружится голова, и что-то подсказывает мне, что это от таблетки, которую он дал мне раньше.

Но мне все равно.

— Ты идеальна для меня. Тугая и влажная, — шепчет он мне в горло.

Я опускаюсь до конца, его член заполняет меня полностью. Он собирает мои волосы в руку, убирая их с моей шеи, целуя плечи и ключицы.

Мои бедра чуть приподнимаются, но он останавливает меня и на мгновение задерживает.

— Ксавьер, — стону я, почти умоляя его позволить мне двигаться, и, к удивлению, он делает это. Он сжимает кулаками простыни с обеих сторон, давая мне полную свободу.

Я начинаю трахать его. Мои бедра горят, когда я подпрыгиваю на его члене. Интенсивность его взгляда усиливает ощущения. Мы смотрим друг на друга, безмолвный разговор... Обещание.

Он — все, что я хочу. Все, что мне нужно.

Звуки его учащенного дыхания, стоны чрезвычайно чувственны.

— Да, Тея, — выдыхает он.

Прямо сейчас нет ничего лучше. Секс никогда не был лучше, чем сейчас. Я чувствую, как мой оргазм медленно приближается. Я кончу, даже не прикоснувшись к себе, или Ксавьер закончит то, что начал раньше. Он обожает лизать мою киску, и я знаю, что он с удовольствием сделал бы это, если бы я попросила. Но мне это совсем не нужно.

Возможно, это из-за таблетки, которую я проглотила перед этим. Или я просто возбуждена как никогда раньше, но меня это не волнует.

Я стону громче, все мои нервы почти осязаемы, что заставляет меня сделать мысленную заметку, чтобы спросить, что за штуку Ксавьер носит с собой в карманах. Что бы это ни было, оно приносит мне душевный покой, удовольствие и ощущения, которых я раньше не испытывала.

Я наклоняю голову, закрывая глаза.

— Нет, *Меллилла*, — хрипит он. Его большой и указательный пальцы захватывают мой подбородок, возвращая меня назад и мои веки открываются. — Смотри на меня, когда будешь кончать. Мне нужно увидеть любовь в твоих глазах. Мне нужно увидеть, что ты чувствуешь ко мне.

Его лоб касается моего, глаза смотрят в одну точку.

— Черт возьми, — стонет он громче, давая мне таким образом понять, что он тоже почти у цели. Я тянусь к его руке и переплетаю свои пальцы с его. Он делает то же самое с другой рукой, и мы соединяем их.

Мои движения замедляются, потому что впервые меня волнует не столько то, как закончить, сколько то, чтобы этот момент продлился. Эта связь — как бы она ни возникла. Это тот Ксавьер, в которого я влюбилась. Тот, кто уделяет мне все свое внимание, показывая, что ему не все равно, что он *рядом*.

— Я люблю тебя, — говорю я и прижимаюсь губами к его губам. Он не ждет и двигает губами.

Весь воздух покидает мои легкие с еще одним глубоким движением его члена внутри меня, и я кончаю на Ксавьера. Через пару секунд он оказывается рядом со мной. Его горячая сперма выливается внутрь, доводя меня до края.

Я останавливаюсь, продолжая держать его член внутри себя.

Ксавьер притягивает меня как можно ближе. Мои сиськи прижимаются к его груди, наши руки по-прежнему переплетены по бокам. Мои ноги обхватывают его талию. Лица в миллиметрах друг от друга.

Я тяжело дышу. Он тоже.

— В тебе есть что-то, что я боюсь потерять, — говорит он. Мое сердце учащенно забилося при этих словах. — Потому что я точно знаю, что не найду этого ни в ком другом. Это есть только у тебя.

Сглатываю, заглядывая глубоко в его глаза. Я хочу спросить, что это такое, но Ксавьер видит это по моему выражению лица.

Он мягко улыбается, убирая прядь моих волос за ухо. — Верити (прим. истина).

Внезапно я забываю, как дышать. Мои глаза наполняются слезами, которые я не могу контролировать. Они текут по моим щекам. И я чувствую себя глупым ребенком, который не знает, что значит держать себя в руках. Эмоции переполняют меня и выходят наружу.

Затем Ксавьер ухмыляется. — Ты — маленькая трагедия, не так ли? Сломанная до невозможности. Потерянная, не имеющая выхода. Точно так же, как я впервые увидел тебя. Просто тогда ты еще не осознала этого.

Это не должно принижать меня. Неважно, звучит ли это так. Он прав. Всю свою жизнь я не знала, кто я. Я жила, чтобы угодить своей семье. Быть хорошей дочерью и сестрой. И это никогда не срабатывало. Внутри меня постоянно что-то ломалось. Вот почему Ксавьер в конце концов нашел свой путь. Он видел все это, и он никогда не позволял мне чувствовать, что я не имею значения во всем этом хаосе, которым является моя жизнь. Дело в том, что вместе нам не намного лучше.

Мы лежим в постели.

— Оставайся со мной, — шепчет он мне на ухо, убирая волосы с моей шеи. Я чувствую, как его торс прижимается к моей спине, и мурашки бегут по позвоночнику, как будто меня как минимум ударило током. Мои щеки становятся теплыми, и впервые я радуюсь своему цвету лица, потому что он не видит. Он бы непременно использовал это в своих интересах.

— Мы — хаос, Ксавьер, — шепчу я, откинувшись назад. Запах его одеколona обволакивает мое тело, как комфортное одеяло. Почему он так сильно влияет на меня, но играет на моих чувствах, как на чертовой скрипке? Он токсичен. Мы токсичны.

Сейчас даже больше, чем когда-либо, потому что у нас есть общий секрет.

Мы разделили эту ночь.

Его пальцы пробираются по моей талии, впиваясь в кожу. Он тянет меня в другое измерение, где время замирает, а сердце перестает биться только для того, чтобы я успела почувствовать все это до того, как момент изменится. Потом я чувствую, как воздух вокруг меня испаряется, и я не могу дышать. Потому что он душит меня, и я ненавижу это.

И я люблю его.

И я не могу сказать «нет», потому что сделаю это против своего сердца.

Так может, это я больная? Может, мне нужна терапия. Он знает, что делает, и делает это намеренно. Я знаю, что он делает, и действую вопреки своему здравому смыслу.

— Может быть, нам всегда было комфортнее в хаосе, — говорит он мне. Его губы пробежались по мочке моего уха. — Молчи сейчас. Так все будет проще.

Это облегчит его игры разума.

Его контроль надо мной.

И я больше не хочу бороться с ним.

Он притягивает меня в свои объятия, прижимая к себе. Он снова собирает все мои сломанные части вместе. Пусть даже на один-единственный миг.

Тея

Я официально начала чувствовать себя лишенной сна, и это для меня предельный минимум. Даже будучи студенткой юридического факультета, мое беспокойство никогда не поднималось до такого высокого уровня, как в эту ночь. В течение дня я ловлю себя на том, что оглядываюсь за спину, чтобы посмотреть, не сплетничают ли другие о Сэмюэле и не решил ли полицейский допросить кого-нибудь из нас.

Я плохо сплю, если вообще сплю. Большую часть ночи я просто лежу с закрытыми глазами, надеясь, что хоть одна часть моего тела будет настолько измотана, что сдастся и поможет мне уснуть. Но этого не происходит.

Ксавьер крепко спал всю ночь, а мой разум был сосредоточен на том, чтобы слушать его спокойное дыхание, а не на том, чтобы заснуть. Голова у меня раскалывается, и когда мои руки начинают трястись, я понимаю, что то, что он дал мне вчера, выветривается.

В четыре часа утра я сдаюсь.

Я медленно встаю, чтобы не разбудить Ксавьера, по крайней мере, его не мучает чувство вины, надеваю его серую толстовку и свое нижнее белье, которое нахожу на полу. Молча, я выхожу из спальни и прохожу в маленькую гостиную. Она выглядит как крайне бедная версия студенческого общежития: диван, кресло и маленький журнальный столик посередине. Больше ничего. Здесь даже нет книг, разбросанных повсюду, как это обычно

бывает в нашей с Уиллом квартире. Нет ничего даже отдаленно личного, например, семейных фотографий.

Услышав тихое жужжание, я поворачиваю голову. На диване мигает телефон Ксавьера с сообщением. Еще очень рано, поэтому мне становится любопытно, кто может писать ему в такое время. Я подхожу и нажимаю на экран. Там несколько сообщений от Элиаса и одно от кого-то по имени Чарли.

— Почему ты не спишь? — Голос Ксавьера заставляет меня подпрыгнуть. В тишине, окружавшей нас, я должна была слышать его шаги. Но я не услышала.

Он смотрит на меня, потом на свой телефон, который снова мигает.

— У тебя довольно много сообщений, — говорю я ему вместо ответа на его вопрос. Он выхватывает телефон, разблокируя его. — Почему Элиас пишет тебе в четыре утра?

— Он больше, чем раньше, волнуется из-за ситуации с Сэмюэлем, — говорит Ксавьер, и мое сердце учащенно бьется. — Очевидно, полиция начала допрашивать людей, с которыми у него были супервизии в этом году.

Мои глаза расширяются. Я знала, что они все еще были рядом, разговаривали со студентами и профессорами, но я не знала об *этом*.

Ксавьер понимает мой страх. Он бросает телефон обратно на диван и сокращает расстояние между нами. Его руки крепко обхватывают мое тело. Я прячу лицо у него на груди, вдыхая его запах, который всегда успокаивает меня.

Он целует мою макушку.

— С тобой все будет хорошо, Тея, — шепчет он. Но мне от этого не легче. Я ненавидела Сэмюэля, но он был человеком. Живой, дышащий человек, который не заслуживал такого конца, который он получил.

— Я не понимаю, что со мной не так. Почему это так сильно на меня влияет.

— Ты горюешь.

Я нахмурилась. — Я не горюю.

— Нет, горюешь. Горе не всегда необходимо из-за твоих чувств к умершему. Иногда это конец твоего прежнего — я. Тебе грустно, что ты уже никогда не будешь той девушкой, которой была до этой ночи.

Громко вздыхаю, закрывая глаза. Слезы хотят вырваться наружу, а мне нужно, чтобы они остались.

— Я так устала быть этой чертовски грустной, несчастной мной. Я не могу спать, у еды нет вкуса, и я так легко пугаюсь, что это почти смешно.

Ксавьер обхватывает мои щеки, слегка приподнимая мою голову, чтобы я посмотрела на него. Мои глаза распахиваются, встречая его темный взгляд. Единственный источник света — луна, светящая в окно. Его губы слегка надуваются. Кончиками больших пальцев он поглаживает мой подбородок.

— Убить свою печаль может быть единственным способом справиться с переменами. Она не должна определять тебя. Этот один момент, одна ночь не может изменить то, кем ты должна стать.

— И кем же мне предстоит стать? Я не знаю, кто я сейчас, Ксавьер. Не говоря уже о том, кем буду в будущем.

— Ты станешь той, кем захочешь. Единственное, что тебя останавливает — это *ты сама*. Ты не птица в клетке. Ты свободна, любимая. Ты всегда была свободна.

Я, мои родители, а теперь еще и Сэмюэль. Но только не я.

Но я не признаю это вслух.

Вместо этого я встаю на цыпочки и целую Ксавьера.

Люди говорят, что каждый человек, которого ты встречаешь, так или иначе влияет или повлияет на твою жизнь. Вопрос только в том, каким путем ты их ведешь. Я согласна с этим. Хотя сейчас я почти уверена, что только Офелия и Ксавьер оказали на меня какое-то положительное влияние за все эти годы.

— Таблетка, которую ты мне дал, подействовала.

Он усмехается. — В конце концов, она не должна действовать вечно.

— Что это?

Он снова целует мою голову.

— Не волнуйся об этом, — говорит он, его взгляд переходит на часы на стене. — Пойдем. Если ты не можешь заснуть, нам нужно будет найти, чем заняться до занятий.

— Но ты можешь спать. Ты можешь вернуться в постель, Ксавьер. Я действительно не возражаю. Я приму душ и буду заниматься.

Он смотрит на меня, его брови поднимаются. — Во-первых, я плохо сплю без тебя. — Он нежно целует мои губы. — А во-вторых, тебе нужно перестать постоянно беспокоиться об учебе.

— Тебе легко говорить. У тебя это врожденное. Ты всегда на высоте в каждом классе, не открывая книгу. Честно говоря, я редко вижу, чтобы ты ходил в библиотеку по собственному желанию или открывал книгу где-нибудь, кроме как на уроке.

Ксавьер ухмыляется, качая головой. — Тебе всегда нравилось соревноваться со мной.

— Это раздражает, насколько ты хорош.

— Ты лучше, Тея. Умнее и многое можешь предложить. Просто так получилось, что я много помню из лекций и контрольных, — говорит он мне. — Но я учусь, — добавляет он.

***

Мы оказываемся в какой-то стилизованной американской забегаловке со слишком кислым кофе и жирной едой, где нет никого, кроме официантки средних лет и, вероятно, повара на заднем плане. Я заказываю французский тост, хотя я совсем не голодна. Но, полагаю, мне понадобится энергия, чтобы выжить, ведь я совсем не спала. Тем более что сегодня у меня встреча с Корландом — впервые с тех пор, как объявили о пропаже Сэмюэля. Я не уверена, как все пройдет и какова его планы на оставшуюся часть семестра. В конце концов, я вряд ли могу проводить супервизии один на один. Они основаны на обмене идеями и мнениями и обсуждении определенных проблем. В одиночку это не получится.

Я стряхиваю с себя мысли о сегодняшнем дне.

Ксавьер прав. Я должна научиться перестать думать об учебе. Пусть даже ненадолго.

Посмотрев на него, я вижу, что он уже наблюдает за мной и пьет кофе.

Я наклоняю голову. — Кто такой Чарли? — спрашиваю я, вспомнив о непрочитанных сообщениях на телефоне Ксавьера.

Едва уловимое раздражение появляется на лице Ксавьера, прежде чем он ловит себя и оно меняется на безразличие. Он слишком хорош в самоконтроле, когда хочет. Я завидую ему. Я ношу свое сердце на распашку большую часть времени.

— Мой брат, — отвечает он совершенно искренне.

Наверное, это то, что подруга должна знать.

Честно говоря, это странно.

Из нас двоих Ксавьер никогда не говорил ничего плохого о своей семье. Кроме того, что

они решают проблемы, откупаясь от кого-то. Хотя мои в этом отношении такие же. Кроме этого, он редко говорит о своих родственниках. Я знаю, что оба его родителя работают в финансовой сфере в одном из крупнейших банков Англии, а его братья несколько лет назад окончили юридический факультет Кембриджа. Вот, в принципе, и все. До сих пор я даже не узнала ни одного их имени.

— Ты никогда раньше не говорил со мной о них.

Он пожимает плечами. — Мне нечего сказать.

— Они — твоя семья. Конечно, должно быть что сказать.

Он выдыхает, явно не в восторге от перспективы поговорить о своей семье. Но он не меняет тему. — Тогда что бы ты хотела узнать?

Я улыбаюсь, довольная тем, что мне не придется вырывать из него информацию. — Все. Их имена, чем они занимаются, какие они. Ты знаешь все о моих испорченных семейных отношениях. Будет справедливо, если я буду знать и о твоей.

— Ну, я должен тебя разочаровать. Наша семья не такая уж и плохая. Мы очень хорошо ладим, — начинает он. — Моя мать Эмилия и мой отец Джошуа работают в сфере финансов. Моя мама — главный аудитор в банке, а папа — сотрудник по соблюдению банковских правил. Мои братья оба учились в Кембридже и изучали право. Чарли — семейный адвокат, поскольку он пошел по стопам своей нынешней жены, и они открыли собственную юридическую контору в Бирмингеме. Финн тоже закончил юридический факультет, но он работает в какой-то модной корпорации в качестве их юридического помощника. Он не хочет заниматься делами, с которыми ему придется идти в суд и все такое.

— Почему?

— Он говорит, что спорить в суде — это не его конек, и он предпочитает юридические аспекты. Вести переговоры, заключать деловые сделки и прочее. Кроме того, он будет работать много часов, так что встреча с кем-то и планирование семьи отойдут на второй план, — мрачно усмехается Ксавьер. — Это довольно иронично, что у Чарли есть жена и ребенок на подходе при такой нагрузке, а Финн одинок, встречается с новой девушкой каждый месяц, когда у него столько свободного времени.

— Теперь, я знаю, на кого ты больше всего похож, — поддразнила я его.

— Если ты имеешь в виду Финна, то нет. Мы ладим лучше, чем Чарли и я. В основном потому, что он средний ребенок, так что мы близки по возрасту. Но строить свою жизнь и карьеру на воображаемой семье — это абсурд, как по мне. Чарли не намного лучше, он с головой ныряет и в карьеру, и в семью.

— Но это их жизнь.

— Вот почему я держу свое мнение при себе, — он смотрит на меня. — А теперь и ты тоже.

Я наклоняюсь к нему. — Так на кого ты больше всего похож?

Он немного думает, прежде чем ответить. — На моего отца. Он ставил свою карьеру на первое место. Он долгое время встречался с моей мамой, пока не был уверен, что сможет ее обеспечить. Моя мама тоже сосредоточилась на своей карьере. Хотя она любила путешествовать и некоторое время работала в Испании во время учебы в университете. Какое-то время я даже считал ее испанкой, потому что она схватывает язык и до сих пор иногда бросает слова в разговор.

— Поэтому вы с Уиллом поехали в Барселону? — Он кивает. — Он продолжал говорить мне, что это была его идея. Что он всегда хотел там жить.

Ксавьер качает головой, улыбаясь. — Он даже не думал о поездке в Испанию, пока я не сказал, что у моей мамы там друзья и что я ездил туда с ней почти каждое лето, когда еще учился в школе.

— Лжец, — шепчу я. Я знала, что Уилл объявил, что уезжает за границу на год, из ниоткуда. Он никогда даже не говорил об этом, пока мы не поехали на Пасху к родителям и он не упомянул о поездке туда. Он говорил об этом так, как будто это мечта всей его жизни.

Я прочищаю горло. — Так почему Чарли взрывает твой телефон?

Мои мысли возвращаются к сообщениям Элиаса. Я отталкиваю их.

— В субботу у меня день рождения. Он хочет, чтобы я приехал домой, так как я давно там не был. У нас была традиция играть в регби со всей моей семьей в каждый из наших дней рождения. Поскольку я пропустил прошлый год, они хотят, чтобы я был там в этот раз.

Я знаю о дне рождения Ксавьера, но из-за всего происходящего я забыла о том, что он скоро наступит. В основном потому, что мы никогда не праздновали. Я познакомилась с ним в декабре, так что это было после, а в прошлом году он провел его в Барселоне. И он не выглядит взволнованным по этому поводу. И я думала, что я единственная, кто меньше всего переживает по поводу своего дня рождения. Однако я помню, как Уилл упоминал, что уезжал на день рождения друга.

— Подожди, — говорю я. — Уилл ездил с тобой к твоей семье два года назад, не так ли? Теперь я это вспомнила.

Он кивает. — Да, он играл в регби со всей моей чрезвычайно конкурентоспособной семьей.

Я хихикаю. Есть что-то полезное в этой картине, которая сложилась у меня в голове о традициях семьи Ксавьера. Тот факт, что его семья помнит о его дне рождения и хочет, чтобы он был рядом, чтобы отпраздновать его, делает это еще лучше. Мне звонит папа, а мама где-то на заднем плане поздравляет с днем рождения, и я возвращаюсь к своим делам. А это заказ McDonald's и просмотр диснеевских фильмов. Весело.

Ксавьер кажется тихим, задумавшись.

Может быть, он не уверен, хочет ли он ехать домой. Мне это кажется странным. Если у него отличные отношения в семье, а похоже, что так оно и есть, то он должен хотеть их видеть. Видит Бог, я не смогу превзойти матч по регби чем-то более насыщенным. Я не умею праздновать. Особенно в этом году это будет ужасно.

Черт, я даже не уверена, захочет ли он провести этот день со мной, и вот я думаю об альтернативе его поездке к семье.

Внезапно Ксавьер встает, обходит стол и садится рядом со мной. Его рука ложится мне на плечи, а другой рукой он отводит прядь моих волос с моего лица. То, как он смотрит на меня, выбивает дыхание из моих легких.

— Ты поедешь со мной?

— Я, я, — бормочу я. — Что?

— Я хочу, чтобы ты поехала со мной домой.

— И познакомиться с твоей семьей?

Он кивает. — Конечно.

— Ты уверен? Мы только начали официально встречаться, а ты приглашаешь меня познакомиться с твоей семьей? Что они подумают обо мне, когда узнают, что я сестра Уилла? В конце концов, они уже встречались с ним, и... — прошептала я.

Ксавьер легко заставляет меня замолчать, взяв мои губы в свои. Зубы мягко вгрызаются

в меня, прежде чем он погружается в настоящий поцелуй. Нежный, страстный, собственнический. Его фирменный.

— Ты слишком много говоришь, когда нервничаешь, любимая, — говорит он мне. — Моя семья полюбит тебя. Так же, как и я. И им будет все равно, кто ты. Уилл им очень понравился, так что с тобой все будет в порядке.

Он снова целует меня.

— Я никогда раньше не играла в регби.

— Я либо научу тебя, если ты захочешь играть, либо тебе вообще не придется играть. Не все в моей семье играют.

Я не сильна в спорте. Кроме того, перспектива наблюдать за игрой Ксавьера заставляет меня трепетать от возбуждения. Регби — грубая игра, не для слабонервных. Я могу только представить, каким будет Ксавьер, когда ему не нужно будет так сильно себя контролировать. Эгоистично, я хочу увидеть, как он хоть раз откажется от этого контроля. Я хочу увидеть, кто скрывается за ним.

Как бы ни был груб и жесток тот момент, когда Ксавье избил какого-то парня на моем первом курсе в Кембридже, видеть его было так неприятно. Это также заставляет меня хотеть увидеть Ксавьера, не прячущегося за своей маской контроля, еще раз. Просто чтобы увидеть что-то большее.

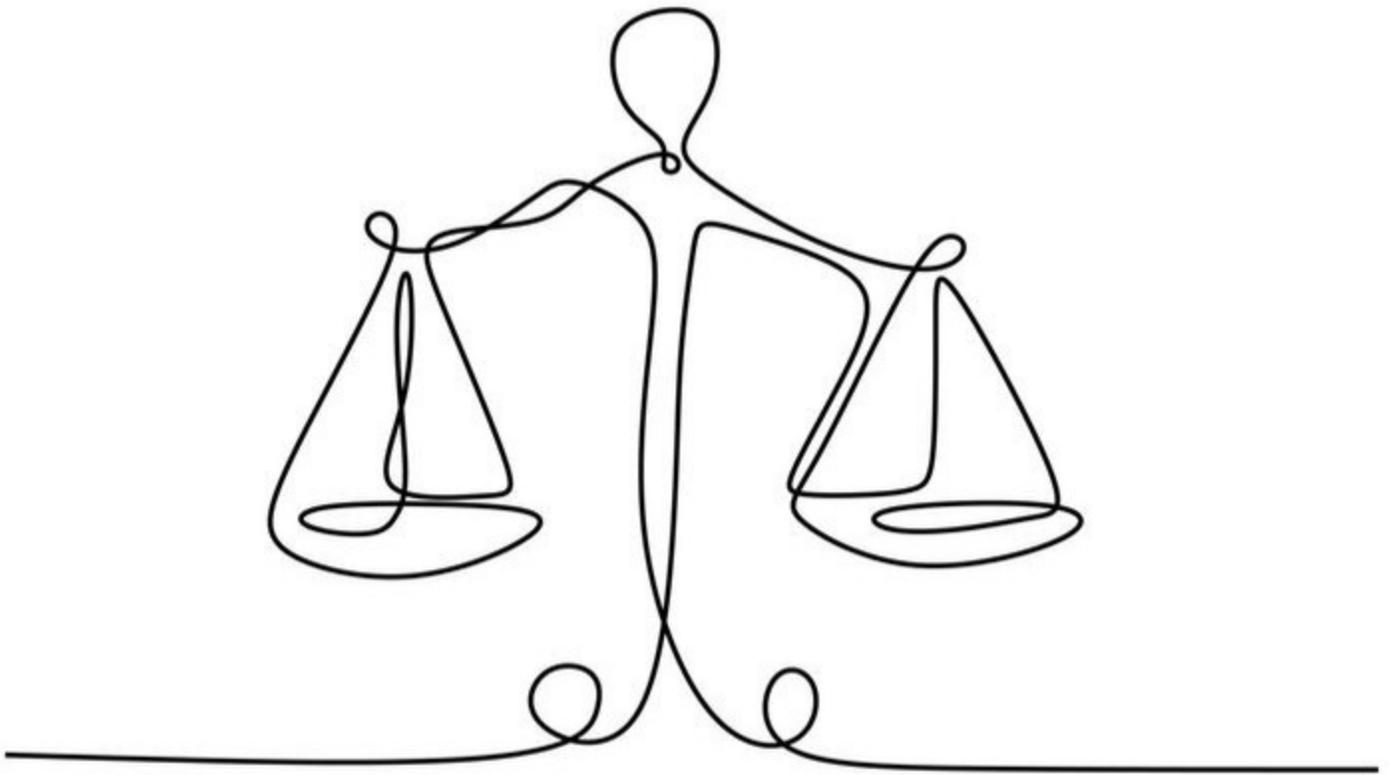
Мой рот растягивается в улыбке, и я киваю. — Я бы с удовольствием поехала с тобой домой и познакомилась с твоей семьей.

— Отлично. Мы уезжаем в пятницу днем. У нас чуть больше часа дороги.

Ах да, я почти забыла, что он также не живет близко к Кембриджу. Хотя это легко забыть. В Кембридже, несмотря на то, что это довольно большой город, я могу поехать куда угодно на велосипеде или прогуляться, если погода отличная. В крайнем случае, я поеду на автобусе. Но куда бы вы ни пошли, везде есть люди, которых вы знаете, узнаете и которые вам нравятся. Это обычный город, но его честно захватили студенты Кембриджа. Поэтому уезжать и возвращаться домой всегда немного странно.

Тем не менее, мне не терпится увидеть, где вырос Ксавьер. Узнать, откуда он родом.

Тея

Я еще раз убеждаюсь, что собрала эссе для супервизии Корланда. Сюрприза больше не будет. Он бы выгнал меня из класса вместе с ним, если бы я не усвоила урок. Можно сказать, что я его усвоила.

На этот раз мы должны были обсудить апелляции по уголовным делам — основание и процесс их рассмотрения. Не самая интересная тема, но я согласна на все, что не связано напрямую с Сэмюэлем. Тем более что с Корландом мы останемся наедине, наверное, до конца первого семестра.

Посмотрев на часы на своем запястье, я замечаю, что он опаздывает уже на пять минут.

Чайник называет чайник черным.

Серьезно.

— Тея, извини за опоздание, — слышу я голос Уэса из коридора. Я поднимаю голову и тут же жалею об этом. Рядом с Корландом стоит не кто иной, как Ксавьер с фирменной ухмылкой на губах. В его руке несколько книг, прижатых к бедру.

Я хмурюсь. Мои глаза не отрываются от его глаз.

Я могла бы притвориться, что не знаю, что он здесь делает, но я почти уверена, что знаю.

Мы заходим в кабинет Корланда и садимся на стулья перед его столом. — С этого дня у

тебя будет супервизия с Ксавьером, — говорит он мне. *Вы это не серьезно.* — Я согласовал это с его предыдущим руководителем.

— Почему?

Это правильный вопрос.

— Потому что я тщательно выбираю своих учеников. И ты это знаешь. Если не считать того, что ты постоянно споришь с Сэмюэлем с первого года, когда ты сюда приехал, Ксавьер — единственный человек, который бросает тебе вызов. Это то, что я всегда ищу, и это то, что вы двое можете предложить.

Сейчас Ксавьер для меня никто иной, как соперник. Чувства в сторону. Я просто не могу провести остаток семестра или, возможно, даже год, занимаясь с Ксавьером тем же, чем я не занималась с Сэмюэлем. Особенно когда он все еще находится на вершине списка достижений в моей голове.

— Не будет ли теперь его руководителю не хватать одного человека?

— Там было четыре человека, Теодора, — говорит Ксавьер, его акцент становится еще отчетливее, когда он произносит мое имя. Он снова приманивает меня.

Я бросаю на него взгляд, прежде чем перевести глаза на Уэса, который внимательно наблюдает за нами. — Я считаю необходимым сказать тебе, что у нас с Ксавьером отношения. Не будет ли это проблемой?

Знаю, кажется, что я пытаюсь увильнуть от этого, потому что боюсь ввязаться в жаркий разговор с собственным парнем. Правда в том, что я устала от необходимости доказывать свою правоту, потому что Ксавьер всегда бросает мне вызов в той уродливой манере, когда не имеет значения, что мы пара.

— Ксавьер уже рассказал мне. Насколько я понял, вы были вместе все это время, с начала года. И все же вы продолжаете спорить на моих лекциях, как будто это не имеет значения, так что меня больше ничего не волнует.

— Ты собираешься изучать корпоративное право, а не уголовное, Ксавьер.

— Я все еще думаю. Вот почему я хожу на этот курс.

Это такая чушь, что я чувствую ее на расстоянии. Единственная причина, по которой он в классе Корланда, это из-за меня. Потому что он хотел иметь возможность видеть меня хотя бы раз в неделю. И он не мог выбрать больше тех же предметов, что и я, без того, чтобы мой брат не допрашивал его. Ради всего святого, они оба сосредоточились на корпоративном праве.

В моей голове не осталось никаких аргументов.

Я опускаюсь на свое место, разрабатывая план, как напрямую конкурировать с любимым человеком за первое место в рейтинге.

— Ну что, начнем? — спрашивает Уэс. — Я знаю, Ксавьер, что ты только что узнал о подмене и не подготовился так же, как Тея, поэтому мы не будем торопиться. Тея прочитает свое эссе по апелляции по уголовным делам. Не стесняйся в любой момент вскочить, если у вас есть какие-то соображения или аргументы.

Это будет долгий час.

***

— Мы понимаем друг друга?

Я киваю.

Уэс смотрит на меня, потом на Ксавьера, вставая из-за стола. — Спасибо. Вы можете идти.

Я встаю, перекидывая сумку через плечо. Моя куртка в руке и шарф на шее лежат свободно. Ксавьер открывает передо мной дверь, но прежде чем уйти, я поворачиваюсь к Корланду.

— Значит ли это, что ты не ожидаешь возвращения Сэмюэля? — спрашиваю я, не понимая, почему я это делаю. Не похоже, что его мысли имеют здесь значение, потому что если призраки не станут видимыми в ближайшие несколько дней, Сэмюэль не вернется, чтобы еще немного поспорить со мной на лекциях и контрольных.

Уэс вздыхает, проводя пальцами по волосам. Он не делает этого. Никогда. Его прическа всегда безупречна.

— Ты уже третий год изучаешь уголовное право, Тея. Во всех делах о пропавших людях, через которые ты прошла — сколько раз их находили живыми?

Мое сердце замирает, а взгляд опускается на туфли. Я не отвечаю. Мы оба знаем, что я, вероятно, смогу пересчитать эти случаи на пальцах одной руки. Вместо этого я делаю шаг назад. Моя голова ударяется о что-то твердое, и я хватаюсь за руку Ксавьера, чтобы устоять.

— Извините, — говорю я, зная, что только что столкнулся с кем-то. Затем я смотрю в сторону и вижу высокого мужчину в черном пальто, который смотрит на меня. От его сурового выражения лица у меня по позвоночнику пробегают мурашки, и я отступаю назад. Мое тело почти прячется в груди Ксавьера.

— Прошу прощения. Я не хотел вас беспокоить, — обращается он к Корланду. Он все еще стоит на пороге, поэтому у нас нет возможности уйти. Затем он оглядывается на меня, указывая пальцем.

— Вы Теодора Мур?

— В чем дело? — Уэс подходит к нему. — Кто вы?

Таинственный человек улыбается, качая головой. — Простите. Я иногда забываю о своих манерах. — Он протягивает руку Уэсу и приветствует его. — Я Тобиас Эванс. Я частный детектив. Я расследую исчезновение Сэмюэля Хейла. Мне посоветовали поговорить с мисс Мур, так как она присутствовала на супервизиях вместе с ним. *Ваших супервизии.*

Ксавьер усмехается. — Сэмюэль посещал много супервизий. У нас они есть с каждого курса, который мы решили пройти.

Я знаю, что он пытается помочь, но что-то подсказывает мне, что если я буду так бушевать, это привлечет ко мне еще больше внимания. Кто-то из студентов уже решил, что будет уместно поговорить со мной лично.

— Вообще-то я согласен с мистером Блейком, — добавляет Уэс.

— Мисс Тея в течение многих лет вступала в довольно жаркие дискуссии с мистером Хейлом. Это то, что я слышал. — Пауза затягивается, когда я чувствую, как пальцы Ксавьера плотнее смыкаются на моем бедре. Это как-то успокаивает меня. — Послушай, я знаю, что это, должно быть, сбивает тебя с толку, но парень пропал, и мне нужно проследить все зацепки, чтобы найти его. Думаю, вы понимаете, как важно сделать это быстро.

— Хорошо. Нет проблем. Мы можем поговорить, — говорю я ему, стараясь говорить спокойно. Я бросаю взгляд на Ксавьера. — Увидимся после занятий.

Он качает головой. — Ни за что. Я останусь.

— Ксавьер...

— Нет, все в порядке. Он может остаться, — говорит детектив, махнув рукой. Либо он очень хороший актер, либо не собирается меня допрашивать, потому что что-то подозревает.

Мне нужно верить, что Уилл и Ксавьер действительно позаботились обо всем. Нет тела — нет преступления, так?

Блядь, я говорю так, будто меня это не волнует.

Мне не все равно.

Я думаю.

— Ксавьер, иди. У тебя занятия. Я останусь с Теей, — говорит Уэс, удивляя меня. Наверное, я ему не безразлична, раз он так поступил. И он адвокат, так что все должно быть в порядке.

Ксавьер сначала не уходит. Он не хочет. Но когда я слегка улыбаюсь ему, он понимает, что это моя просьба. Мне было бы хуже, если бы он был рядом и слышал все это. Тем более что он единственный человек, который знает, что все, что я собираюсь сказать — ложь.

И ничего больше.

— Я подожду снаружи, — шепчет он мне на ухо и выходит, закрывая за собой дверь.

Уэс жестом показывает на стулья, и я возвращаюсь и сажусь на один из них. Детектив делает то же самое.

— Каков был характер ваших отношений с Сэмюэлем?

Вот это да. Он сразу переходит к делу.

Я пожимаю плечами. — Мы были соперниками, когда дело доходило до учебы, партнерами по супервизии и не более того. Чаще всего мы ссорились, потому что у него какие-то древние взгляды на юридические дела, и мне это не нравилось.

— Он когда-нибудь говорил вам что-то, что могло бы вас насторожить?

— Вы имеете в виду что-то, что могло бы заставить его уйти? — Он кивает. — Нет. Мы не говорили ни о чем личном. Честно говоря, я его терпеть не могла.

Уэс прочистил горло. Это показатель того, что мне следует заткнуться. Но я не могла. Если бы кто-то рассказал ему о том, как я могу разозлиться всякий раз, когда он говорит что-то сексистское, расовое или иное, это выглядело бы подозрительно, что я притворяюсь, что мне нравится Сэмюэль. А я не притворялась. Он был куском дерьма. Я могу чувствовать вину за то, что произошло, но не за то, что ненавижу его. Смерть не меняет того, кем он был, и некоторые люди забывают об этом, так хорошо отзываясь о тех, кто ушел из жизни.

Муж бил свою жену? Но он был таким замечательным отцом.

Женщина изменяла своему супругу? Но она всегда следила за тем, чтобы у него все было готово утром, прежде чем он уходил на работу.

Как будто того, что было раньше, не существовало.

Для меня существовали последние несколько лет.

— И между вами больше ничего не было?

Я нахмурилась. — Например?

Он наклоняет голову, и выражение лица говорит само за себя.

— Черта с два. Сэмюэль был заинтересован только в том, чтобы заставить всех чувствовать себя глупее его. Он хотел показать, какой он замечательный благодаря своей семье и деньгам, которые у них есть. Я даже не уверена, что его вообще интересовали девушки.

— Я думаю интересовали. Но все в порядке. У меня есть еще один вопрос.

Корланд шевелится на своем месте. Ему так же неловко, как и мне. Хотя он не перебивает, значит, не думает, что детектив пришел сюда, чтобы обвинить меня.

— Как вы думаете, что с ним случилось?

— Понятия не имею. Как я уже сказала, мы не были близки, поэтому я не уделяла достаточно внимания, чтобы заметить что-то необычное. Мы вместе работали над инсценированным судебным процессом, у нас были супервизии и лекции, и все.

Через несколько минут детектив ушел.

— Ты не можешь вести себя так безразлично, говоря подобные вещи о Сэмюэле. Это делает всю ситуацию сомнительной.

— Ты не остановил меня, — говорю я.

— Потому что это было бы похоже на то, что я выступаю в роли защитника, когда для этого нет причин. Это тоже выглядело бы сомнительно, — отвечает он. — Я знаю, что тебе не нравился Сэмюэль, и у тебя есть на это полное право, но он пропал, и они ищут козла отпущения.

— Козла отпущения? Он объявлен пропавшим без вести, а не мертвым.

Я иду по тонкому льду.

— Неужели я ничему тебя не научил, Тея? — Он обходит стол и прислоняется к нему. Его руки скрещены на груди. — Что в первую очередь проверяет полиция в деле о пропаже человека?

— Не было ли у человека суицидальных настроений, или у него были какие-то финансовые проблемы, или он был замешан в криминале.

— И после того, как они исключают это, они ищут возможность причастности третьего лица. В какой-то момент, если они заходят в тупик...

— Они нанимают детектива, — заканчиваю я, мое сердце учащенно бьется, и горячая волна пробегает по моему телу. Я хочу бежать. Прямо сейчас мне хочется бежать куда подальше.

— Должно быть, семья Сэмюэля наняла его. Вот почему здесь был этот парень Эванс, а не полицейский. Так что тебе нужно быть осторожной.

Уэс говорит со мной почти так, как будто знает больше, чем я готова сказать. Его глаза смотрят на меня таким знающим взглядом, и я сдерживаю себя, чтобы не задрожать. С трудом.

— Я знаю, что ты не причастна, но ты должна знать, что твои отношения с Сэмюэлем были не самыми простыми. Кто-то упомянул тебя детективу, потому что тоже видел это. Это лишь вопрос времени, когда они начнут копаться в твоей жизни, если ты будешь говорить о нем с такими людьми. Возможно, они ничего не найдут, но зачем ворошить осиное гнездо?

Я молчу.

Он достает лист бумаги и ручку и протягивает их мне. Это записка, объясняющая мое отсутствие. Она мне не нужна, так как следующая лекция у очень нормального профессора, который не возражает, но не все такие.

Я все равно беру ее.

— Теперь иди. Ты пропустили достаточно занятий, — говорит он. — Если тебе что-нибудь понадобится, дай мне знать.

Я нерешительно киваю и выхожу. Мои мысли крутятся и вертятся, глаза горят от слез, которые пробиваются наружу, руки чешутся.

Через секунду я уже не вижу, куда иду и что происходит вокруг. Мое зрение затуманено, а от вдоха болит грудь.

— Тея, — раздается мягкий голос Ксавьера у меня над ухом. Он обхватывает меня рукой, но не приносит успокоения. Внутри меня словно образовался циклон, разрушающий

все на своем пути. Вместе с кусочками моего сердца, разбросанными вокруг. Я теряю почву под ногами. — Не здесь. Кто-то может наблюдать. Потерпи еще немного, *Меллилла*.

Я пытаюсь. Пытаюсь.

Я опускаю голову так, что кажется, будто я просто глубоко задумалась или устала. И то, и другое — правда.

Почему один гребаный человек так хорошо умеет испортить тебе настроение? Даже мертвый Сэмюэль находит способ повлиять на меня.

Из последних сил я передвигаю ноги, пока не слышу, как открываются и закрываются двери. Руки Ксавьера исчезают, и я плачу. Мои колени подгибаются, и я оказываюсь на полу, не чувствуя ничего, кроме вины, переполняющей меня.

Это несправедливо.

Я хороший человек. По крайней мере, всегда старалась им быть. Я не сужу людей по цвету их кожи или по тому, кого они решили полюбить. Я показываю, какой я хороший студент, усердно учусь и провожу часы в библиотеке, но никогда никого не унижаю за то, что знаю меньше. Я делаю все возможное, чтобы стать тем, кем никогда не были мои родители. Почему я должна отвечать за все зло в мире?

Не каждый заслуживает жизни, и, возможно, я не тот человек, который должен решать это, но для таких, как я, должна быть какая-то погрешность, верно?

Или я просто лгу себе, чтобы все было лучше, хотя на самом деле это не так.

Это пиздец. Я в жопе.

— Корона тяжела, *Меллилла*. Особенно когда драгоценности покрыты кровью, — говорит Ксавьер, прерывая мои мысли.

Я задыхаюсь. — Детектив — не очень хороший знак.

— Я знаю. Он будет копать глубже, чем полиция. Они могут предложить больше.

Должно быть, он пришел к тем же выводам, что и Корланд, как я поняла. Неудивительно. Он умнее меня. Кроме того, он умеет мыслить нестандартно, чего я пока не уловила. Это сделало бы его идеальным адвокатом по уголовному делу. Или преступником...

Хотя, наверное, мы уже преступники.

— Он ничего не найдет. Труп нет, библиотека чистая, свидетелей нет.

— Мы не можем быть в этом уверены. Мы могли пропустить какое-нибудь место. Было поздно и темно. И кто-то мог нас видеть, даже если мы его не видели. Я, блядь, почти ничего не помню, Ксавьер. Каким бы дерьмом ты меня ни пичкал, оно заставило меня забыть, мать твою, — прорычала я.

— Это не заставило тебя забыть. Это заставило тебя расслабиться. Твой собственный разум играет с тобой, и он вытеснил воспоминания. Они не найдут тело, в Кембридже более ста библиотек, и никто не был там, чтобы увидеть это.

— Это все неправильно, — шепчу я.

— То, что ты против неправильного, не делает тебя хорошей, Тея. Это делает тебя лицемеркой и наивной.

— Ну, тогда это я. Тот, кто все еще верит, что не все обязательно превратится в дерьмо.

Я вытираю слезы, потирая глаза. Зрение вернулось, и я вижу, что мы в каком-то классе, в котором я никогда раньше не была. Он маленький, всего несколько парт, но в нем тихо.

Ксавьер сидит передо мной, его колени наполовину подтянуты к груди. Его руки обхватывают их, и он смотрит на меня с пустым выражением лица. В нем нет ни сострадания, ни вины, ни даже гнева. Он равнодушен, и я завидую ему в этом.

— Тебе все равно, но пятнадцатью минутами ранее ты не хотел выходить из кабинета Корланда. Что это за игра для тебя?

Он вздыхает, качая головой. Он упирается руками в пол и приближает свое тело к моему. Мы соприкасаемся. Его ноги трутся о мои, и я чувствую его дыхание на своем лице. Оно выбивает мое собственное из моих легких.

— Мне плевать на Сэмюэля. Всегда было и всегда будет, — говорит он, перебирая пальцами свои чуть более длинные волосы. Затем он накручивает прядь моих волос на палец и убирает ее за ухо. — Но ты мне небезразлична. Я не хотел оставлять тебя там.

— Я не могла видеть тебя там.

Он мрачно улыбается. — Я знаю. Лгать нелегко, когда кто-то знает правду.

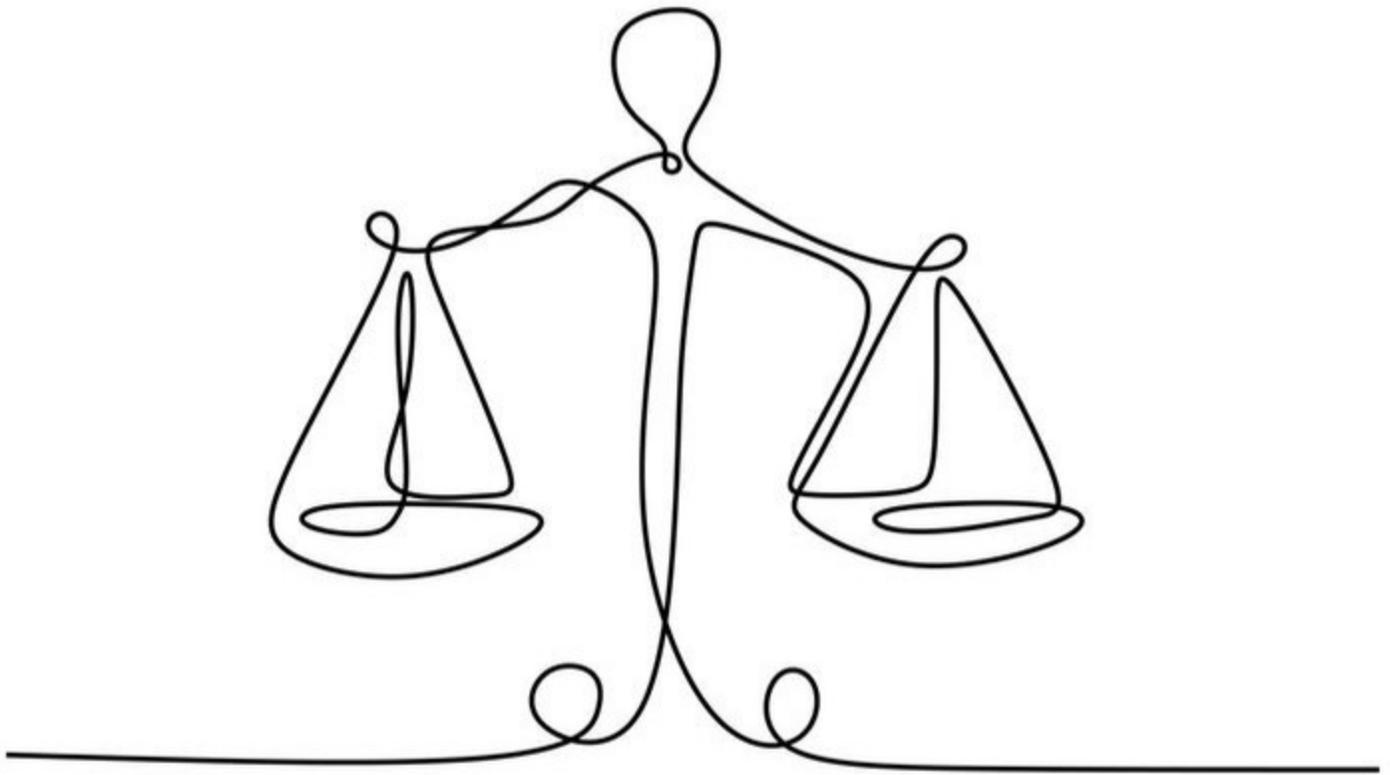
Я закатываю глаза. — Слова мастера по лжи.

Он поднимает бровь. — Я никогда ни о чем тебе не лгал, любимая.

— Нет, врал.

— Ты просто никогда не веришь моим словам. Это не означает, что я лгу. Не все проблемы доверия начинаются с вопросов лжи.

Ксавьер

Сегодняшняя тренировка по лакроссу очень тяжелая. Мы больше всего занимались кардио, потому что тренер был в ужасном настроении, и все, что кто-то говорит, выводит его из себя. Поэтому мы решили заткнуться и просто выжить.

В самом конце он говорит нам отрабатывать броски. Как только мы выстраиваемся, он куда-то уходит, и мы можем немного отдышаться.

— Мне хочется вырвать свои легкие, — говорит Бен, опускаясь на пол.

Адриан кивает, соглашаясь с ним. Он выходит из ворот.

— Надеюсь, он придет только для того, чтобы дать нам уйти. Я закончил на сегодня, и у меня есть планы.

Мои планы состоят в том, чтобы успеть сделать несколько супервизий на следующую неделю, потому что в эти выходные я мало что успею сделать. Захватывающе, я знаю. Нет ничего лучше, чем проводить долгие часы над книгами, которые я скорее сожгу, чем прочитаю.

— Горячее свидание с девушкой Мур? — спрашивает Адриан, ухмыляясь.

Уголкем глаза я вижу, как Уилл подходит к нам. Он останавливается, как только слышит упоминание о своей сестре.

— Серьезно, Адриан? Неужели тебе не о чем поговорить, кроме как о моей сестре и... с

нем?

Он теперь редко обращает на меня внимание. А если и замечает, то не называет моего имени. Это раздражает, но и в какой-то степени забавляет.

Я наклоняю голову, глядя на него. — Очень зрело, Уилл.

— Ты хочешь поговорить о зрелости? Ты лжешь и преследуешь мою чертову сестру, это все, что угодно, только не чертова зрелость, — прорычал он, его руки сжались в кулаки. Он хочет, чтобы я думал, что он с радостью будет драться со мной, но я знаю лучше. Он не станет. Он защитник, как и я, но он не жестокий. И он прибегает к физическому воздействию, только если нет другого выхода. Кроме того, мы лучшие друзья. В какой-то момент мы снова станем друзьями.

Его глаза опасно сужаются. Они такого же цвета, как у Теи.

— Ты можешь отвалить от этого? Это не касается тебя лично. У меня отношения с твоей сестрой, а не с тобой.

— В этом-то и проблема, блядь.

— Извини?

— Ты сделаешь ей чертовски больно, и ты это знаешь. Ты не способен на отношения.

— Мы были вместе дольше чертовой недели, так что, очевидно, я должен быть способен на это.

Уилл раздражается смехом. Он не настоящий. Он почти пропитан горечью. — Что навело тебя на эту мысль? Все те девушки, которых ты успел трахнуть на втором курсе? Или, может, все те красивые испанки, с которыми мы познакомились в прошлом году? А Тея вообще знает о них? Знает ли она о Холли, которая преследует тебя с тех пор, как ты приехал в Кембридж? — Он не дает мне ответить. — Готов поспорить на все, что нет.

— Иди на хуй, Уилл. Ты видишь что-то и рисуешь всю картину, даже не спросив. Если я чего-то не говорю, это не значит, что ты знаешь правду.

— И в чем же тогда правда? То, что ты никогда не сближался ни с одной девушкой? Мы оба знаем, что это ложь.

— Я никогда не изменял Тее.

Он складывает руки на груди, поднимая бровь. — Черт возьми, ты, должно быть, промыл мозги моей сестре, потому что она никогда в это не поверит. Она слишком умна. Может, тогда мне стоит рассказать ей все ужасные подробности нашего пребывания в Барселоне? Может, это откроет ей глаза.

— Если ты хоть раз подумаешь о том, чтобы выдумать все это дерьмо обо мне, клянусь, ты станешь таким же ублюдком, которого я избил в начале второго курса. — Я почти упоминаю Сэмюэля, но сдерживаю себя. Все нас слушают.

Но Уилл точно знает, что я не сказал. Выражение его лица становится жестким, и он закрывает пространство между нами.

— Это угроза?

— Прости. Это прозвучало как комплимент? — Я делаю паузу. — Подожди, тогда мне придется повторить это еще раз.

Он толкает меня назад, и кровь в моих венах закипает. Я пытаюсь. Я действительно стараюсь не причинить ему боль. Иначе ничем хорошим это не закончится.

Уилл знает это.

Он знает, какой я.

Бен и Адриан подходят к нам, отстраняя нас друг от друга.

— Ты ничего не знаешь обо мне и Тее.

— Я знаю достаточно, — говорит он. — Ты уничтожишь ее, и мне придется собирать осколки. Если вообще будет что собирать. Тебе лучше отпустить ее, пока все не стало совсем плохо.

— Черт, приятель. Ты говоришь о Тее так, как будто знаешь о ней все, хотя тебе просто наплевать. Ты позволил ей поверить, что ты лучше ее. Она постоянно жила в твоей тени, когда вы оба возвращались домой. Твои родители видят в тебе идеального сына, а ты даже не достаточно мужественен, чтобы сказать им, что они — говнюки, раз не видят, насколько удивительна Тея. Так о чем мы вообще говорим? Ты указываешь на мои ошибки, которых даже не существует, но не можешь вытащить голову из задницы достаточно надолго, чтобы увидеть свои собственные.

— Ксавьер, — шепчет Бен, удерживая меня.

Думаю, мы можем быть рады кардио, потому что я слишком устал, чтобы вырваться из его хватки.

Выражение лица Уилла настороженное, но я знаю его. К лучшему или худшему, я знаю Уилла. Он скрывает чувство вины.

— Ты токсичен, Ксавьер. Я не возражаю, потому что мы были друзьями. Но ты собираешься уничтожить мою сестру вместе с собой. И это то, на что я не могу смотреть сквозь пальцы.

— Вот тут ты ошибаешься. Она была на самом дне еще до того, как я ее встретил. Я слежу за тем, чтобы она не выучила это место наизусть из-за твоей семьи вдобавок ко всему прочему, — говорю я ему. — Я люблю Тею. Я влюблен в нее и готов ради нее на все.

— Тогда оставь ее.

— Если ты думаешь, что так будет лучше, то на самом деле ты ни о чем не понимаешь.

Я разворачиваюсь, отталкиваю Бена и иду к выходу из спортивного центра. Я прохожу мимо тренера, не обращая на него никакого внимания.

Но я ушел. Я сдержался.

Это лучшее, что я мог сделать для Уилла.

И для Теи.

Тея

Машина Ксавье пахнет так же, как и он, очень странным, но очаровательным образом. Могу поспорить, что он редко пользуется машиной, как большинство студентов Кембриджа. Хотя кажется, что он пронизан цитрусовыми и палисандровым деревом. Даже не табак, как я могла бы предположить сначала. Он чистый, даже блестящий. Мужчины и их машины — это любовь и одержимость, которую мне, наверное, никогда не понять.

Я собрала сумку вчера вечером, после того как сказала Уиллу, что уеду с Ксавьером на его день рождения. Все прошло чертовски здорово... нет. Как я и представляла. План был таков: уехать сразу после последней супервизии, чтобы не оставить мне времени на сегодня.

И вот около пяти часов дня он выезжает из-под моего многоквартирного дома. Он берет мою руку в свою, переплетая свои пальцы с моими и нежно целует мою ладонь. И все это не глядя на меня.

Я смотрю на него, и в моем животе порхают теплые бабочки. К этому чувству я уже должна привыкнуть, но это не так. Его профиль привлекателен — длинные ресницы, легкая щетина на сильной, резкой линии челюсти. И эти губы, от которых у меня каждый раз подгибаются колени. Глубокие розовые и полные.

Вдыхая, я не могу не восхищаться им. Он прекрасен.

— Спасибо, что взял меня, — тихо говорю я, музыка звучит на заднем плане. Какой-то

альтернативный рок.

— Тебе не нужно благодарить меня, — он слегка сжимает мою руку. — Я рад, что наконец-то могу представить тебя всем.

Я хмурюсь. Мой желудок подпрыгивает при этих словах. — Ты уверен?

Он на секунду поворачивается ко мне лицом с вопросительным взглядом. — Что ты имеешь в виду?

— Мне кажется, что я вроде как заставила тебя привести меня. Честно говоря, это не было моим намерением. Я просто хотела узнать больше о твоей семье, раз уж мы встречаемся, и...

Он останавливает меня. — И ты снова бормочешь, любимая, — усмехается он. — Ты не заставляла меня ничего делать. Никто не мог. Это было мое решение взять тебя, и я хочу, чтобы ты была там. Потому что, как ты сказала, *мы встречаемся*.

Он подчеркивает последнюю фразу, слегка нахмурившись.

— Что?

— Я ненавижу говорить, что мы встречаемся. — Мое сердце замирает. — Это звучит так банально, когда кажется, что это нечто большее.

— Это все равно лучше, чем «гулять».

— Это правда.

Следующие два часа мы болтаем ни о чем важном и слушаем музыку. Время летит незаметно, и в тот момент, когда мы останавливаемся перед домом детства Ксавьера, я думаю о том, чтобы повернуть назад. Дом моих родителей на окраине можно считать большим британским коттеджем. Дом, перед которым я стою, не что иное, как поместье. Старый, с душой, но, безусловно, очень дорогой и огромный. Он напоминает мне особняк братьев Сальваторе, только с некоторыми тонкими отличиями. К дому ведет длинная гравийная дорога с каменными статуями по обеим сторонам и идеально подстриженными кустами. Трава все еще зеленая, хотя с наступлением осени она уже не такая яркая.

— Ты здесь живешь? — спрашиваю я, медленно выходя из машины.

Каким бы ни был ответ Ксавьера, я его не слышу.

Сама усадьба построена из темно-красного кирпича, как и дома, которые мы проезжали по дороге сюда. Однако, в отличие от других домов по соседству, этот находится на некотором расстоянии от них. Самый последний, к которому вы подъезжаете, когда сворачиваете на улицу.

Он состоит из двух частей с главным входом посередине, что придает ему форму полукруга. Окна большие и коричневые, а крыша высокая.

— Уж не в Мистик Фоллс ли мы попали по ошибке?

Ксавьер хихикает у меня за спиной. Он достает наши сумки из багажника и подходит ко мне с едва заметной ухмылкой на лице.

— Если бы мы туда попали, мне интересно, каким братом я был бы. Стефаном или Дэймоном?

Я игриво толкаю его. Я знаю, что он смотрел Дневники вампира. По крайней мере, те несколько серий, которые я заставляла его смотреть вместе со мной.

— Как будто ты можешь потянуть Стефана. Он слишком милый.

Его бровь приподнимается. — А я нет?

— Это риторический вопрос? — поддразниваю я. — У тебя есть свои моменты. Но ты больше похож на Дэймона из первых нескольких сезонов. Защищенный, красивый засранец,

которого мало что волнует. Высокомерный чертов мудак.

Он пожимает плечами. — Пока ты признаешь, что я защитник и красавчик. — Затем он берет меня за руку и ведет к входной двери. — Пойдем, моя мама, наверное, уже не может ждать. Она будет рада, что я кого-то привел.

Остановившись, я нахмурилась. — Ты не сказал им, что я приеду?

— Нет.

Не говоря больше ни слова, он отпускает меня и открывает дверь, пропуская меня вперед. То, что его семья не знает о моем приезде, делает это еще более нервным. У них нет времени, чтобы подготовиться или сказать Ксавьеру, что они не хотят, чтобы я была здесь. Теперь они встретят меня с готовой сделкой. Мне придется очаровывать, а я не умею общаться с людьми. Особенно с родителями в первый раз.

Конечно, до этого у меня не было парня, так что знакомство с семьей не было чем-то, о чем я должна была беспокоиться, но все же. Мне хочется толкнуть Ксавьера в один из тех кустов, мимо которых мы проходили.

Дом гостеприимно распахивает дверь в широкую прихожую. На стенах висят фотографии детей. Это показывает, что Ксавьер не лгал, когда говорил, что у него прекрасные отношения с семьей. На полу старомодный паркет с вкраплениями глубокого домашнего коричневого цвета, а стены темно-зеленые, со смелым черным плитусом. Перила — это закрученная ветка, укрощенная рукой плотника, ее зерна струятся, как вода, волнами успокаивающих лесных оттенков. Под светом лампы это искусство природы, то, что успокаивает до глубины души.

Мое внимание привлекают две книжные полки, встроенные в стену. В моем доме вы не увидите ничего, что указывало бы на то, что здесь живет человек, который хотя бы держал в руках книгу. Если только вы не зайдете в мою комнату или комнату Уилла. Мы всегда любили читать. Не благодаря нашим родителям.

Я подхожу к книгам, просматриваю названия. Большинство из них старая итальянская классика. Я не говорю на этом языке, поэтому большинство из них мне неизвестны, к сожалению. Это заставляет меня задуматься, не говорит ли Ксавьер по-итальянски, а я просто очень скучаю по нему.

— Это моего отца. Он увлекается итальянской культурой, — отвечает Ксавьер на мои мысли.

Сверху до нас доносятся мягкие шаги, и вскоре по лестнице спускается высокая темноволосая женщина с широкой улыбкой. Она хлопает в ладоши, увидев Ксавьера.

— Dios (прим. с испан. «Боже»), — кричит она. — Mi hijo (прим. с испан. «Мой сын»).

Она сокращает расстояние между нами и крепко обнимает Ксавьера.

Она очень красивая. Она не такая высокая, как Ксавьер, но и не намного ниже. У нее такие же темные волосы, собранные в высокий хвост. Сквозь улыбку на ее лице видны морщинки, но это только усиливает очарование, поскольку она все еще выглядит молодо. Она худая, с длинными руками и ногами, одета в струящееся темно-оранжевое платье. При одном взгляде на нее у меня возникает ощущение, что у нас лето. Сплошной солнечный свет и радуга, и так не похожа на мою собственную мать.

Я сдвигаюсь, и каким-то образом это привлекает внимание матери Ксавьера ко мне. Она смотрит в мою сторону такими же глубокими серыми глазами, как у ее сына, и не знаю, как это возможно, на ее лице появляется широкая улыбка.

— Кто у нас здесь? — спрашивает она. — Niño (прим. с испан. «Сын»), ты не сказал, что

приведешь кого-нибудь.

Ксавьер не лгал, что она время от времени говорит по-испански.

Он кладет руку на мою спину, притягивая меня вперед. — Мама, это Тея. Моя девушка.

Наверное, это первый раз, когда я слышу, как он представляет меня так кому-то, и он прав — все это кажется мелочью. Свидание, парень, девушка... Мне кажется, что мы это уже прошли.

— Девушка? — Она шлепает Ксавьера по руке, заставляя меня хихикать. — Мы общаемся каждую неделю, и тебе не пришлось в голову сказать мне, что ты в отношениях?

— Приятно познакомиться с вами, миссис Блейк, — говорю я так вежливо, как только могу, и протягиваю руку. Но она только смотрит на нее и игнорирует, сразу обнимая. Я немного опешила, но, почувствовав запах ее клубничных духов, расслабилась.

— Мы обнимаемся в этом доме, милая, — говорит она мне, отступая назад. — Мне тоже очень приятно познакомиться с тобой, Тея.

— Я слышу, как возвращается мой блудный сын? — Мужской голос доносится справа, и в зал входит высокий мужчина — копия Ксавьера.

— Я бы сказал, что Финн — блудный, папа. — Мужчины обнимаются, и Ксавьер показывает на меня. — Это моя девушка, Тея.

— Приятно познакомиться. — Он не двигается, чтобы обнять меня, что меня вполне устраивает. Чем меньше прикосновений от людей, тем лучше я себя чувствую. Особенно когда я нахожусь в новой обстановке и с незнакомцами.

Я киваю, улыбаясь. — И мне тоже, сэр.

— Пожалуйста, зови меня Джошуа. Сэр или мистер Блейк заставляют меня чувствовать себя старым.

— Извини, папа, что ломаю твой пузырь, но ты не молодеешь, — комментирует Ксавьер, и я легонько толкаю его. Это грубо, даже если ты шутишь.

— Может, вы все перестанете меня бить и толкать, женщины?

— Может, хватит грубить? — говорю я дразняще.

Джошуа смеется. Даже его энергичный смех такой же, как у Ксавьера. — Она мне уже нравится. И чтобы ты знала, я не старею. Мы с твоей мамой переживаем вторую молодость.

— Именно. После пятидесяти возраст отменяется. Мы начинаем все сначала.

Ксавьер закатывает глаза. — Что бы вы ни принимали, берите меньше.

Эмилия, мама Ксавьера, берет меня под руку и ведет дальше в дом. Мы переступаем порог в большую, светлую гостиную. Все выглядит старым, но я не могу не восхищаться этим. Бабушка во мне кричит от восторга. Бежевые панели на стенах, темная деревянная мебель, коричневые кожаные диван и кресла. Крайнее слева пианино, прямо у окон от пола до потолка и огромный камин на противоположной стороне. Я даже не вижу телевизора, что говорит о том, что не только Ксавьер не заботится о том, чтобы иметь его в своей квартире. Интересно.

— Я сделаю чай, — говорит Эмилия и исчезает на кухню — я так думаю.

Джошуа садится в кресло, а мы с Ксавьером занимаем диван. Чувствую себя на удивление комфортно.

— Где Чарли и Финн? — спрашивает Ксавьер у отца, оглядываясь по сторонам.

— Финн уехал в Лондон. Не знаю точно, зачем. Чарли едет сюда с Эммой. Он написал мне почти пятнадцать минут назад, что они уезжают.

— Он две недели подряд добивался, чтобы я приехал на день рождения, но приехал

последним?

— Ты же знаешь, что они долго работают, чтобы успеть до родов Эммы, и он будет единственным в юридическом офисе на некоторое время, — пауза. — Кстати, о юриспруденции. Как проходят занятия?

— Нормально, я думаю. Большинство из них скучные. Хотя некоторые супервизии становятся интересными, — добавляет он, и я закатываю глаза. Он имеет в виду те, которые мы проходим вместе с Корландом. Клянусь, выбор в пользу супервизий с Ксавьером может стать тем, чем закончатся наши отношения.

— Ты бы так сказал, — шепчу я, но каким-то образом не только Ксавье улавливает мой комментарий. Его отец тоже.

— Ты тоже изучаешь право, Тея?

Я киваю.

— Ааа, так вот как вы двое познакомились, да? — Эмилия возвращается в гостиную с подносом, на котором стоят чашки с чаем.

— Вроде того, — говорит Ксавьер. — На самом деле мы познакомились через Уилла, я полагаю, больше, чем из-за учебы, поскольку Теа была на год младше.

— Уилл? Тот, который приходил на твой день рождения два года назад?

— Да, он брат Теи.

Эмилия улыбается, садясь в другое кресло напротив меня. — Я как раз собиралась сказать, что ты мне кого-то напоминаешь, — говорит она мне. — У вас с Уиллом одинаковые улыбка и глаза.

— К счастью, на этом сходство заканчивается, — шучу я, но не совсем. Внешне мы очень похожи, но по характеру мы с Уиллом не можем быть более разными. Некоторое время назад я думала, что странно, что Ксавьеру нравлюсь я и мой брат, хотя наши характеры противоположны. Но, возможно, именно поэтому. То, что нам нравится в наших друзьях, иногда не переходит в то, что мы ищем в партнере.

— Почему ты не пригласил и его?

Ксавьер наклонился. — Просто небольшое уточнение. Моя мама любит твоего брата. Она не хотела отпускать его со мной в Кембридж. Наверное, в какой-то момент тоже думала о смене сына.

Я смеюсь.

— Очень смешно, сынок. Я, конечно, думала о том, чтобы обменять тебя, не только когда встретила Уилла. Сотни раз до этого.

Джошуа тянется за чаем, прочищая горло. — Да, и даже однажды, когда ты еще не родился. Но предложение не прошло, так что теперь мы застряли с тобой.

Я раздражаюсь смехом, видя, как серьезны родители Ксавьера, в то время как в глазах Ксавьера появляется замешательство. Они напоминают мне о том, какими были мои бабушка и дедушка, когда они были еще живы. Они не упускали шанса пошутить в ответ. У моего дедушки в ходу был сарказм, а моя бабушка из-за долгих лет брака поддерживала его игру. И я выросла, видя это. Другой способ проявления любви. До тех пор, пока другой человек это понимает.

Мы разговариваем в течение следующего часа, пока к нам не присоединяется один из братьев Ксавьера — Финн. Если раньше я думала, что Ксавьер и его отец выглядят одинаково, то теперь я изменила свое мнение. Ксавьер и Финн выглядят как близнецы. Они — один и тот же человек, даже если руки Финна покрыты разноцветными татуировками. Их

волосы уложены одинаково — взъерошенные на макушке, с прядью темных волос над глазом. В черных брюках и серой приталенной футболке я легко могу их перепутать. Финн — весельчак, шутник, которому есть что сказать. На этом сходство заканчивается. Я склонна утверждать, что большинство братьев и сестер, когда они выглядят одинаково, это два разных человека, когда дело доходит до личности. Не только мы с Уиллом.

Но потом я встречаю Чарли, у которого светло-каштановые волосы, голубые глаза и он одет так, будто только что сбежал с собственной свадьбы, оставив невесту позади, но Эмма, его жена, здесь, так что это не так. Он больше похож на Эмилию, чем на Джошуа. Хотя, когда бы он ни говорил, он осторожен, и каждое слово имеет ценность. Я вижу это. Что опять же напоминает мне о Ксавьере.

И здесь его семья становится почти такой же запутанной, как и моя. Только совсем по-другому.

Они мне нравятся. С ними весело. Я даже не обращаю внимания, когда на часах уже десять вечера и Эмма встает из-за стола, за которым мы ужинали, и объявляет, что собирается удалиться в комнату. Я тоже начинаю чувствовать сонливость. Это был длинный день с лекциями в восемь часов.

— Я помогу тебе, — говорю я Эмили, видя, как она собирает посуду.

— О, дорогая, тебе не обязательно.

— Я не возражаю.

Ксавьер наклоняется к моему уху. — Я отнесу наконец наши сумки в спальню. Приходи, когда закончишь, хорошо?

Я киваю.

Он дает мне указания относительно нашей комнаты, а затем исчезает с Финном и его отцом, как раз когда Эмма и Чарли приносят посуду на кухню и тоже поднимаются наверх. Они не спрашивают, нужно ли им помочь, что сразу дает мне понять, что Эмилия такая же, как и моя мать. Она предпочитает все делать сама, а не подстраиваться под кого-то.

Я смотрю, как она собирает посуду в посудомоечную машину, передавая ей тарелки и стаканы.

— Спасибо, что пригласила меня, Эмилия, — говорю я. — Я думала, Ксавьер скажет вам, что я еду с ним, так что, честно говоря, извините, что я так неожиданно появилась.

Она машет рукой. — Ерунда. Ксавьер знает, что в нашем доме рады всем. Приглашали или нет.

— Тем не менее, мне было бы легче, если бы вы знали обо мне.

— Да, я бы хотела знать заранее, что у моего сына есть девушка. Но что сделано, то сделано. Он никогда не был откровенен о своей личной жизни. Я уже привыкла к этому.

Мы заканчиваем загружать посуду, затем Эмилия моет несколько кастрюль, которые не поместились.

— Все ли в порядке между Ксавьером и Уиллом? — неожиданно спрашивает она. — У меня было ощущение, что он не хочет отвечать, почему вы двое не взяли его с собой.

Я вздыхаю. — Время, проведенное со мной и Ксавьером, несомненно, было бы первым в списке того, что мой брат не хочет испытать, — честно говорю я. В моей груди возникает острая боль.

— Его не устраивают ваши отношения? — Я качаю головой.

Мгновение тишины, прежде чем Эмилия выключает воду и смотрит на меня.

— Могу ли я спросить, почему?

Я размышляю, сказать ли ей правду или обойтись без подробностей. В конце концов, она мама Ксавьера. Она не должна задаваться вопросом, хороший ли ее сын человек или нет. Тем более что его собственный лучший друг не имеет о нем положительного мнения.

— Послушай, Теа, — начинает она, прежде чем я принимаю решение. — Я растила Ксавьера как могла. Он был замечательным ребенком. Веселым, отзывчивым и добрым. Однако все изменилось, когда ему было девять, и я не живу в мире, где я притворяюсь, что не вижу, насколько сильно он изменился в худшую сторону. Он всегда притворяется. Много лет назад то, каким вы видите Ксавьера сейчас с нами, было бы тем, каким он был. Сегодня это фасад чего-то гораздо более темного, более испорченная версия его самого. Так что ничто из того, что ты мне скажешь, не изменит того, что я уже знаю.

Мое сердце учащенно забилось. Я не понимаю, что она говорит, но в любом случае, похоже, она знает больше, чем необходимый минимум. Честно говоря, я думаю, что это я в неведении.

— Уилл считает, что Ксавьер разобьет мне сердце. Что он мне не подходит.

— Ты согласна с ним?

Я качаю головой. — Нет, не согласна. — Я тяжело сглатываю. — Я так не думаю. Я не знаю, если честно...

— Он хорошо к тебе относится?

— Большую часть времени, да. Он уделяет мне больше внимания, чем кто-либо в моей жизни. Он знает меня лучше, чем я сама себя знаю. И он старается, — говорю я. — Но бывают моменты, когда я почти уверена, что я не приоритет и не второй выбор. Скорее, это безопасный выбор и...

Я делаю паузу.

Что, черт возьми, я делаю?

Мои глаза расширяются. — Мне так жаль. Я не хотела этого говорить. Ты не должна слышать мои сомнения. Вы приняли меня в своем доме с распростертыми объятиями, а я говорю такое.

Эмилия кладет свою ладонь на мою руку, заглядывая глубоко в мои глаза с едва заметной мягкой улыбкой на губах. — Я бы не спрашивала, если бы не хотела это услышать.

— Но Ксавьер — твой сын.

— Я всегда буду любить его. Несмотря ни на что. Но я знаю, что он злой человек, который очень старается подавить свои чувства и эмоции и держать себя в руках. Он все обдумывает, но не всегда учитывает чувства других людей, — признается она. — Как я уже сказала, Тея. Я знаю своего сына, поэтому ты не можешь меня удивить, когда говоришь, что ходишь туда-сюда между своими чувствами и его чувствами к тебе.

— Я знаю, что я чувствую. Я люблю его. Возможно, слишком сильно для моего же блага. А вот любит ли он меня по-настоящему, как говорит, это уже сложнее.

— Ты умная, красивая и добрая. Я уверена, что он любит тебя. Он тоже умный, поэтому он не отпустит такую, как ты. Судя по тому, что я видела сегодня вечером, его внимание приковано к тебе.

— Я бы никогда не попросила его о внимании.

Эмилия хихикает, слегка потянув за прядь моих волос. — Красивые вещи не просят внимания.

— Ты говоришь как он.

— Я хорошо его научила.

Тея

— Ты уверена, что не хочешь играть? — спрашивает Ксавьер в сотый раз с тех пор, как мы позавтракали и оделись для игры в регби. Ну, я просто надела леггинсы и толстовку, чтобы не замерзнуть, так как погода не самая теплая. Ксавьер одет в спортивные шорты и лонгслив. Он выглядит почти так же, как когда играет в лакросс, но без обычного защитного снаряжения. И он единственный, кто играет. Я решил отказаться, когда Эмма рассказала мне о последней игре, которую они провели. Слово «жестокая» может быть просто деликатным способом описать ее.

— Уверена ли я, что не хочу оказаться в больнице со сломанными костями? Еще бы, — усмехаюсь я.

Когда мы выходим из дома, то уже слышим голоса, доносящиеся с другой стороны улицы. Они всегда играют в парке неподалеку, поскольку он больше, чем сад. Большая часть семьи уже там, ждет нас. В утренней суматохе я познакомилась с большинством из них — дядями, тетями, двоюродными братьями и сестрами, бабушками и дедушками. Даже некоторые соседи принимают участие.

— Все не так плохо, как кажется Эмме, — говорит он, обхватывая мои пальцы.

Я смотрю на него.

Я снова почти не сплю по ночам. Однако сейчас, помимо обычных кошмаров, я не

могла перестать думать о словах мамы Ксавьера. Она сказала что-то о том, что он изменился, когда ему было девять лет, и все, о чем я могу думать, это о том, что же случилось с Ксавьером. Думает ли она, что я уже знаю об этом? Должна ли я знать что-то, о чем не догадываюсь?

Что это?

Что происходит?

Через что прошел девятилетний Ксавьер?

— Я люблю тебя, — говорю я ему вместо того, чтобы задавать все эти вопросы.

Он останавливается прямо перед входом в парк.

Я втягиваю воздух. Его руки скользят по моей талии. Электрический ток пронзает меня, и все вокруг начинает кружиться. Он прикасается ко мне.

Его глаза устремлены на меня, взгляд застывает, когда его руки пробегают по моей спине. Он наклоняется ближе и удерживает мой взгляд, не давая возможности отвести его. Я чувствую его пальцы на моих бедрах, и между ног у меня возникает пульсация.

Я облизываю губы, прикусывая нижнюю.

— Прекрати, Ксавьер, — задыхаюсь я, хватая его за запястья.

Дерзкая улыбка пробегает по его лицу. — Почему? Всегда забавно видеть, как ты возбуждаешься и волнуешься от простого прикосновения.

— Сейчас не время заставлять меня мокнуть. Не перед всей твоей чертовой семьей.

Он дразнит мое ухо своими зубами. — Их здесь нет, любимая.

Я выдыхаю волнами. — Чуть дальше — это ничего не меняет.

Его длинные руки обнимают мои, мои руки лежат внутри его. — Это мне подходит, — шепчет он.

О, Боже.

Я держу рот на замке, сосредоточившись на дыхании. Иногда я забываю делать это в таких ситуациях.

Затем он обхватывает мои щеки, проводя большими пальцами по моим губам. Его глаза снова смотрят на мои. Это посылает мурашки по моему телу. Наши губы парят в дюйме друг от друга. — Я собираюсь хорошо позаботиться о тебе сегодня вечером, — шепчет он.

Я придвигаюсь к нему, наши губы почти встречаются, пока я смотрю на его рот.

Его взгляд тоже опускается на мой. Наши тела прижались друг к другу, и я чувствую, как поднимается и опускается его грудь.

Улыбка скользит по моим губам.

Я протягиваю руки и обхватываю его шею, гадая, поцелует ли он меня. Мои пальцы играют с кончиками его волос, нежно дергая их. Он выпускает тяжелый вздох, звучащий почти как рычание. Я знаю, что ему нравится, когда я делаю это. Это его возбуждает. Он крепче прижимается ко мне и опускает свой лоб к моему. Наши носы соприкасаются, когда я встаю на цыпочки. Я намного ниже его, но его тело дает мне необходимое преимущество.

Мои веки трепещут.

У меня пульсирует между ног.

Я хнычу от давления, и в ту же секунду его рот накрывает мой. Внезапно он оказывается повсюду. Сжимает мою шею, другая рука находит путь к моей заднице. Мои руки обвивают его шею, а его талия почти до боли прижимается к моей. Я хочу, чтобы он был рядом со мной. Его губы накрывают мои, и мы целуемся.

На вкус он похож на все, что мне когда-либо было нужно.

Я кусаю его губы, протягивая их между зубами.

Ксавьер мрачно усмехается над моим движением и смягчает поцелуй, чтобы сохранить контроль. Его язык горячий, дразнящий мой. Затем он немного отодвигается.

С моих губ срывается слабый стон, когда я теряю его тепло.

Его пальцы проникают в мои волосы. Он наклоняется и снова целует меня. Глубоко, долго и медленно.

***

Он улыбается мне. — Я тоже тебя люблю.

Эмма была права насчет матча по регби. Семья Ксавьера выводит это на совершенно новый уровень. И, что удивительно, я имею в виду не только мужчин. Его мама, несколько двоюродных сестер и тетя тоже играли, не уступая в энергии и даже жестокости. Конечно, все это во имя веселья и ни в коем случае не со злым умыслом. Они играют с улыбками на лицах, не заботясь о температуре воздуха и грязи.

Я даже бегу в дом за фотоаппаратом, чтобы сделать снимки.

Но мой взгляд все время останавливается на Ксавьере. То, как он себя ведет, это то, чего я не видела за все время, что знаю его. Он выглядит более расслабленным, умиротворенным... почти счастливым в окружении семьи. Он двигается на поле с такой грацией, каждый пас и каждая забитый мяч идеально продуманы. Решимость, прокрадывающаяся на его лице, приносит мне какую-то радость. Это действительно нечто иное, чем наблюдать за ним в его стихии. То, как он любит и наслаждается спортом — неважно, каким именно. Это очень напоминает мне его матчи по лакроссу.

Команда Ксавьера в итоге выигрывает со счетом 37:25, в основном благодаря тому, что Ксавьер играет на позиции нападающего и забивает больше всех мячей. Он создал неплохую команду со своим братом Финном и мамой. Такое впечатление, что они знают друг друга по тому, как они создают ходы.

— Тебе понравился матч? — спрашивает меня Финн, когда мы возвращаемся домой, попрощавшись с семьей. Позже сегодня мы тоже собираемся на ужин, но до тех пор всем нужно привести себя в порядок и отдохнуть после игры.

Я просматриваю сделанные мной фотографии. Есть много очень хороших. Конечно, Ксавьер — главная модель.

Я киваю, улыбаясь. — Было весело. У вас хорошая традиция на день рождения.

— А у тебя есть какие-нибудь традиции в семье?

— Не совсем. Мои родители не очень любят праздновать дни рождения или что-то еще, кроме Рождества. И даже это меня не волнует, — говорю я, рассказывая о том, как за месяц до этого день рождения моего отца был большим событием. Честно говоря, только мои дни рождения не имеют значения. Уилл предпочитает не праздновать; если что, идет пить.

— Это позор, — говорит он. — Мы начали играть в регби с тех пор, как Чарли заставил нас. Он тренировался еще в школе, и в какой-то момент это стало семейным делом, даже когда он уже не играет ежедневно.

— Вы все занимались спортом? — Я показываю на Чарли и Ксавьера, идущих впереди нас.

Финн усмехается, качая головой. — Я не занимался. Я всегда хотел тренироваться, но кроме того, что начал ходить в спортзал, когда поступил в университет, я больше ничем не занимался. Ксавьер всегда был помешан на спорте.

Я поднимаю бровь. — Спортивный фрик?

— Ты же не думаешь, что он просто начал играть в лакросс в Кембридже и всё?

Уголкем глаза я вижу, как Ксавьер оглядывается на нас. Вероятно, он услышал свое имя. Но он не перебивает.

— Он начал с футбола, когда ему было девять лет, и наши родители решили дать ему выход агрессии. Через несколько лет он переключился на баскетбол, потом на гандбол, регби каждые выходные со мной и Чарли, а в конце средней школы занялся лакроссом.

Я всегда знала, что Ксавьер любит спорт, хотя он выглядит так, будто играет в лакросс дольше всех и любит его. Он часто смотрел футбол с Уиллом в нашей квартире, когда у нас было более спокойное время в университете. Это просто показывает, что я еще многого о нем не знаю. Это нечестно, когда он знает обо мне все.

— Но я вижу, у тебя есть своя страсть. — Он имеет в виду фотографию, так как смотрит на снимки прямо со мной.

— Я занялась фотографией еще в средней школе и решила продолжить в Кембридже. Ничего серьезного, просто это помогает мне сосредоточиться на чем-то другом.

Финн кивает. — На чем-то, кроме бесчисленных учебных нагрузок.

— Именно.

Эмилия зовет Финна, как только мы переступаем порог.

— Не могу дождаться, чтобы увидеть фотографии. — Он подмигивает мне и идет за мамой в гостиную.

Ксавьер берет меня за руку и без единого слова провожает наверх, в нашу спальню. Дверь закрывается за нами. И тут же его тело прижимается к моему, когда он прижимает меня к стене. Его голова опущена, глаза устремлены на меня. Одна из его рук хватается за подбородок.

— Не позволяй Финну так с тобой флиртовать, — пробормотал он, ошеломляя меня.

Я хмурюсь. — Он не флиртовал со мной. Мы просто разговаривали, и поскольку ты подслушивал большую часть разговора, ты прекрасно знаешь, что он был о тебе.

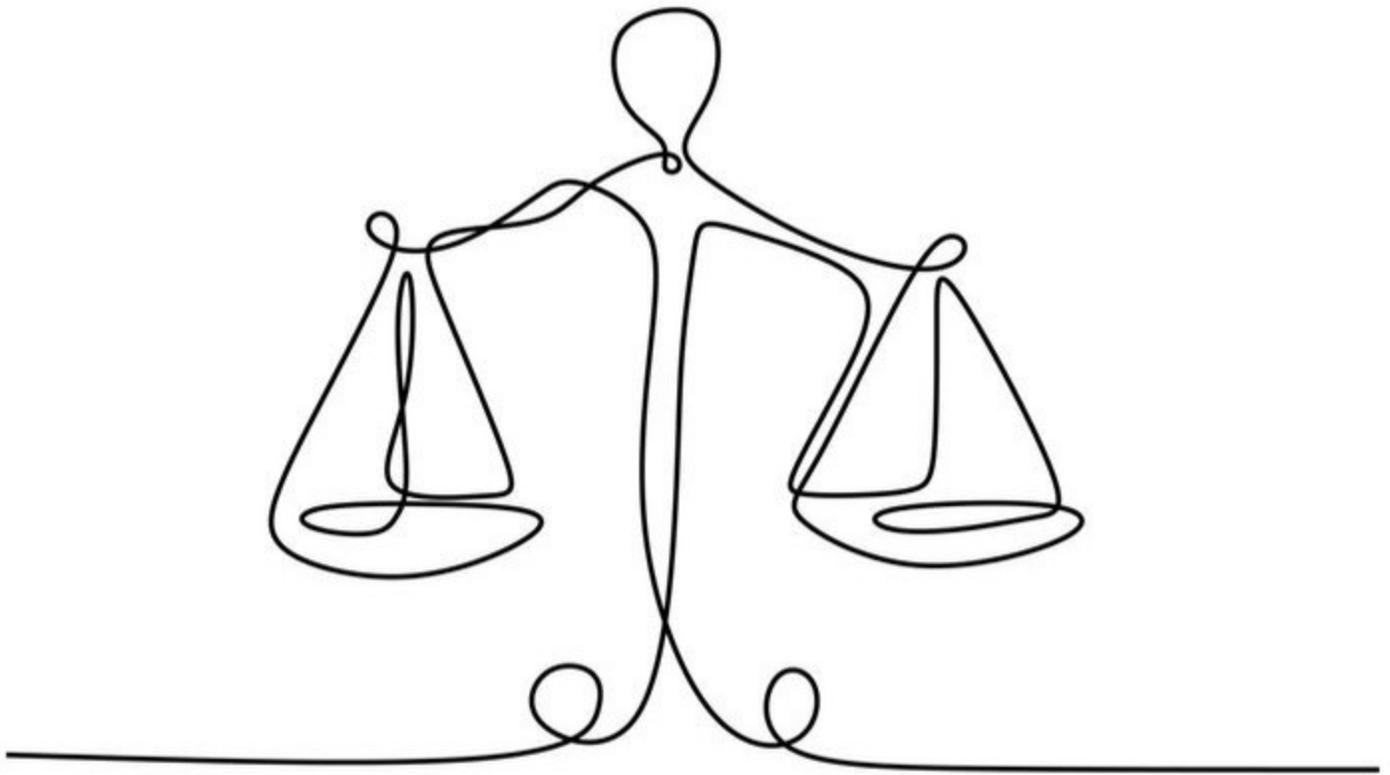
Он наклоняется. — Сначала. И да, он флиртовал. Это то, что он делает. Начинает с простых вопросов, на которые я могу поставить деньги, ответы на которые его не волнуют.

— Не ревнуй.

— Я не ревную. — Я хихикаю, потому что он лжет. Он целует меня резко, как будто пытается заставить меня поверить в свои слова. Я целую его в ответ с такой же силой. — Ты моя. Только моя.

Да, это так.

Тея

Я не могу выбросить из головы вчерашний разговор с Эмилией. Сегодня Финн упомянул мне об агрессии Ксавьера, что было не менее странно. Поэтому, когда наступает вечер и Эмилия решает пойти в свой зимний сад на задней стороне дома, чтобы полить растения, я тоже иду.

Возможно, это не мое дело — знать все, если Ксавьер не считает нужным мне об этом рассказывать, но я должна спросить. Я всегда хожу туда-сюда в своих чувствах — как и сказала Эмилия. Незнание Ксавьера в полной мере, может быть тому причиной.

Пока Эмилия поливает растения и цветы, их здесь много, я пытаюсь придумать, как подойти к этой теме. Я не хочу показаться любопытной девчонкой, которая просто не знает границ. Тем более что я только познакомилась с семьей. Если разговор будет из разряда тяжелых, то, возможно, будет бесчувственно даже начинать его. Если это что-то, о чем знает только семья.

Может, Уилл знает больше?

Я подумал о том, чтобы сначала позвонить брату. Было бы проще выяснить это, не спрашивая маму Ксавьера. Однако если это окажется что-то, о чем не знает даже его лучший друг, было бы плохо распространяться об этом. Кроме того, Уилл не хочет говорить о Ксавьере, да и вообще он почти не разговаривает со мной, так что это не то, что я могу

сделать.

Я вздыхаю, понимая, что нет другого выхода, кроме как спросить Эмилию.

— Могу я спросить тебя кое о чем? — начинаю я, глядя на нее, когда она убирает лейку.

Она улыбается мне, кивая. — *¡Por supuesto!* (прим. с испан. «Конечно») Что такое?

Наступает пауза. Я чувствую, как мое сердце бьется быстрее. Мой рот открывается. —

Что случилось с Ксавьером? — спрашиваю я наконец.

Эмилия садится на деревянную скамейку в центре сада.

— Ты сказала мне, что он изменился в детстве, и что ты не удивишься, что бы я тебе ни рассказала.

Она снова кивает, выдыхая воздух. Затем она указывает мне на место рядом с собой, чтобы я села. Я сажусь. Мои руки слегка дрожат. Неужели я спросила это в дурном тоне?

— Если ты не хочешь говорить об этом, ничего страшного. Я знаю, что это не мое дело и...

— Ксавьер — это определенно много всего. Но я вижу, что он любит тебя, так что это твое дело, — говорит она. — И я знаю, что он вообще не говорит об этом. Он никогда бы не поднял эту тему. Кроме того, спрашивать об этом тоже не всегда хорошо. Даже в нашей семье это как большой слон в комнате, когда кто-то вспоминает о прошлом, о детстве мальчиков.

Я жду, пока она продолжит, стараясь не торопить ее.

— Когда Ксавьер был ребенком, он часто играл с Лео Кэмпбеллом. Они были лучшими друзьями с детского сада. Всегда вместе, всегда попадали в неприятности. — Она улыбается при этой мысли. Сегодня я встретила Кэмпбеллов. Хотя только родителей и их дочь-подростка Лолу. Мистер Кэмпбелл участвовал в матче. Очень приятные люди. — Они ходили на озеро, которое находится в нескольких километрах дальше парка, где мы были сегодня.

То, как ломается ее голос при упоминании озера, заставляет меня перестать дышать.

— Можно сказать, что мы были очень безответственны, отпуская их туда. Но им больше нравилось сидеть у озера, играть в игры, чем думать о том, чтобы искупаться там. Кроме того, мы всегда говорили им, что не стоит этого делать, если рядом нет взрослого, чтобы проконтролировать. Они были проблемными, но всегда слушались нас. — Она сглатывает. — Однажды они ушли, чтобы встретиться с другими детьми из соседнего района. Их не было почти весь день, пока не начало темнеть. Когда мы с Джошуа сидели в гостиной, мы услышали крики Ксавьера, который звал нас. Он прибежал домой и сказал нам, что Лео упал в озеро и не может выбраться. Мы побежали, и Джошуа прыгнул туда, куда сказал ему Ксавьер. Он вытащил Лео на поверхность, но...

Она подавилась воздухом, слезы начали бежать по ее щекам, и я чувствую, как мои наворачиваются на глаза.

— Он был бледным. Это был сентябрь, поэтому вода была холодной. Он не дышал, и искусственное дыхание не помогало. Я вызвала скорую помощь. Они забрали его.

Ей не нужно заканчивать, чтобы я знала, чем все закончится. Лео не выжил. Он не мог, судя по тому, что сказала Эмилия. Если он упал в озеро, которое находится в нескольких километрах от их дома, и Ксавьер побежал за ними, но на это нужно время. Под водой недолго потерять дыхание, холод тоже не помогает.

И все это видел и пережил девятилетний Ксавьер. Он видел, как погиб его лучший друг, когда он был еще ребенком.

— После этого Ксавьер стал агрессивным. Он дрался с другими детьми, ругался с учителями и даже с нами. Мы отправили его к психологу, потому что не знали, как ему помочь. Он не рассказывал ни о том несчастном случае, ни о том, что он видел. Он даже не плакал и не показывал никаких эмоций. Только гнев. Ярость, я бы сказала.

Я видела агрессивную сторону Ксавьера, когда он избил парня, когда я начала учиться в Кембридже. Хотя в любое другое время он прекрасно себя контролировал.

— Это помогло, не так ли? Эти визиты, — мягко говорю я, сжимая руку Эмилии. Я вижу, что она все еще вспоминает тот момент, и это причиняет ей боль.

— И да, и нет. Психолог — наш хороший друг. Он предложил дать Ксавьеру выход его чувствам, не заставляя его говорить. Это просто заставит его полностью замкнуться.

Я вспомнила слова Финна, сказанные ранее.

— Он начал играть в футбол.

Эмилия кивает. — Это точно уменьшило его агрессивное поведение. Настолько, что он никогда не использовал его против меня или Джошуа, или своих братьев. Но оно не исчезло полностью. В какой-то момент ему даже стало трудно сосредоточиться на чем-то или заснуть. Поэтому врач прописал ему лекарства. Он попробовал несколько, но только диазепам, казалось, сработал. Он был достаточно взрослым, чтобы попробовать его. Каким-то образом это очень помогло.

Таблетки. Маленькие, которые Ксавьер всегда держит под рукой. Те, которые он давал мне уже дважды. Те, названия которых он не хотел мне говорить.

Теперь все это имеет смысл.

Если бы он сказал мне, что это за таблетки, я бы начала задаваться вопросом, зачем он носит с собой такое лекарство. В конце концов, это не обезболивающее. Он не хотел, чтобы я спрашивала, потому что это привело бы к тому, что он рассказал бы мне точно такую же историю, как сейчас его мама.

Я сглатываю. — Он когда-нибудь рассказывал о том дне?

— Нет. Чарли и Финн говорят, что он несколько раз упоминал Лео то тут, то там, но никогда не вдавался в подробности. Мы думали, что это нездорово, но наш друг сказал нам, что Ксавьер просто вытеснил воспоминания, и заставлять его говорить об этом, когда он не готов, было бы катастрофой, которая только и ждет, чтобы случиться. — Она вздыхает. — Вот почему мы никогда не настаивали.

Мы молчим некоторое время. Это подавляет, просто думать об этом. Я могу только представить, каково это для Эмилии, Джошуа или Ксавьера, которые испытали это на собственном опыте. Или Кэмпбеллы, которые потеряли своего сына таким молодым. Они выглядят счастливыми, но такая боль не проходит. Это просто невозможно. Поэтому они все должны скрывать это. И Ксавьер тоже.

Эмилия смотрит на меня. — Он никогда ничего не говорил тебе, да?

— Нет. К сожалению, не говорил, — я делаю паузу. — Диазепам безопасен?

Я не занимаюсь медициной, поэтому мои знания о наркотиках и их действии ограничены.

— Он может вызывать привыкание. Чем дольше вы его принимаете, иногда возникает ощущение, что вам нужно принять больше, чем раньше.

Мои мысли бегут со скоростью тысяча миль в час. Я никогда не видела, чтобы Ксавьер принимал его сам. Да, он брал его в библиотеку и на вечеринку, что означает, что он носит его с собой, но я не могу вспомнить ни одного момента, когда он принимал его, когда я была

рядом. Если бы у него была зависимость, ему было бы все равно, не так ли?

— Ксавьер говорит, что он редко принимает его. Только когда чувствует, что это необходимо, но не так, как раньше, когда его только прописали. Я не уверена, правда ли это, но он взрослый и умный. Я предпочитаю верить ему, пока он не докажет, что не заслуживает доверия.

Я слегка улыбаюсь, снова сжимая ее руку. — Если тебе станет легче, я думаю, он говорит правду. Я вообще не вижу, чтобы он их принимал.

— Я рада. Он через многое прошел, и ему и так каждый день нужно работать над собой. Ему не нужно больше проблем. — Я согласна. Сейчас, как никогда, я знаю правду о нем и о том, почему он такой, какой он есть. По крайней мере, ментально. — Ты хорошо на него влияешь.

Я?

Честно говоря, я не уверена. Он не говорит ни о чем, что его беспокоит. Это он должен знать больше, помогать мне преодолевать мои ограничения. Так в каком смысле я влияю на него? Он не хочет, чтобы я знала о смерти Лео.

— Так и есть, — говорит Эмилия, словно пытаюсь убедить меня. — Я видела, какие вы оба. Ты смотришь на него так же, как он смотрит на тебя. С такой любовью и восхищением. И он, кажется, больше улыбается с тобой.

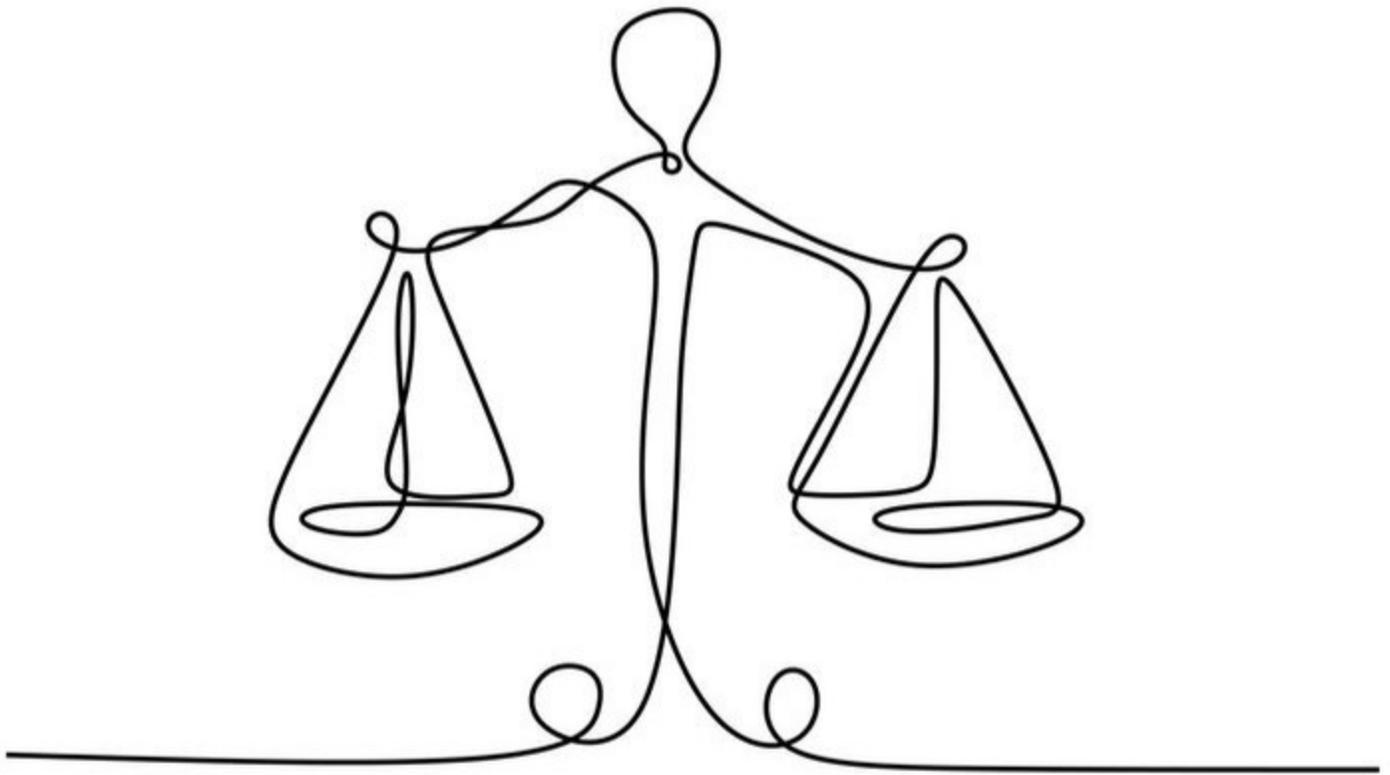
— Ты сказала, что Ксавьер притворяется в своем поведении с тобой.

— Но я также знаю, когда в нем происходят хоть небольшие изменения. Я видел Ксавьера на всех этапах его жизни, Тея. Когда он был ребенком до инцидента, сразу после, когда он начал посещать психолога, и после. Я говорю тебе, потому что знаю. Он любит тебя настолько, что даже ревнует к Финну.

Мои глаза расширяются.

Она смеется. — Финн сказал мне, что Ксавьер не мог перестать смотреть на тебя, когда вы разговаривали после матча. А он знает дружелюбный характер Финна, так что обычно ему все равно.

Тея

В доме уже стемнело, когда я наконец поднялась вверх в спальню, которую делю с Ксавьером. Все кажется тихим и безмятежным. Подойдя к двери, я поворачиваю ручку и вхожу, из ванной комнаты доносится запах сильного мужского геля для душа.

Ксавьер выходит из ванной на звук моих шагов, его взгляд останавливается на мне. Он одет в черные спортивные штаны. Его грудь все еще блестит от капель воды. Его волосы тоже немного влажные. Должно быть, он принял душ. Я мягко улыбаюсь, мое сердце учащенно бьется. Каким-то образом разговор с его мамой дает мне больше душевного спокойствия, когда речь заходит об отношениях. Возможно, не полностью, поскольку все еще остается вопрос о том, что он не совсем верен, но достаточно, чтобы я не винила себя за то, что осталась с ним. Я понимаю, что детство Ксавьера не должно заставлять меня хотеть остаться, потому что то, что у нас есть, все еще токсично, и я, вероятно, глупа, но я также не хочу уходить.

Знание того, через что он прошел, дает мне больше понимания того, кто он такой, и, возможно, просто возможно, я смогу общаться с ним лучше. Постоять за себя, не разрушая все.

Я подхожу к своей спортивной сумке и открываю ее, доставая небольшой пакет. Я чувствую на себе взгляд Ксавьера, который неотрывно следит за каждым моим движением,

пока я не оказываюсь перед ним.

— Держи, — говорю я, протягивая руку.

Он хмурится, смотрит сначала на пакет, а потом снова на меня. — Что это?

— С днем рождения.

— Мне ничего не нужно, *Меллилла*. Я не умею принимать подарки. — Это я поняла, когда никто в семье не сделал ему подарок. Эмма сказала мне, что он не хочет подарков на свой день рождения.

— Очень жаль. У меня есть один для тебя, но не волнуйся — ничего особенного.

Он берет у меня подарок и держит его с ухмылкой. — Ясно, — бормочет он.

Усмешка срывается с моих губ, когда я слегка толкаю его в грудь. — Заткнись. Ты прекрасно знаешь, что я имела в виду.

Он закатывает глаза, но все равно разворачивает бумагу. Внутри в рамке фотография Ксавьера, одетого в свою обычную черную футболку и джинсы, с книгами в руках и прижатыми к бедру. Он стоит у стены нашего колледжа и улыбается. Ямочки на его щеках хорошо заметны, а складки в уголках глаз настоящие.

— Это первая фотография, которую я сделала с тобой. Это было примерно через месяц после нашего знакомства. Как раз перед тем, как ты начала появляться везде, куда бы я ни пошла. Я не смогла удержаться и сделала этот снимок своей камерой. Я хочу, чтобы она была у тебя.

— Почему?

— На обратной стороне я написала все, что никогда не говорила, но о чем ты, наверное, все равно знаешь. Я не хочу, чтобы кто-то читал это. Никто, кроме тебя. Но это важно для тебя. Мне нравится видеть тебя таким, какой ты на этой фотографии. Так счастлив и по-настоящему проявляешь себя с лучшей стороны, — говорю я ему. — Я понятия не имею, Ксавьер. Я просто подумала, что пришло время высказаться, потому что один из нас должен начать говорить правду, если мы хотим выжить.

Ксавье наклоняется, его щетина трется о мой лоб. — Я всегда говорю тебе правду. — Он откладывает фотографию в сторону. — Ты просто не веришь мне.

— Потому что между твоими словами есть действия, которые не очень хорошо сочетаются. Ты многое держишь в себе. Твое детство, чувства, переживания и... — Я сразу же останавливаюсь, понимая, что сказал слишком много.

Хотя Ксавьер подхватывает мои слова. На его лице мелькает замешательство, а затем осознание. — Что тебе рассказала моя мама?

Я не отвечаю. Сглотнув, я смотрю вниз на свои руки.

Тяжело дыша, он зажимает мой подбородок между указательным и большим пальцами, заставляя меня посмотреть на него. Его глаза темные, напряженные. Он знает.

— Она рассказала тебе о Лео.

Это не вопрос. Это утверждение. От которого я просто не могу избавиться. Ксавьер все равно не позволит мне.

Поэтому я киваю, подтверждая его подозрения.

Я закрываю глаза, ожидая внезапного всплеска агрессии. Я слышу, как учащенно бьется его сердце, как будто оно вот-вот выпрыгнет.

Прежде чем я успеваю сделать очередной вдох, он прижимает меня спиной к стене, подхватывая одной рукой под задницу. Я визжу от этого движения и хватаюсь за его плечи, по привычке обхватывая ногами его талию. Его член настойчиво протискивается между

моих раздвинутых ног.

Его руки срывают ткань моей рубашки с моего тела, пока она не падает на пол двумя кусками. На мне остается только белый кружевной лифчик. Но и он недолго остается на мне, так как он разрывает и его. Весь гнев выливается в эти движения. Обычно мне бы это не понравилось, но пока он не хочет со мной спорить, потому что его мама мне все рассказала, я не против. Моя грудь открыта его взгляду, соски сразу твердеют, когда я чувствую холодный воздух на своей коже.

Одним быстрым движением он захватывает их, и я чувствую его от кончиков пальцев до самой киски. Я упираюсь бедрами в его стояк. Пристально глядя на него, я хватаю его за волосы на затылке и дергаю их. Так, как, я знаю, он любит.

Низкий, грубый хрип вибрирует в его горле.

Я ухмыляюсь, прикусив губу от этих звуков.

Он сжимает мои соски вместе, его большие пальцы играют с моими сосками. Это почти больно в самом лучшем смысле этого слова. Я чувствую, что мое нижнее белье становится все более влажным с каждой секундой. Такой близости я жаждала с тех пор, как увидела его игру в регби сегодня.

— Черт возьми, — стону я, откидывая голову назад. Он сжимает мое горло, пульс под его большим пальцем бьется энергично.

Он улыбается, показывая свои ямочки. Ксавьер невероятно привлекателен, это должно быть преступлением. Быть умным и красивым, и таким чертовски уверенным в себе... Это плохо для меня, потому что я не знаю, как противостоять его обаянию. А у него все это есть.

— Я специально ничего тебе не говорил, Тея, — ворчит он. Его губы так близко к моим. — Ты просто всегда должна быть лучшей и все знать, не так ли?

Я спросила не поэтому. В первый раз это была не моя конкурентная сторона, пробивающаяся сквозь мои мотивы.

Я все равно не отвечаю.

Мои руки продолжают исследовать его голую грудь. Ногти впиваются в кожу с дополнительным давлением. Они оставляют следы.

— Я люблю тебя, — говорю я вместо того, чтобы ответить ему.

— О, я знаю это очень хорошо, любимая, — отвечает он, прямо перед тем, как накрыть мой рот своим, прижав меня еще больше к стене. Его язык скользит по моему, а руки все еще находятся на моей груди, играя с ней. Его член почти до синяков впивается в мой клитор даже через одежду.

Мои пальцы ног подгибаются от интенсивности момента. Волны оргазма проносятся через мое тело, пытаюсь вырваться наружу. Это почти невероятно, что так мало может заставить меня чувствовать так много. Как будто я могу кончить от одного только толчка и нескольких прикосновений к соскам.

Тяжело дыша, он разрывает наш поцелуй, прислоняясь лбом к моему.

— Я зол, — шепчет он. — Но я не хочу трахать тебя. Я хочу заняться с тобой любовью, чтобы ты наконец поверила мне.

Затем он медленно прижимается своим ртом к моему, захватывая мою нижнюю губу между зубами, натягивая ее. Его руки вцепились в мои волосы, удерживая мое лицо, пока он целует меня. Он выливает все в этот поцелуй. Всю любовь, в которой я иногда сомневаюсь. Всю веру в нас, которой мне иногда не хватает. Все, в чем я никогда не уверена до конца. Во всем.

Поцелуй Ксавьера — это огонь, бегущий по моим венам. Тот, что согревает каждую маленькую частичку внутри меня, чтобы я почувствовала себя полной. Вся тьма внутри меня закрывается, и свет заполняет пространство. На тот единственный момент, когда его рот касается моего.

— Я влюблен в тебя, Тея, — выдыхает он. — Так влюблен, что это кажется нереальным.

Я чувствую, как мои глаза вспыхивают, и я обхватываю его шею руками, когда он несет меня на кровать. Он нежно укладывает меня на матрас, и я прижимаюсь спиной к мягкому, холодному покрывалу. Он нависает надо мной, как будто пытается запомнить каждую часть моего тела.

Его большой палец проводит по моим губам.

Дразня, я приоткрываю их и втягиваю его. Простой вкус геля для душа остается на кончике моего языка.

Глаза Ксавьера темнеют от этого жеста. — Не надо, Тея. Пока я не потерял контроль.

Я беру его глубже, прежде чем отстраниться. Ухмылка ползет по моим губам. — Твой контроль — всего лишь иллюзия.

Помогая ему, я расстегиваю джинсы и двигаю бедрами, чтобы снять их. Его пальцы хватаются за талию, и он спускает их с моих ног, бросая на пол. То же самое мы делаем с его спортивными штанами.

Он наклоняется ко мне, его губы касаются кончика моего уха. — Я сделаю для тебя все, что угодно, — говорит он мне. Это звучит как яростное предупреждение.

Я думаю о Сэмюэле и той ночи.

Он убил его?

Я не помню.

Я слегка качаю головой.

И мне сейчас все равно.

— Я знаю, ты бы это сделал, — выдыхаю я.

Мои глаза вспыхивают, когда я смотрю на Ксавьера. Он стоит на коленях между моих ног, подведя мои ступни к краю кровати. Его взгляд устремлен на меня, но его пальцы находят путь к моим трусикам. Он разрывает их, как и другую мою одежду. Кончики пальцев скользят по моей киске.

— Такая мокрая для меня.

Я запускаю руку в его волосы, стон срывается с моих губ.

Тепло его дыхания ложится на мои складочки, а затем его рот смыкается на них.

Моя спина выгибается, пальцы крепко сжимают его волосы. Волна возбуждения омывает мое тело. Он пожирает меня своим языком, погружаясь внутрь. Тонкие стоны, когда он пробует меня на вкус, делают это еще лучше. Особенно когда они смешиваются с моими неконтролируемыми стонами.

Он добавляет свой большой палец, энергично потирая мой клитор. Он ест меня почти так, как будто это все, что он когда-либо хотел сделать в своей жизни.

У меня нет сравнения с кем-то еще, поскольку Ксавьер был моим первым и единственным, но я не могу представить, чтобы кто-то заставлял бы меня чувствовать себя так. Или быть лучше, чем он, не торопиться с моей киской, играть со мной, как ему нравится.

Мне это чертовски нравится. Быть съеденным — это не то же самое, что заниматься сексом. Два отдельных, прекрасных чувства. Даже прикасаться к себе не так хорошо после

того, как на тебе был чей-то рот. Особенно рот Ксавьера.

Крепче вцепившись в его волосы, я прижимаю его губы ближе.

Мои бедра ритмично двигаются, когда я еду на нем. Мне нужно почувствовать все это.

Больше.

Больше.

И еще больше.

— Ты такая вкусная, любимая. — Я обожаю, когда он грязно со мной разговаривает. Его низкий, хриплый голос, когда он говорит мне, что делать или что происходит. Возможно, это единственный момент, когда он всегда готов поделиться своими мыслями.

Его язык скользит по моему клитору во всех направлениях, и я реагирую на каждое изменение. Пытаться сдержать крик совсем не просто. Я закрываю рот предплечьем, изо всех сил приглушая звуки.

Каждая секунда приближает меня.

Я двигаю бедрами все быстрее, все яростнее, пока не кончаю на него. Усталость наваливается на меня, мое дыхание становится поверхностным. Но это удивительное истощение.

Я облизываю губы, когда он перемещается к моему лицу. Его глаза напряжены, он внимательно наблюдает за мной. Его губы влажные от моих соков, и это заставляет меня зацепиться рукой за его шею и притянуть его ближе. Я целую его, пробуя себя на вкус. Почему-то так всегда лучше, чем когда я иногда облизываю свои пальцы.

— Прекрасно, — шепчет он, поднимаясь на колени.

Он достает свой член из боксеров. Мои ноги раздвинуты, что дает ему лучший доступ. Кончик входит в мои складочки. Я принимаю его в себя, все глубже и глубже. Мой рот открывается, мои стенки сжимаются и разжимаются, чтобы принять его. Он обжигает, прежде чем доставить удовольствие. Когда он входит полностью, я смотрю на него.

Соски задевают его грудь, когда он снова входит в меня с такой силой, что это подталкивает меня к лучшему. Мои руки скользят к его плечам, груди подпрыгивают от грубого движения. Укол удовольствия заполняет меня до самого основания. Мышцы сжимаются вокруг него, пятки впиваются в его задницу. Я пытаюсь прижать его к себе как можно ближе. Ощутить каждую частичку его сильного, идеальной формы тела.

Он мурлычет мне на ухо грязные слова, но все, на чем я могу сосредоточиться, это вибрация его голоса в моих ушах. Одно это подводит меня к краю, угрожая столкнуть меня с него. Когда Ксавьер говорит со мной в обычных ситуациях, это действует на меня как шарм. В постели он отправляет меня в пучину оргазмов, наслаждений и всего того, что я не должна чувствовать с ним. Но я чувствую.

Моя голова почти не работает, мой разум гипер-тревожен только Ксавьером.

Он целует мою шею, лижет ее до самых ключиц.

— Кончи для меня, *Меллилла*.

Он делает толчок, и его рот снова оказывается на моем. Одна его рука находится возле моей головы, дергая простыни, когда он поддерживает себя, а другая направляется к моей киске. Он обводит мой клитор каждый раз, когда вытаскивает его, а затем сильнее сжимает большим пальцем, когда вводит. Это приносит максимальное удовольствие.

— Трахать тебя и видеть, как тырываешься на части — мое самое любимое занятие.

Моя киска сжимается, и еще один толчок, и я разваливаюсь на части с приглушенным криком в рот Ксавьера, так как он проглатывает большую часть. Мое тело содрогается, грудь

быстро поднимается и опускается.

— Не своди с меня глаз, — требует он в тот момент, когда я закрываю глаза. Они тут же открываются. Его голос суров. И с этим он увеличивает темп, вбивая свой член в меня. В этот момент он медленно теряет контроль.

В глазах темнеет, теперь он стал грубее, чем раньше. Боль пронзает меня насквозь, и мне это нравится. Я чувствую себя уязвимой, лежа там голой. Ксавьер, несомненно, видит это в тот момент. Истинное соединение наших сердец сейчас — это всплеск чего-то более глубокого, но и более грубого. Он прижимает меня к себе, его пальцы под моими бедрами, оставляя синяки. Гнев и грубость возвращаются.

Он прикусывает мои губы, пуская кровь.

Толчки звериные, дикие и неконтролируемые.

— Ты блядь, моя, Тея. Никогда не думай иначе. — Он трахает меня глубоко в кровать. Матрас прогибается под его тяжестью. — Не позволяй никому из моих братьев флиртовать с тобой, и никому другому.

Я выдыхаю, постанывая.

— Ксавьер.

Его член полностью в моей киске. Он шлепает по ней, вытаскивая и снова входя. Я выгибаю спину. — Эта песня киска, эти сиськи и все остальное — мое.

Мои стенки сжимаются.

— Не спрашивай, блядь, мою семью обо мне. Если я захочу рассказать, я расскажу.

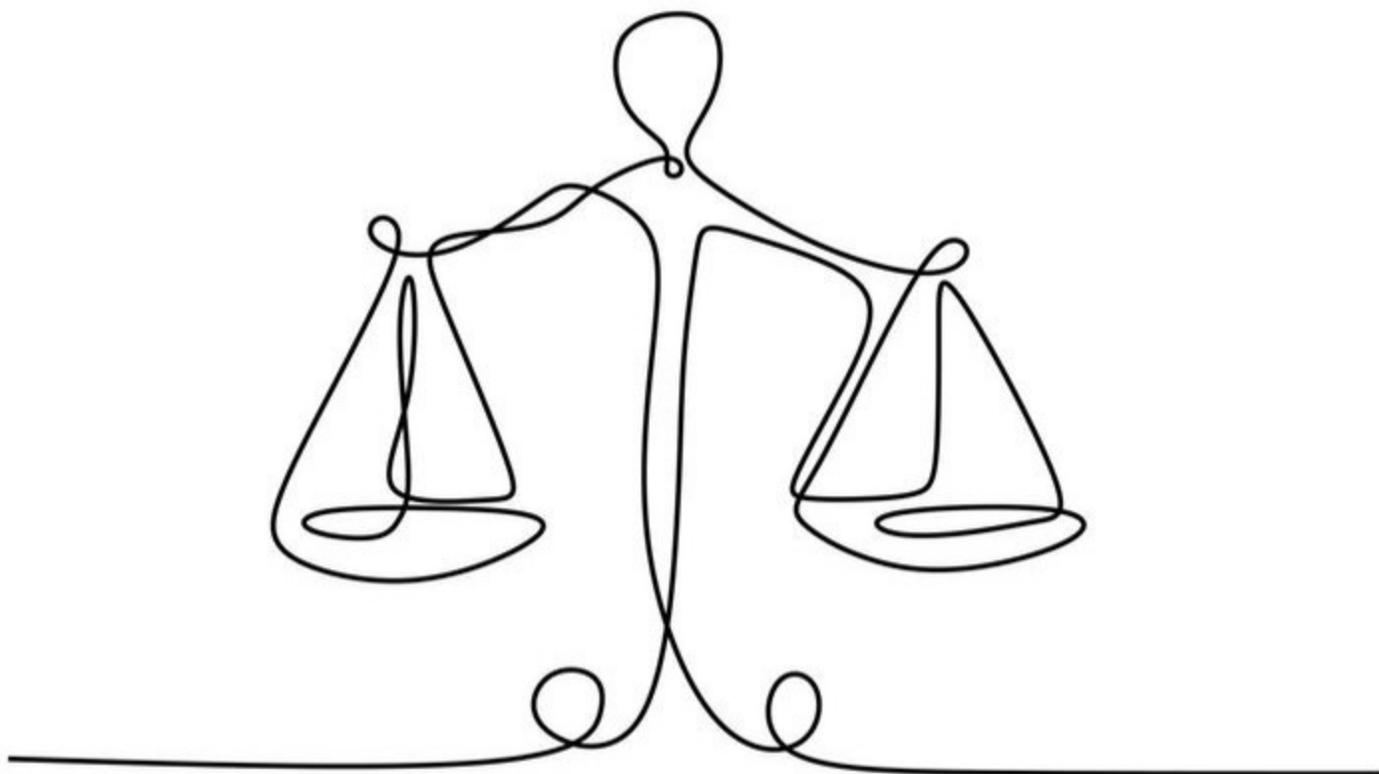
Слезы наворачиваются на глаза. Не из-за слов. Я знала, что он будет злиться, что я знаю. Это из-за тона его голоса. Сейчас я не чувствую любви, и это наводит на меня страх, если то, что было несколько минут назад, было лишь притворством.

— Я никогда не отпущу тебя. — Я чувствую горячую жидкость внутри себя, когда он кончает. Он стонет мне в ухо, учащенно дыша. Этот взгляд в его глазах, чистое желание, толкает его дальше. Но он замедляется, его хватка уже не такая сильная, как раньше. Затем он прижимается к моей щеке, проводя большим пальцем по губам. — Если ты хочешь что-то узнать, спроси меня. Только у меня.

— Хорошо, Ксавьер.

Я наблюдаю за мышцами и выступами на его теле, пока он стоит на коленях по обе стороны от меня. Он смотрит на меня сверху вниз. — Совершенно моя.

Ксавьер

Я избегаю маму все утро. Вчера вечером она рассказала Тее о смерти Лео, так что сегодня она будет более эмоциональна. И если она решит еще раз упомянуть об этом, я точно сойду с ума. Люди ни хрена не понимают, что мое молчание об этом означает лишь то, что мне уже наплевать.

Итак, мой лучший друг детства умер...

Прошло двенадцать лет.

Двигайся. Блядь. Дальше.

Я все еще злюсь на Тею за то, что она выискивала информацию. Когда она дала мне ту фотографию, я сразу понял, что что-то изменилось. Она смотрела на меня с жалостью, а я с этим не справляюсь. Я поддался гневу, когда обещал себе, что не буду этого делать. Сначала я пытался сдерживаться, потому что, в конце концов, Тея — мой человек. Потом она стала слишком уязвимой после того как кончила, и я просто сорвался.

Момент слабости.

Ошибка с моей стороны.

И я остановил себя. Это уже что-то значит, не так ли?

Одна хорошая вещь, которая вышла из этого, это то, что она наконец-то заснула, обессиленная после всего дня — больше всего от того, что я вытрахал из нее забвение. На

этот раз я был единственным, кто ворочался, слушая ее тихий храп.

Ранним утром я провожу время в гостиной, читая конспекты по лекции по банковскому праву, пока не слышу маму на кухне и, чтобы избежать ее, иду в кабинет отца.

Там спокойно, пока Чарли не решает зайти.

Его глаза останавливаются на мне, прежде чем он проходит дальше в комнату и закрывает за собой дверь. — Неужели так трудно было вернуться домой?

Он все еще думает, что я не ответил ему, потому что не хотел проводить свой день рождения с семьей. Это правда. У меня были планы остаться в Кембридже и ничего не делать с Теей. Это первый день рождения, когда я знаю ее, и я нахожусь в одном городе с ней. Ехать домой не входило в мои планы, пока она не увидела сообщение, и мне пришлось изменить свой план.

Я не уверен, жалею я об этом или нет.

— Я уже говорил тебе. Я тонул в заданиях. Вот почему я не написал тебе ответ. — Впрочем, ему не обязательно знать истинную причину.

Чарли пожимает плечами, прислонившись к столу отца. — Мне нравится Тея, — говорит он, и как по команде мои глаза устремляются на него, и я захопываю блокнот. — Ух ты, успокойся. Я имел в виду, что она тебе подходит.

Я выдыхаю. Мне не нужен еще один из моих братьев, флиртующий с ней.

Он усмехается. — Финн был прав. Ты действительно думаешь, что он на нее запал.

Нет. Больше нет. Но я думаю, что Финн очень похож на меня, за исключением того, что он замкнут. И это единственное, чего Тея не получает от меня так часто. Я боюсь потерять ее, если Финн будет больше с ней общаться.

— Я не боюсь, — бормочу я.

— Ты ведь понимаешь, что он никогда бы не стал преследовать того, кто тебе так дорог, верно?

Я молчу, выражение моего лица не меняется.

— Ладно, я не собирался об этом говорить, но мама рассказала Тее об аварии.

— Я знаю. — Чарли обычно тот человек, на которого я могу положиться в том, что он ничего от меня не скрывает. Мне это нравится. — Что такого в этой семье, сующей свой нос куда не следует?

— Это называется любовь, мудака. Тебе стоит иногда пробовать.

— Я действительно кое-кого люблю.

— Слава Богу, впервые у тебя есть настоящее имя для этого, кроме тебя самого.

Я усмехаюсь. — И кто теперь мудака?

Чарли улыбается. Мы всегда ссорились друг с другом из-за мелочей. Это просто наша манера. Наверное, это хорошо, что мы не те люди, которые обижаются из-за всякого дерьма.

— Обращайся с Теей правильно, хорошо? — говорит он. — Нетрудно заметить, что ей не все равно. То, что она знает о Лео, может быть к лучшему.

— Значит, она может жалеть меня, потому что бедный девятилетний мальчик потерял друга? Кэмпбеллы двинулись дальше, так почему вы все не можете? Почему эта тема все еще актуальна?

— Потому что ты так и не сказал ни слова о том дне.

— А что тут говорить? Мы играли, и он слишком сильно размахнулся и упал. Я замерз, потому что не умею хорошо плавать, пошел за нашими родителями, а когда мы вернулись, он был мертв.

Чарли закатывает глаза. — Ты прекрасно знаешь, что мы имеем в виду твои чувства по этому поводу. А не события в деталях. — Я качаю головой. У меня нет никаких чувств по этому поводу, черт возьми. — Слушай, я не прошу говорить с нами, но раз уж Тея знает, может, поговоришь с ней?

— Ей не нужно знать больше.

— Нет, нужно. Ты не самый легкий человек для близости, Ксавьер. Тот факт, что ты чувствуешь себя так неуверенно при мысли, что Финн мог флиртовать с Теей, означает, что ты боишься потерять ее. Если ты отгородишься от нее, то потеряешь. И это будет не вина Финна или мамы. Виноват будешь ты. Так что вытащи свои чувства из того темного места, куда ты их затолкал, и убедись, что ты не испортишь все это, — он делает паузу, указывая пальцем на стену, где висят наши фотографии. — Не помешало бы пригласить ее и на Зимний юридический бал.

Зимний юридический бал организуется каждый год в декабре юридическим обществом Кембриджского университета, в котором состоим и я, и Тея. Как и большинство других студентов юридического факультета. Я был на первом балу с одной девушкой с нашего курса. Было весело, но не настолько, чтобы я планировала пойти в этом году.

Чарли и Финн ездили каждый год, как показывают фотографии на стене.

Не такая уж плохая идея взять с собой Тею. Я знаю, что в прошлом году она ходила с Офелией.

— Какая тема в этом году? — спрашивает Чарли.

Всегда есть тема. Некоторые звучат интересно, некоторые — крайне скучно.

— Казино Рояль.

Это совсем не плохо.

***

Я встречаюсь взглядом с Теей, пока жду ее на крыльце. Сигарета между моими пальцами почти докурена. Я делаю последнюю затяжку и раздавливаю ее о кирпичную стену.

Тея стоит в стороне, пока я выпускаю дым. Ей не нравится, когда я курю, но она больше не говорит мне, как это вредно для здоровья. Мы все должны от чего-то умереть. Рак легких — лишь один из вариантов.

— Что мы здесь делаем? — спрашивает она, когда я беру ее руку, переплетая свои пальцы с ее. У нее через плечо фотоаппарат. Я не уверен, что это стоит запечатлеть, но я молчу.

Я веду ее за пределы участка моих родителей и вниз по дороге к парку, где мы вчера играли в регби. Теперь, когда мой день рождения уже позади, мы наконец-то можем побыть здесь наедине, прежде чем возвратиться в Кембридж сегодня днем.

— Я веду тебя туда, где это случилось, — говорю я, и она застывает. Ее глаза расширились, потому что она не ожидала, что я продолжу эту тему. Честно говоря, я и не собирался этого делать, пока Чарли не привел веские доводы в пользу того, что я потерял ее раньше.

— Почему?

— Ты хочешь знать, верно? — Она кивает. Я сокращаю пространство между нами, обхватывая ее щеку. — Я не умею говорить словами, Тея, когда дело доходит до таких вещей. И меня это не волнует. Но если ты хочешь знать, я скажу тебе.

Она тяжело сглатывает, но делает еще один шаг, и мы идем через парк к каменистой

дороге, ведущей к озеру. Я не был там последние два года, но этот путь я не забуду.

Ветер дует в нашу сторону. Сегодня холодно, но, по крайней мере, дождя пока нет. Я не хочу торчать здесь в сырости, и я не хочу, чтобы Тея заболела.

Мы пробираемся через кусты, чтобы сократить путь. Насколько я вижу, кустами давно не пользовались, поэтому они немного заросли. Тем не менее, Тея не против испачкать свою куртку, что мне в ней нравится. Она не жалуется на это.

Вскоре мы оказываемся у озера. Оно большое и глубокое. Я плавал в нем несколько раз, но, зная о рыбе, обитающей в нем, я не вижу в этом ничего привлекательного. И это всегда заставляет меня думать о папе, выныривающем из озера с холодным, мертвым Лео на руках.

— Мама уже рассказала тебе подробности?

Тея смотрит на озеро, погруженная в свои мысли. — Она рассказала мне со своей точки зрения о том, что произошло, и о твоей агрессии позже.

Конечно, рассказала.

Честно говоря, что мне тогда ей сказать?

— Откуда взялась ваша агрессия? — спрашивает она, как будто понимает, что я не знаю, с чего начать.

— Именно здесь, в тот день, — говорю я ей, делая глубокий вдох. — Я поссорился с Лео. Я не помню, из-за чего. Скорее всего, ничего важного. Но я помню, что был очень зол, в ярости. Следующее, что я помню — он в воде, тонет.

Я все это помню. Все, кроме причины ссоры. Как будто кто-то стёр из моей памяти эту единственную вещь, и это единственное, к чему я возвращаюсь, когда думаю о том дне. Потому что это раздражает меня... Незнание.

— Вы подрались?

Я качаю головой. Лео упал в воду, потому что не смотрел, куда идет. Больше ничего такого не было. Я начал драться позже. О большинстве драк мои родители даже не знают, потому что у меня хватало ума либо как-то скрывать синяки, либо вообще не попадать под удар.

— Это было плохо. Мое психическое состояние. Я не знал, как просто злиться. Я переходил от нуля к тысяче. Или если я обнаруживал, что хоть одна часть меня все еще спокойна, я становился чрезвычайно злым. Никакого промежуточного состояния.

— Помогли ли визиты к психологу?

— Нет. Помог диазепам. Благодаря ему я каким-то образом начал контролировать себя все больше и больше.

Тея прикусила губу. Она пытается промолчать.

— Расскажи мне, — подбадриваю я ее. Если я должен вести этот разговор, то сейчас и никогда больше.

— Это плохо. Он вызывает привыкание, — говорит она. — И ты уже давал мне его раньше.

— Одна таблетка или две не изменяют ничего, кроме твоего состояния в тот самый момент, любимая. Ты была взволнована, слишком много думала и, возможно, у тебя был приступ паники. Я дал тебе их, чтобы ты могла расслабиться, — объясняю я. — И я теперь редко их принимаю. Я много работал над собой в школе, а потом в университете. Я стал лучше держать себя в руках.

В ее глазах мелькнуло понимание. — В большинстве случаев ты слишком хорош в этом.

— Ты же не хочешь увидеть, как я снова потеряю его, Тея. Поверь мне, не хочешь. У

меня голова идет кругом, когда я не сдерживаю себя.

Наступает пауза, пока мы идем вокруг озера.

Она снова сомневается в чем-то, слишком много думает. Я ненавижу это. Тея так увлечена тем, чтобы люди чувствовали себя лучше, старается всем угодить и не разозлить их, что забывает время от времени быть немного эгоистичной.

Я слегка сжимаю ее руку, возвращая ее обратно.

— Когда ты агрессивен, ты борешься, — шепчет она, и мое сердце учащенно бьется. Я знаю, к чему она клонит, и мне это не нравится.

Я разворачиваю ее, притягивая к себе за талию. Ее глаза смотрят на меня. — Я никогда не причиню тебе вреда, — обещаю я ей и знаю, что это то, что я никогда не нарушу.

Среди всех людей, которые могут вызвать во мне уродливую сторону, Тея тоже может. Наверное, больше, чем кто-либо другой. Но моя любовь к ней всегда остановит меня от того, чтобы причинить ей боль. По крайней мере, физически. Я бы никогда. Я убью себя, прежде чем сделаю это с ней.

— Я знаю, — говорит она, и мне становится легче дышать.

— Я всегда буду защищать тебя.

Я наклоняюсь и целую ее. Она целует меня в ответ.

— Я не помню, кто сделал это с Сэмюэлем, — признается она, хотя я знаю, что это не так. Тем не менее, разум не дает ей покоя, когда у нее есть на то причины.

— Ты никогда не спрашивала Офелию.

Это не вопрос. Она не спрашивала. Но я не знаю почему.

— Я не хочу знать. Знание не всегда хорошо. Иногда быть невеждою — это блаженство.

Это правда. И я бы все равно ей не сказал, так что я рад, что она не спрашивает. Мы все вместе в этом. Все остальное не имеет значения. Если только Элиас снова не взбесится из-за меня. Офелия справляется с этим, полностью игнорируя происходящее, Уилл замалчивает свою вину, Тея думает об этом, но никогда не говорит, а мне просто наплевать.

Я живу и дышу доказательством того, что не все люди хорошие, и их сознание не просто помрачено, но и безвозвратно изменено.

У меня нет вины за это. И за смерть Лео тоже.

— По-другому поводу, я хочу спросить тебя кое о чем, — меняю я тему.

Она поднимает бровь. Ее губы растягиваются в мягкую, едва заметную улыбку.

— Теодора Мур, ты пойдешь со мной на Зимний юридический бал?

— Ты хочешь пойти?

Не совсем, но я знаю, что она хочет. Время от времени ей нравится делать что-то большее, чем просто учиться и писать эссе. А бал — это лучше, чем какая-нибудь дикая студенческая вечеринка вроде той, что была на Хэллоуин.

— Я пойду за тобой.

Она встает на цыпочки, ее губы приближаются к моим, ее глаза смотрят на них. — Пока ты не перестанешь называть меня полным именем.

Я ухмыляюсь. — Ни за что.

— Стоило попробовать, — говорит она, пожимая плечами. — Я с удовольствием пойду.

Тея

— Да ладно! Это не было фолом!

Я слышу крики, доносящиеся из гостиной, до моей спальни с наушниками в ушах. Уилл пригласил Адриана и Бена посмотреть футбольный матч. Когда я вернулась с выходных, они уже были здесь. Уилл не обратил на меня внимания, вообще.

Новая норма для нас.

Следующий час я провела на полу, прислонившись спиной к кровати, просматривая фотографии, которые я сделала. Большинство из них — Ксавьер. Кто-нибудь назвал бы меня сталкером, если бы увидел это честно. Но несколько раз я поймала его с улыбкой, так что мне все равно.

Если подумать, вся поездка получилась лучше, чем ожидалось. Даже с учетом мрачного подтекста смерти Лео Кэмпбелла. Я чувствую, что лучше понимаю Ксавьера, и мне не хочется бежать.

Моя жизнь далека от совершенства, над всеми нами висит дело Сэмюэля, но по одной проблеме за раз. Эти выходные были посвящены только Ксавьеру и преодолению моих сомнений. Завтра будет время вернуться к реальности.

В мою дверь постучали.

— Да?

Я бросаю взгляд. На пороге появляется Уилл с миской в руках. — Я приготовил чипсы, если хочешь. Ты ничего не ела с тех пор, как вернулась, — говорит он, и я замираю от внезапной перемены поведения.

Он говорит со мной и предлагает поесть. Вот это да.

Я знаю, что чипсы — это просто отговорка, потому что, насколько он знает, я могла поесть до того как вернуться сюда, а прошел всего час. Он просто хочет поговорить.

Улыбка тянется к уголкам моих губ, когда я стучу по полу рядом с собой. Ему не нужно повторять дважды. Он садится, протягивая мне миску. Там осталось довольно много чипсов.

Глаза Уилла переходят на мой ноутбук. — Как прошли твои выходные?

Я хмурюсь, бросая на него вопросительный взгляд. Я в замешательстве. Он чертовски сбивает с толку. — Тебя это действительно волнует?

— Я зол, — пробормотал он. — Так зол, что хотел бы...

Убейте меня.

Но он не заканчивает.

— Это не значит, что я не забочусь о твоём благополучии. Я просто ненавижу саму мысль о тебе и о *нем*.

Я закатываю глаза. — Ты можешь назвать его имя.

— Если я это сделаю, это станет реальностью слишком быстро для меня. Ты и он, — объясняет он.

Я вижу, что он не может принять наши отношения, но есть и что-то еще в его поведении. Тоска. По своему лучшему другу, конечно. Возможно, до этого года я не была частью их круга общения, но я всегда видела, как сильно Уилл и Ксавьер нравятся друг другу. Они очень быстро стали лучшими друзьями. Я помню, как Уилл приезжал к нам после первого месяца в Кембридже, и он не мог перестать говорить о парне, которого он встретил, и о том, какой он потрясающий.

Я не могу сказать то же самое о Ксавьере, потому что он не говорит об этом (сюрприз, сюрприз), но Уилл скучает по нему. Неважно, что случилось, и насколько все плохо между ними. Он — его лучший друг. И я чувствую себя ужасно из-за того, что встала между ними.

— Ну, выходные прошли довольно весело.

— Его семья веселая, не так ли? — Уилл улыбается.

— Они точно интересные. Совсем не похожи на нашу.

— В нашей семье полный бардак. Все делают вид, будто мы играем в какой-то пьесе Шекспира, — признается он. Меня удивляют такие резкие слова. Из нас двоих все всегда больше любили и заботились о нем. — Если я не говорю гадости, Тея, это не значит, что я их не вижу. Я бы хотел, чтобы твои достижения получили большее признание.

— Но ты не можешь —, заканчиваю я. Я наклоняю голову и ложусь на его плечо. — Это не твоя работа, Уилл. Наши родители — взрослые люди. Они должны знать лучше. Кроме того, я ненавижу внимание.

— Тогда ты выбрала очень сомнительного парня для свидания.

Я хихикаю. — Мы находимся на стадии высмеивания, да?

— Это то, с чем я могу справиться прямо сейчас.

Мы сидим так некоторое время и молча едим чипсы. Это хорошо. Комфортно. То, что мне очень нравилось, когда я переехала в Кембридж. Мы были из тех братьев и сестер, которые были близки. Нам нравилось проводить время вместе. Однако мы никогда не были теми, кто раскрывает все секреты или говорит обо всем. Где-то на этом пути мы провели

черту.

Теперь я думаю, что мы должны стереть эту черту. Мы взрослые люди и должны быть в состоянии положиться друг на друга. У меня больше нет секретов. Самое время начать начала. Сделать лучше.

— Ты слышал о Лео?

Я знаю, что не должна спрашивать. Ксавьер ничего не говорил о том, знает Уилл или нет, а мне тогда и в голову не пришло спросить. Но выяснение того, знает ли мой брат, может показать, заботится ли Ксавьер о нем так же сильно, как Уилл о нем. И да, мне любопытно.

— Он сказал тебе?

Он знает.

— Его мама рассказала. Тогда у него не было другого выбора, кроме как поделиться этим. Как ты узнал?

— Когда я впервые приехал в гости два года назад, это был первый раз, когда Кэмпбеллы присоединились к игре. Было такое напряжение, что Ксавьер просто рассказал мне. Серьезно, Тея. Ты могла бы разрезать это напряжение ножом.

— Он водил меня к тому озеру сегодня. Должно быть, это был ужасающий опыт. Глубокое, холодное, темное. Я была там днем, и мурашки на коже не покидали меня.

— Потому что ты знала, что произошло. Прямо, как у меня, когда я вошел в библиотеку. Я сглатываю, поднимая на него взгляд. — Ты вернулся туда?

Он кивает. — Один раз, на следующий день. Мне нужно было увидеть это место, когда наступило утро. После того, как мы тогда поссорились и ты ушла, я пошел туда.

— Тебе тоже трудно заснуть?

Уилл выдыхает. — Иногда. В основном я просто игнорирую все и заставляю себя думать, что этого вообще не было. В какой-то момент полиция прекратит поиски, и мы должны вернуться к нормальной жизни.

— Я больше не уверена, что такое норма, — говорю я. — Я бы хотела быть такой, как Ксавьер. Ему просто наплевать на ту ночь.

— Тея, ему на многое наплевать. Вот почему он опасен. И это одна из причин, почему я хочу, чтобы он держался подальше от тебя.

Другая причина в том, что он изменяет.

Уиллу не нужно было этого говорить.

Мне еще предстоит разговор с Ксавьером. Возможно, более эмоциональный. Но одна битва за раз.

— Он сказал мне, что ты угрожал всем не называть мое имя в полиции после того, как избил того парня. Тебе не нужно было этого делать, но спасибо тебе.

— Ты моя сестра. Я ненавижу все, за что ты стоишь в данный момент, но ты застряла со мной, хорошо это или плохо, — говорит он, целуя меня в макушку.

— Он принимает диазепам.

— Я знаю. Я видел.

Он не делает этого при мне, но делает с Уиллом? Почему двойные стандарты? Я не понимаю.

— Ты хочешь знать, что я думаю? — спрашивает он тихим голосом. Как будто кто-то нас подслушивает, а он не хочет, чтобы они слышали.

Я жду, пока он продолжит.

— Я думаю, что он убил Лео. — *Один удар сердца. Два.* — Он не колеблется, и ему нравится смотреть, как кому-то больно. И именно он лучше всех справляется с ситуацией Сэмюэля. Я думаю, он не пошел за своими родителями, как только Лео упал. Я думаю, он ждал.

Мое сердце учащенно забилося.

Я должна сказать, что он не знает, о чем говорит.

Что это неправда.

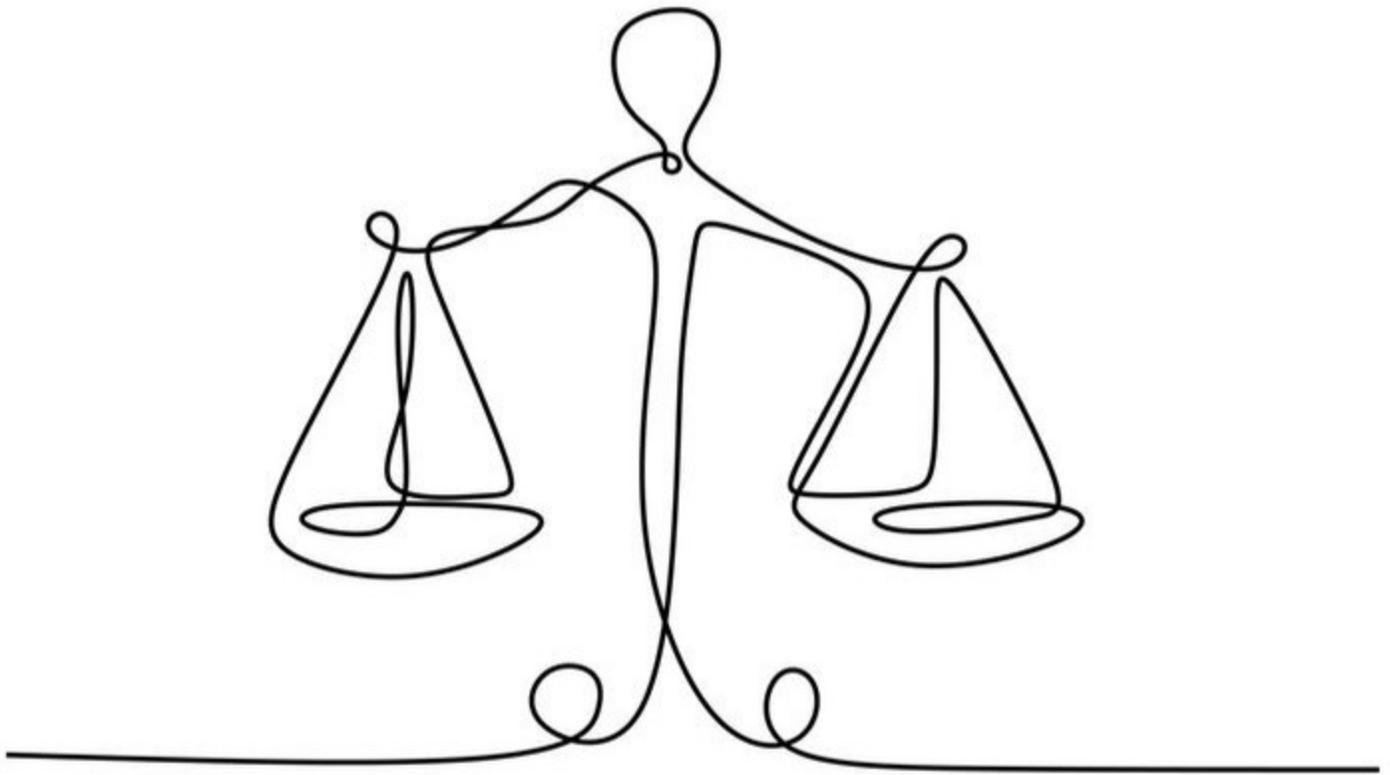
Что Ксавьеру было всего девять лет. Он не умел плавать, он не полез в воду и просто побежал за помощью.

Но темная, болезненная правда заключается в том...

Это не звучит нелепо.

Это звучит как возможность.

Тея

Судьбоносный день наступил быстро. Мы были готовы настолько, насколько это возможно при таких обстоятельствах. Отсутствие Сэмюэля во время инсценированного судебного процесса облегчило нам задачу, наконец-то поставить одну защиту и отталкиваться от нее в случае необходимости. В суде не всегда все идет по плану. Лучше быть подготовленным, чем не замеченным.

Корланд решает, что допрос будем вести я и Офелия, так как мы обе настроены на уголовное право в нашем будущем больше, чем мальчики. Я совсем не против, потому что у меня есть возможность показать себя.

Мы выработали хорошую стратегию.

Что-то в этом деле заставляет меня чувствовать себя защитником. Я всегда вижу несправедливость в мире. Сейчас, изучая право и просматривая сотни дел каждую неделю, как никогда. Я читала все это, но ничто не сравнится с реальным положением вещей. Когда ты сталкиваешься с определенной проблемой и понимаешь, кто эти невежественные люди вокруг тебя. Насколько сломен мир на самом деле. И почти никого это не волнует.

А меня волнует. Особенно этот конкретный случай. Неважно, насколько гипотетическим он является. Хотя вопрос не в этом.

Обвиняемый — двадцатилетний мужчина, Тедди Миллс, у которого есть определенные

трудности с обучением и речью. Его обвиняют в убийстве одной из своих соседок. Девушку по имени Малия Эбрей. Некоторые называют это преступлением на почве ненависти, я же называю это просто нелюбовью.

Как только я услышала об этом деле, я поняла, почему Уэс выбрал именно его. До этого я читала в газетах, как его юридическая фирма взяла на безвозмездной основе крупное дело с похожей подоплекой. Я плохо помню подробности, но знаю, что Уэс лично вызвался вести это дело. Так что это должно быть важно для него. Так или иначе.

Возможно, именно тогда он завоевал мое уважение. Хорошего человека можно узнать только по тому, как он себя ведет и что делает со своей жизнью.

Я никогда не пойму, почему люди так быстро осуждают. Один взгляд, один разговор, и это все, что им нужно. И это гребаное дерьмо. Только после одного прочтения записок, которые дал нам Уэс, я поняла, что сделаю все, чтобы выиграть дело. Потому что Тедди Миллс кажется одним из самых добрых и хороших людей.

В этом конкретном деле требуются показания врача.

Элизабет О'Мэли отведена на эту роль. Офелия расспрашивает ее о любой мелочи состояния подсудимого. Она сообщает необходимую информацию, все то, о чем я уже догадывалась, выбрасывая дальнейшую линию допроса обвинения в окно.

Позже появляются родители подсудимого, они на нашей стороне, говорят о том, какой хороший человек их сын. Конечно, их мнение предвзято для большинства людей, но всегда правильно услышать что-то хорошее для улучшения общественного имиджа. Просто на случай, если СМИ подхватят эту тему как достойную внимания. А этот двадцатилетний мужчина, который с трудом говорит, не может сформировать полноценные предложения и не в состоянии защитить себя так, как ему хотелось бы, об этом, без сомнения, заговорил бы весь город.

Затем приходят соседи. Те, которые говорят, что ничего не слышат, не участвуют ни в каких драмах и видят Тедди Миллса лишь время от времени. У каждого из них есть что сказать в свою защиту, но разговор, который они вели с этим человеком, показывает, что они испытывают отвращение.

Я очень впечатлена тем, как студенты их разыгрывают.

Самое сложное — это перекрестный допрос последнего человека — соседа Тедди. С которым он когда-то ходил в школу. И именно тот, кто является предполагаемым свидетелем по делу. Тот, на кого мы решили повесить убийство.

Да, это идея Ксавьера.

Я встаю со своего места, огибая стол. В руке я держу папку, полную моих очень беспорядочных записей. Ничего, что могло бы пригодиться, кроме как в качестве реквизита. Мои глаза на секунду встречаются с глазами Ксавьера, когда он кивает в знак поддержки.

Показывая на папку, я смотрю на Джулиана Торна, который играет соседа — Коула Джонсона.

— Не могли бы вы напомнить суду показания, которые вы дали полиции в ночь убийства, мистер Джонсон? — спрашиваю я.

— Я видел, как Тедди возвращался домой с работы, когда я уезжал на встречу с друзьями. Когда я парковал свою машину, я увидел, как он выходит из дома Малии. Он выглядел в панике, и его рубашка была на нем расстегнута. Он вошел в свой дом. А через час я услышал полицию и узнал, что она мертва.

— Дом Малии Абрей, верно?

Он кивает. — Да.

— Насколько хорошо вы знали жертву?

— Мы дружили с трех лет. Ходили вместе в школу и...

— И встречались некоторое время назад. Не так ли? — я прервала его.

— Так и есть.

— Она порвала с вами.

Виктория Паркер, девушка в роли главы обвинения, встает. — Протестую. Спекуляция.

К черту, она действительно порвала с ним.

Корланд, который сегодня выступает в роли судьи, кивает.

Я поднимаю палец вверх. — Я перефразирую, говорю я. — Почему Малия порвала с вами, мистер Джонсон?

— Я не знаю.

Моя бровь наклоняется вверх. — Вы уверены?

— Да.

Он лжет. Мы знали, что так и будет, даже если бы нам никто не сказал. Все было бы слишком просто, если бы Джулиан сделал свои записи по делу слишком прямолинейными. Корланд дал каждому конкретную роль, конкретную подробную информацию, которой нужно следовать, и образ действий. Каждому, кто дает показания. И ни обвинение, ни мы не знаем, что это.

— Если бы Малия была здесь, пыталась вернуть вас. Вы бы вернулись к ней?

Он качает головой. — Не вернулась бы.

— Я не об этом спрашивала. — Я показываю на него. — Если бы она это сделала, ты бы это сделал?

Наступает долгая пауза.

— Видите ли, я думаю, вы бы захотели вернуть ее. И я знаю почему.

Виктория хмыкает. — Кто-то задал вопрос?

Я смотрю на нее, а затем снова на свидетеля. — Вы любили Малию?

— Конечно. Она была моей девушкой в течение двух лет, и моим другом гораздо дольше.

— Поэтому, когда она начала проводить больше времени с Тедди, это вас беспокоило, так?

Он покачал головой. — Я не знал, что она проводит время с ним.

— Но вы сказали, что у вас были отношения в течение двух лет. За это время она должна была говорить с вами обо всем, не так ли? Особенно когда мистер Миллс был соседом для вас обоих.

— Как вы сказали, мы расстались. Очевидно, это были не очень доверительные отношения.

Я улыбаюсь. — Но вы любили ее.

Виктория снова встает. — Мы можем двигаться дальше? Мы уже это выяснили.

Корланд смотрит на меня. — Это куда-нибудь ведет?

— Да, ведет.

Он кивает. — Тогда продолжайте, мисс Мур.

Я подхожу к Офелии. Она дает мне бумагу, прежде чем я подхожу к свидетелю. — Мистер Джонсон, обменивались ли вы сообщениями со своей бывшей подругой за две ночи до убийства?

Он выглядит испуганным, когда прочищает горло.

— Что? Нет. Мы не разговаривали после расставания.

Я поднимаю бровь. — Вы уверены?

Открыв файл, я все еще наблюдаю за свидетелем. Его глаза сужаются, когда он смотрит на Уэса, затем снова на меня.

— Вы спорили с Малией по поводу ее отношений с мистером Миллсом? Возможно, вы даже сказали ей, что она должна хоть раз перестать заниматься благотворительностью. И вы спросили, действительно ли он стоит того, чтобы бросить вас.

Он хмурится.

Корланд наклоняется. — Мисс Мур, подойдите.

Я подхожу.

— Да?

— Этого не было в доказательствах, которые я вам предоставил. Если вы собираетесь подделывать вещи и в настоящем суде, я не уверен, что у вас долго будет работа.

— Вы сказали, что мы не можем приводить новые доказательства. Но вы никогда не говорили, что мы не можем действовать так, как будто они у нас есть.

Он делает паузу, прежде чем взмахнуть рукой. Я знаю, что ему нравится эта идея, и я знаю, что он понимает, что она принадлежит Ксавьеру.

— Я спрошу еще раз. Ты знаешь, почему Малия порвала с тобой?

Джулиан выглядит растерянным. Он не был готов к такой игре. К такому отступлению от сценария. Корланд кивает ему, давая свободу действий. Если мы что-то меняем, мы можем сделать это до конца.

Я усмехаюсь. — Знаете что? Это не имеет значения. Но скажите мне вот что. Возможно ли, что когда вы видели Тедди выходящим из дома Малии, это было до того, как вы пошли на вечеринку? И то, что вы увидели на его лице, не было паникой? В конце концов, сейчас зима. Темнеет раньше.

Виктория снова возражает. Это правильно. Я давала показания, а не спрашивала.

— Я знаю, что я видел и когда.

— Вы знаете, что вы видели или что вы хотели увидеть?

— Малия какое-то время тусовалась с ним. Зачем мне убивать ее за это? И делать это спустя столько времени?

— О, так ты все-таки знал, что они тусовались. Интересно.

Корланд прочистил горло. — Мисс Мур, вопросы.

Черт возьми. Он бы сделал это точно так же.

— Это правда, что вы видели, как Тедди выходил из дома Малии, и все это вспомнилось вам? То, что она порвала с вами, потому что вы ненавидите его и не любите, когда он рядом с ней. Что она выбрала кого-то, кого встретила намного позже, чем вас. У которого было больше ухабов на дороге, чем у вас, и он все равно остался хорошим человеком.

Он не отвечает.

Виктория пытается остановить меня. Я говорю быстрее.

— Все вернулось, и вы не смогли с этим справиться, поэтому вы снова пошли поговорить с Малией, начали спорить и убили ее? Из-за своей ненависти к Тедди? Потом вы пошли на вечеринку, чтобы у вас было алиби, а потом вернулись и сделали вид, будто видели его за мгновение до того, как все произошло.

— Протестую!

Я поднимаю руку. — Вопросов больше нет.

Ксавьер улыбается мне. Офелия выдыхает от напряжения в комнате, вызванного тем, как я набросилась на бедного Джулиана. В инсценированном суде это намного сложнее, потому что тебе на самом деле нравятся люди, которых ты подвергаешь перекрестному допросу. В реальном мире это не всегда так.

После этого остальная часть процесса — это просто вопросы и ответы. Все начнут сомневаться в деле и в причастности Тедди к убийству. Мое сердце колотится от адреналина. Мне это нравится. Мне нравится, что я могу чувствовать себя свободно во время судебного процесса, добиваясь справедливости для тех, кто не может добиться ее сам.

Да, ирония судьбы.

Уэс встает, обходит свой стол и прислоняется к нему, когда мы занимаем свои обычные места.

— Это то, чего я хотел. Чтобы вы боролись, мыслили нестандартно и делали работу правильно.

Он смотрит на меня, когда говорит это.

Я вспоминаю свою первую работу, когда я не сделала то, чего он от меня ожидал. Когда Ксавьер был единственным, кто думал так, как Корланд хотел, чтобы мы думали.

Внезапно я понимаю, почему он привлек Ксавьера к нашему руководству. Я становлюсь лучше благодаря ему. Я больше стараюсь и больше думаю.

— Класс свободен.

Ксавьер спускается по ступенькам к моему ряду. — Самый мощный способ выиграть спор — это задавать вопросы. Это заставит людей увидеть изъяны в их логике, — говорит он. Он уже говорил мне об этом во время одного из наших многочисленных посиделок для работы над защитой.

Я закатываю глаза. — Не применяй ко мне эту юридическую логику, Ксавьер. Мы не в суде, так что говори как нормальный человек.

Он наклоняется к моему уху, его губы касаются мочки. — Не притворяйся, что тебя это не заводит, любимая.

У него звонит телефон. — Увидимся позже, хорошо?

Я киваю. Затем он уходит.

Уилл спускается прямо за мной. — И стоит ли он того? — спрашивает он, используя слова из судебного процесса. Те, которые я использовал, говоря о послании. Офелия втягивает воздух, когда я поворачиваюсь лицом к брату.

Мои глаза устремлены на него. — Не делай этого, Уилл. Не заставляй меня выбирать. Если ты это сделаешь, я выберу его. Каждый раз, я выберу его. И я не могу допустить, чтобы ты ненавидел меня за это.

С этими словами я беру Офелию за руку, и мы выходим из аудитории, а затем и с факультета.

— Тея, — шепчет она, дергая меня за куртку.

— Что?

Она смотрит на что-то позади меня. Я провожаю ее взглядом и вижу Ксавьера и Холли, разговаривающих у велосипедных стоек. Она улыбается ему, прежде чем ее взгляд переходит на его губы, и в следующую секунду я вижу, что она целует его.

Я задыхаюсь, наблюдая за ними. Он отталкивает ее и отступает назад, что-то говоря. Я не знаю что, и мне все равно. Все, что я слышу, это как мое сердце бьется так быстро, что

кажется, будто оно хочет выпрыгнуть из груди.

Я сдерживаю слезы. Даже когда Офелия зовет меня по имени, и даже когда Ксавьер поворачивается ко мне и понимает, что я все это видела.

Проглотив большой комок в горле, я отвожу от него взгляд. — Мне нужно идти. У меня скоро контрольная.

Тея

Прижимая одеяло ближе к груди, я зарываюсь в него лицом, сопя. Слезы разбиваются о мягкую поверхность, смачивая ее, а мои волосы прилипают к щекам, как вторая кожа. Я в полном беспорядке, и я это знаю. Теснота в моей груди, кажется, не исчезает, а наоборот, углубляется с каждой секундой. И хуже всего то, что Ксавьер довел меня до этого состояния с такой легкостью, какой не было тогда в библиотеке.

Как же это, черт возьми, запутано. Я больше расстроена из-за мальчика и измены, чем из-за убийства.

Так не должно быть, и это странно, как я реагирую. То, как реагирует мое тело и работает мой разум.

Это неправильно на стольких уровнях, что я даже не могу полностью осознать это.

Вместо этого я делаю глубокий вдох и достаю свой телефон, который не выключается уже больше часа. Даже не глядя на экран, я знаю, чьи звонки и сообщения я собираюсь увидеть.

Ксавьер: Ты же знаешь, что это ничего не значит.

И прежде чем я успеваю ответить, приходит еще один.

Ксавьер: Ты читаешь это, так что возьми трубку, Тея.

Я улыбаюсь.

Я, черт возьми, улыбаюсь, и, честно говоря, это заставляет меня задуматься, не должна ли я оказаться в какой-нибудь психушке. Это безумие, то какими мы являемся. Только настоящий садист может подвергать себя таким ситуациям и любить это. Но мне нравится, как это больно, потому что, как бы плохо это ни закончилось, я люблю кайф, который приносит Ксавье.

Я: Приходи ко мне.

На экране появляются точки, и мое сердце учащенно бьется. Я игнорирую то, как мой разум кричит о моем отсутствии самоконтроля.

Ксавьер: Ты не сердишься на меня?

Я: А разве это имеет значение?

Он не медлит с ответом.

Ксавьер: Нет. Ты моя.

Дрожащими пальцами я закрываю глаза на мгновение, прежде чем напечатать ответ.

Я: Дело в том, что я уверена, что есть много других девушек, которые слышали от тебя то же самое... Но это прекрасная ложь, Ксавьер. Мне нравится слышать ее и притворяться, что это правда.

Я знаю, что это ничего не изменит, но я ненавижу говорить о чувствах. А из-за него во мне их всегда много. Поэтому я поступаю следующим образом — принимаю это. Даже если это делает меня глупой.

Ксавьер: Я не хотел тебя обидеть, *Меллилла*. Я никогда не говорил этого никому другому. Только тебе. Всегда тебе.

Он лжец. Прекрасный лжец.

Я ему не верю. По правде говоря, не думаю, что когда-либо верила. Неважно, как сильно я этого жажду.

Я вдыхаю, еще глубже погружая голову в подушку. Мягкий цветочный запах окутывает меня. Я колеблюсь, мои ногти рисуют круги на экране. Я игнорирую то, как говорит мое сердце, в то время как голова кричит совсем другое. Те шансы, которыми я не воспользовалась, будут единственными, о которых я все равно буду сожалеть, поэтому я намерена прожить их полностью. Потому что это лучшее, что может быть.

Я: *Просто приди сюда*, — пишу я и прячу телефон под подушку, закрывая глаза. Он скоро придет. Я знаю это. Возможно, тогда я наконец-то буду спать лучше, или вообще спать.

***

Я чувствую теплое прикосновение к своему бедру. Палец проводит по ноге, зацепившись за тонкий материал нижнего белья. Волна электричества проходит по моей коже, и я смещаюсь. С моих губ срывается тихий стон.

Мои веки тяжелеют, когда я пытаюсь открыть глаза. Темно. Наверное, я заснула от переизбытка эмоций.

Слышу шорох и тихий стон, затем одеяло сползает с моего тела, и холодный воздух ударяет мне в спину.

Я вдыхаю его запах палисандра и цитрусовых, проникающий в мои ноздри и приносящий спокойствие, которое я так хорошо знаю. Ксавьер опускается на кровать рядом со мной, прижимая мое тело к своему.

Мои глаза трепещут, и я поворачиваю голову к нему. Он смотрит на меня сверху вниз, опираясь на локоть. Я ничего не говорю, потому что мое сердце все еще болит, и если я

заговорю первой, то, скорее всего, начну плакать. От ощущения этого бессилия у меня кружится голова, а количество слез, которые я пролила за последние несколько часов, лишило мое тело всякой энергии. Говорить, слушать, двигаться.

Я ненавижу это чувство.

Как будто я тень человека.

И все это из-за Ксавьера.

— Почему ты не ударила меня, когда увидела тот поцелуй? — спрашивает он, удивляя меня. Обычно ему нравится, когда я не ставлю под сомнение его действия. Такое случилось и раньше, и я всегда оставляла все как есть после нескольких его слов. После того, как он говорил мне, что любит меня и я единственная.

Сегодня у меня нет сил даже притворяться.

Я пожимаю плечами. Мои глаза все еще смотрят на него, когда он поворачивает мое тело, чтобы полностью направить его. Его ладонь скользит под мой подбородок. Он проводит большим пальцем по моим губам. — Не сжимайся, чтобы другим было удобно, *Меллилла*. Даже мне.

Я и не сжимаюсь.

Больше нет.

— Поговори со мной, Тея. Я ненавижу, когда ты смотришь на меня вот так.

— Как? — Мне удалось озвучить свой вопрос.

— Как будто тебе все равно, что другая девушка поцеловала меня. Для меня это ничего не значило, и я оттолкнул ее, но я думал, что ты отреагируешь.

— Я не хочу слышать ложь.

— Я никогда не лгал тебе, любимая. Я никогда ни с кем не спал. Даже когда я был в Испании. Я никогда не целовал другую девушку. Ты должна это знать. Мне надоело, что Уилл сеет в тебе эти семена сомнений. Он никогда не видел, чтобы я делал что-то, кроме как разговаривал с девушками. Тот факт, что он заставил себя думать, что я делал больше, чем это, на его совести.

— Но ты никогда не поправлял его.

— Потому что меня никогда не волновало, что он думает. И всегда было лучше, если он думал, что я смотрю на кого-то другого, а не на его сестру.

— Если ты думал о том, что мы будем вместе в долгосрочной перспективе, ты должен был попытаться улучшить свою репутацию в его глазах. А не заставлять его думать, что ты развлекаешься с любой встречной девушкой.

Он молчит, и мне не нужно спрашивать, чтобы понять, что это значит.

Я сглатываю. — Ты никогда не думал о нас надолго, — шепчу я, и изо всех сил стараюсь сдержать очередную волну слез, которая пробивается наружу. Я слегка киваю, отворачивая голову от него. Но я не отстраняюсь от него. Я позволяю ему обнять меня.

— Сначала нет.

— И когда же?

— После той ночи в библиотеке, — говорит он, и мое сердце учащенно бьется. Я не смотрю на него. Я не могу. Это только усложнит разговор.

— Чтобы я могла молчать.

— Нет, — говорит он грубо, его пальцы обхватывают мое бедро. — Потому что я сделаю все, чтобы защитить тебя. Тогда я знал это больше, чем когда-либо.

Значит ли это, что именно он держал нож?

У меня скрутило живот.

— Я думал, ты мне доверяешь.

— Да, и доверять тебе было моим решением, а доказать, что я ошибаюсь, было твоим выбором. Не вини меня за свои собственные чертовы ошибки.

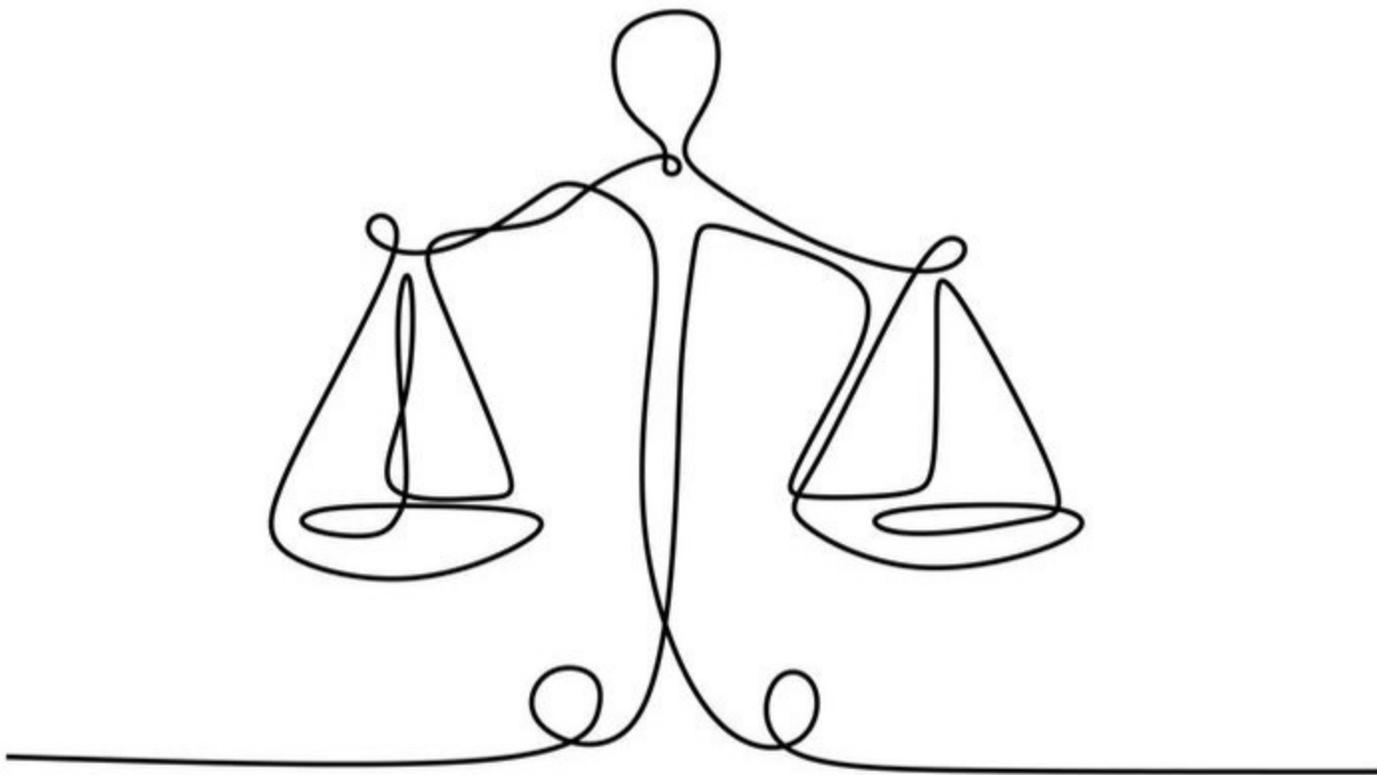
— Тея, я..., — начинает он, но я не хочу его слушать. С меня хватит на сегодня. Во мне больше ничего нет, и мне нужно выспаться.

— Не надо. Не сейчас.

Что-то меняется во мне, мое сердце разбивается от осознания. То, с чем я всегда так боялась смириться.

Нам не суждено быть вместе.

Тея

Мое тело просыпается раньше, чем разум, и я выполняю утреннюю рутину на автопилоте. Я быстро принимаю душ, собираю волосы в высокий пучок, надеваю леггинсы, толстовку и возвращаюсь в спальню. Немного посвежевшая, я чувствую себя более живой. Не настолько, чтобы продолжать с улыбкой на лице... но достаточно.

Краем глаза я замечаю движение на кровати. И точно так же я вспоминаю, как Ксавьер приходил ко мне поздно ночью. Все возвращается ко мне, как волна цунами, сдавливая мою грудь до такой степени, что мне приходится сесть в кресло. Мое сердце бьется неестественно быстро, когда я смотрю на спящего Ксавьера.

Он лежит лицом ко мне, его глаза закрыты. Выражение лица мягкое, утопающий в спокойном сне. Видение Холли, целующей его, стоит у меня перед глазами, как кошмар, ставший явью. И не только из-за поцелуя. Я чувствую, как во мне бурлит необычная смелость, и я понятия не имею, откуда она взялась.

Джинсы, футболка и куртка Ксавьера лежат на полу возле кровати. Должно быть, он снял их ночью. Я тихо встаю и на цыпочках приближаюсь к нему, сажусь на корточки. Затем я беру его брюки и запускаю одну ладонь в задний карман, доставая упаковку с диазепамом. Там две блистерные упаковки по десять таблеток в каждой. В одной только девять. Я беру полную и кладу ее в свою толстовку, затем убираю вторую и быстро выхожу из комнаты в

сторону кухни.

Там по-прежнему тихо, так что Уилл, вероятно, спит. Интересно, Ксавьер влез через окно или каким-то образом уговорил моего брата впустить его? Я не помню, оставила ли я окно открытым или нет. Я была совершенно не в себе.

Я готовлю кофе, думая о предстоящем дне. Сегодня среда, так что, к счастью, самый легкий день. У меня всего две лекции, одна супервизия, и я могу пойти сделать несколько фотографий на Мосту Вздохов, как планировала перед началом года. Но всегда что-то происходило. Теперь, когда мы закончили с инсценированным судом и приближается Рождество, я пытаюсь позволить себе перевести дух, хотя бы на один день.

Налив кофе в кружку, я достаю одну таблетку из блистера и глотаю, запивая ее кофеином. Мне нужна помощь в успокоении, а Ксавьер, скорее всего, все равно этого не заметит.

«Не сжимайся, чтобы другим было удобно, Меллилла. Даже мне».

Его слова звучат в моей голове снова и снова.

Я знаю, что он имел в виду, но хотел ли он, чтобы я действительно поняла — это уже другой вопрос. Этот год уже кажется таким непоколебимо бурным, что мне кажется, что прошло больше, чем несколько месяцев.

— Я скучаю по тому времени, когда мы были младше и ты смотрела на меня снизу вверх, — слышу я голос Уилла, раздающийся у меня за спиной. Я поворачиваю голову и вижу его, прислонившегося к стене у входа в кухню. На нем черные спортивные штаны. Его волосы взъерошены, а под глазами мешки.

Я хмурюсь. — Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я, делая глоток кофе.

Он кивает головой в сторону моей спальни, говоря мне именно то, что я хотела узнать. Ксавьер вошел через парадную дверь, и каким-то образом мой брат не выбил из него все дерьмо.

— Иначе ты бы порвала с ним.

— Но ты на удивление спокоен, — говорю я. — Почему?

Уилл приподнял бровь. — Потому что ты упрямая, и чем больше я говорил бы тебе, что делать, тем больше ты бы со мной спорила. Ты сама придешь к правильным выводам.

Я возвращаюсь к нашему разговору после того, как я вернулась с выходных с Ксавьером. Мы не обсуждали смерть Лео. Черт, мы перешли к рутине дня, как будто это был пустяк. Например, думать, что девятилетний мальчик убивает своего друга — это нормально. Это просто показывает, насколько нас испортила смерть Сэмюэля.

— Ты когда-нибудь спрашивал Ксавьера об *этом*? — спрашиваю я, нажимая на «это», чтобы он понял, о чем я говорю. Возможно, это что-то родственное, но его глаза вспыхивают пониманием.

Он качает головой. — Он ходил на терапию, получая помощь, в которой он явно нуждался. Не мне спрашивать. Это даже не мое дело — знать. Если я буду знать правду это ничего не изменит.

— Разве нет?

— Мы были друзьями, и в какой-то момент я доверился ему. Независимо от его прошлого.

— Разве это не хреново? Мы говорим о таких вещах, как будто это ерунда. Лео, Сэмюэль... Я чувствую, что еще одна смерть будет просто информацией, которая меня не будет волновать. Мне это не нравится.

— Лео — не наша проблема. И мне не жаль Сэмюэля. У него в итоге это было бы. Да это пиздец. Если бы это не сделало нас уязвимыми, чтобы сказать кому-то правду, я бы настоятельно рекомендовал всем нам пойти на терапию, — шутит он, но в его словах есть доля правды. Получил ли Сэмюэль по заслугам или нет... Я не уверена, насколько такой человек, как он, заслуживает всего этого, но я не ставлю под сомнение слова Уилла. В последнее время он больше похож на Ксавьера.

— Тея, — зовет он меня по имени. Я поднимаю на него глаза. Он подходит ко мне, наклонив голову, так как он намного выше. Я поднимаю голову. — Я сделаю для тебя все, что угодно. Ты моя сестра, и я хочу защитить тебя. Поэтому, когда он разобьет твое сердце, я сделаю все возможное, чтобы собрать осколки.

Когда.

Не если.

Я слегка улыбаюсь, кивая. Я обхватываю его за талию и прячусь в его груди. Я не уверена, что заставило Уилла перейти от крика на меня, рассказа о том, как испорчены мои отношения с Ксавьером, к тому, чтобы стать защищающим братом, которого я знала раньше, но мне это нравится. Это заставляет меня думать, что мы возвращаемся назад.

— Ты рассказал нашим родителям?

***

Я усмехаюсь, отодвигаясь от него. Мой рот пренебрежительно скривился. — Способ убить момент, Уилл.

Диазепам начинает действовать через час. К счастью для меня, потому что то, что произошло, когда я пришла на свою первую лекцию, выходит за рамки моего понимания. И я рада, что не чувствую тревоги.

В классе все разговаривают. К слову, что им все равно, когда профессор входит в комнату. Его это не волнует. Просто садится и открывает свой ноутбук, что-то на нем делает, позволяя всем делать то, что они хотят.

Офелия, как всегда опаздывая, вбегает с книгами, вываливающимися из рук. Она что-то говорит профессору, который лишь пренебрежительно машет ей рукой, и ее глаза останавливаются на моих. Они широкие, стеклянные. Ее губы кривятся, когда она предлагает мне пойти с ней. Обычно я бы усомнился в этом, но, оглядевшись вокруг, кажется, что сегодня мы не собираемся много делать.

Я собираю свои вещи и спускаюсь по лестнице.

— Что происходит?

— Не здесь, — шепчет она, и мы выходим.

В коридорах пусто, пока мы идем по юридическому факультету. Я натягиваю шапку и пальто, когда кажется, что мы выходим из здания. Мы не разговариваем. Не потому, что я не пытаюсь, но с каждым вопросом Офелия затыкает мне рот и ускоряет шаг. Вскоре мы уже не идем, а бежим. Пока мы не добираемся до Двора Невилла, и мой взгляд не останавливается на моем брате, Элиасе и Ксавьере, стоящих в одном углу, подальше от посторонних глаз.

Элиас выглядит испуганным. В то время как у Ксавьера и Уилла пустые выражения лиц.

— Успокойся, мать твою, — бормочет Ксавьер, глядя на Элиаса, когда мы подходим. Он держит сигарету между пальцами.

— Успокоиться? — шипит он. — Как, блядь, я должен это сделать, Ксавьер? Ты можешь мне сказать? Или лучше не надо. Я все равно тебе не поверю.

— Что происходит? — спрашиваю я наконец, но я не дура, и то, что говорит мне мое

подсознание, меня не веселит.

Уилл передает мне свой телефон, открывает одну из вкладок новостей.

Труп на территории кампуса Кембриджского университета.

Я даже не читаю статью и только пялюсь на фотографию нескольких полицейских на кладбище. Того самого, на которое я люблю ходить.

— Как?

Офелия смотрит на меня. — Как тебе удастся быть такой спокойной? — спрашивает она, а я просто пожимаю плечами, хотя знаю ответ. Вряд ли я смогу рассказать им о Диазепаме. Но я чувствую на себе взгляд Ксавьера. Как-будто он знал.

— Ночью собака вырыла яму в земле, а могильщик увидел тело над гробом, — рассказывает мне Элиас. — Эти идиоты не додумались открыть эту чертову штуку, чтобы положить его туда. Вы уже испачкались. Вы могли бы пойти еще дальше.

— Мы не могли открыть гроб. Нам пришлось бы его ломать, и это было бы то же самое. И закрой свой рот, пока нас никто не услышал.

Начинается дождь, и нет никакой возможности оставаться снаружи. Дождь заглушает наш разговор.

Элиас горько смеется. Он нервничает, вышагивает. Офелия стоит спокойно, но выражение ее лица говорит мне обо всем. Она чувствует то же самое, что и Элиас.

Я сажусь на каменную скамью, откидывая голову назад к стене.

— Я знала, что мы должны были обратиться в тот момент, когда это случилось. Я просто знала, черт возьми, — шепчет она, ее руки дрожат.

— Я не собираюсь садиться в тюрьму за такого, как он, — говорит ей Уилл, поигрывая своим ножом. Тем самым, от которого он должен был избавиться.

— Как только они сделают вскрытие, мы сядем в любом случае.

Я закатываю глаза.

— Возможно ли, чтобы полиция нашла ДНК на его теле? — спрашиваю я Уилла и Ксавьера, так как именно они занимались Сэмюэлем. Я не могу вспомнить всего с той ночи, но самое главное — подумали ли мы обо всем.

— Под ногтями ничего не будет, и никто из нас не истекал кровью. Я бы сказал, что мы в безопасности.

— Как ты сказал, что они не найдут тело? — Элиас ожесточен. Я могу это понять, но, черт возьми, соберись. Все зашло уже достаточно далеко без способа все отмотать назад.

— Нам просто нужно повторить версию событий на случай, если они захотят допросить нас снова. И я не говорю о той, в которой мы признаемся, — говорю я, глядя на Элиаса, потом на Офелию и обратно.

— Seriously, Тея. Почему тебя это не волнует? Это не похоже на тебя. Я знаю, что ты ненавидела его, но ради Бога... — пробормотала Офелия.

Ксавьер делает затяжку и выдыхает в воздух. Он прерывает вопрос Офелии, видя, что я все равно на него не отвечу. — Адвокат посоветовал бы продолжать. Ничего не делать.

— И как далеко это нас заведет?

— Полиция уже знает, что мы работали с ним над инсценировкой судебного процесса до того, как он исчез. Сэмюэль ушел раньше, потому что мы не ладили и не могли договориться, — начинаю я. — Если, и только если, они найдут ДНК одного из нас, мы скажем, что толкнули его и сказали ему идти домой, потому что он был пьян. Вот и все.

— Разве мы не должны как-то упомянуть, что он был пьян в первую очередь? Может

быть, это отвело бы подозрения от нас.

Я закатываю глаза. — В любом случае, это не на нас, а если бы это было так, это было бы на мне. Так что расслабься.

— Я все еще думаю, что мы должны пойти в полицию. А не придумывать очередную ложь. Или отпустить Ксавьера, раз уж ему на все это наплевать.

Ксавьер хватает Элиаса за пальто и прижимает его к стене. Он груб, но не настолько, чтобы причинить ему боль. Но между этим тонкая грань. Я обмениваюсь взглядом с Уиллом, приходя к такому же выводу, и подхожу к ребятам.

— Я здесь только для того, чтобы установить алиби. Мне плевать, если это подставит вас в качестве жертвы. Я вру лучше, так что будьте очень уверены, что хотите пойти против меня.

— Ладно, хватит, — говорит Уилл. — Элиас, ты не можешь хотеть попасть в тюрьму из-за человека, который не уважает тебя и говорит тебе такие вещи, о которых даже думать не стоит. Поверь мне, если ты сдашься, ты не выйдешь безнаказанным. Вы изучаете право. Вы знаете это лучше, чем кто-либо другой. Если только не замешана какая-то важная шишка, а ее нет, они не будут беспокоиться о неприкосновенности. У нас нет никого важного, кого можно было бы сдать.

Наступила тишина. Уилл попал в точку. Даже сомнение в глазах Офелии исчезло. Ей нравится ее жизнь. Она ни за что не стала бы рисковать будущим. Не тогда, когда есть выход.

— Если у нас нет причин для беспокойства, мы замолкаем и продолжаем жить своей жизнью.

— Есть еще детектив, который приходил к тебе, Тея, — говорит Офелия.

Все головы поворачиваются в мою сторону. — Какой детектив?

У меня пересохло в горле.

— Семья Сэмюэля наняла частного детектива. Он пришел поговорить со мной после нашей с Ксавьером супервизии. Не волнуйтесь, я ничего не сказала, и Корланд был там. Не похоже, что он пришел, потому что подозревает меня.

— Почему ты мне не сказала? — спрашивает Уилл. Он заметно сердится.

— Потому что ты был зол на меня, и мы вообще не разговаривали. Я бы не стала начинать со слов: — Эй, я знаю, что мы не в хороших отношениях, но один детектив спрашивал меня о Сэмюэле.

— Сейчас это не имеет значения, — говорит Ксавьер. — Нет никаких зацепок. Нет ничего нового в том, что Тея и Сэмюэль не ладили. Между ними ничего не происходило помимо занятий. Даже если они пытались повесить это на нее, у них нет ничего для этого.

Он кажется уверенным в этом, но есть что-то в его голосе, что заставляет меня сомневаться в этом.

— Значит, мы просто сидим тихо? Опять? В прошлый раз ничего хорошего из этого не вышло.

— Не вышло, потому что мы не приняли во внимание чертову собаку. Беспокоиться на случай, если они что-то найдут при вскрытии — пустая трата времени. Дело превратилось в убийство. Вот и все, что произошло.

Ксавьер говорит так спокойно, и он прав. Каким-то образом, это также успокаивает Элиаса и Офелию. Настолько, что я уверена, что они не побегут в полицейский участок при первой же возможности. Кроме того, они, должно быть, почувствовали, что терпение

Ксавьера на исходе. Честно говоря, я уверена, что Офелия не так уж расстроилась из-за того, что сдалась. Она спрашивает, потому что спрашивать — значит говорить, а разговоры отвлекают от ситуации, в которой мы находимся.

Ксавьер

Мне это не нравится.

Мне не нравится, как равнодушна Тея, когда мы заканчиваем говорить обо всем этом. До того, как она пришла с Офелией, я бы поставил деньги на то, что она начнет сходить с ума, как Офелия и Элиас. Потому что их сознание не запятнано так, как мое. Или что они не знают так много, как Уилл.

И все же она спокойна. Она стоит здесь, как будто ее ничто не трогает. И это не притворство. Я знаю, что это не так, потому что Тея предсказуема. По крайней мере, для меня.

Сейчас мне не по себе от ее поведения. С раннего утра, когда я проснулся, а она уже ушла, даже если первый урок не начинался в ближайшие два часа, и до сих пор.

Уилл думает так же. Я знаю, что он так думает, потому что он не отводит взгляда от Теи со своими подозрениями.

Но часть того, чтобы вести себя так, как будто ничего не произошло — это посещение занятий даже сегодня. Даже когда весь Кембридж гудит новостями. Итак, Офелия и Элиас идут на свои супервизии. Уилл тоже покидает нас, хотя я почти уверен, что он не пойдет на занятия.

Я тоже не иду.

Вместо этого я иду с Теей через Западные ворота к лужайке. Вокруг, на удивление, никого нет. Хотя довольно холодно, но именно в этом месте всегда гуляют студенты. Наверное, всех поразили новости. Весь Кембридж замер.

Мое внимание приковано к Тее. Она идет, даже не взглянув в мою сторону. Ее даже не волнует дождь, который нас заливает. Она накинула капюшон на голову, и мы оба промокли. Как будто она не замечает меня. Возможно, так и есть. Но я не понимаю, почему. Впервые мне трудно ее понять.

— Тея, — говорю я. — Поговори со мной, любимая.

Она останавливается. Я догоняю ее, и в этот момент она оборачивается. Ее глаза ничего не выражают. Они пустые. А я ожидал чего угодно, только не этого. Это сбивает с толку.

— Ты все еще злишься из-за всей этой ситуации с Холли?

Она приподнимает бровь, прежде чем разразиться смехом. Но это не ее обычный мелодичный смех. Он горький, враждебный... жестокий. Я делаю шаг назад. Я хочу понять ее, но не могу.

— Нет, мне все равно.

Я знаю, что она лжет, когда говорит это. Может быть, ее глаза ничего не выражают, но ее голос дрожит. И это не из-за холода.

— Все равно.

— Ты говорил мне не приспособливаться к людям только потому, что это в моей природе. Ты сказал: *«Не сжимайся, чтобы другим было удобно, Меллилла. Даже мне»*. Это были твои слова, не так ли?

— И я имел их в виду. Ты выставляешь себя на всеобщее обозрение. Мне было неприятно, что ты делала вид, будто тебя не задело, что Холли поцеловала меня. Я не хочу, чтобы ты грустила, но я просто ненавижу видеть, как ты позволяешь чему-то уйти, не сказав ни слова.

— Некоторое время назад ты не смог заставить меня забыть всю эту ситуацию достаточно быстро. Кроме того, я делаю это с тобой. Только с тобой, — плачет она, ее глаза наполняются слезами.

Я делаю шаг к ней, но она отступает, качая головой. Она протягивает руку, останавливая меня.

— Что привело к этому? Это из-за новостей?

— К черту! Мне сейчас на это наплевать. Мне важно, что я всегда рядом, когда я тебе нужна, а тебе просто наплевать. Ты говоришь такие вещи, говоришь мне, что я позволяю другим топтать себя, и, может быть, так и есть, но ты тот, кто каждый раз, черт возьми, совершает эту прогулку.

Она задыхается.

— Ты ломаешь меня каждый раз, когда отворачиваешься от меня. Ты уходишь только для того, чтобы вернуться ночью за утешением. Я не твоя игрушка, чтобы пользоваться мной, когда тебе вздумается, Ксавьер.

— Нет, ты не игрушка.

— Тогда почему ты так со мной обращаешься?

Мое горло болит от напряжения, когда я пытаюсь сглотнуть. Это переросло в то, чего я не хочу. Моя грудь сжимается с каждым вдохом, когда я смотрю на Тею. Что-то меняется в ее выражении лица. Что-то, что я видел, когда она смотрела на меня, когда пришла с Офелией. И снова сейчас.

Увидел бы я-то же самое, если бы она не ушла утром?

Я вздыхаю, сокращая пространство между нами. Я игнорирую реакцию Теи, потому что она просто не понимает этого. Не понимает меня и придумывает вещи, которые не соответствуют действительности, из-за одной вчерашней глупой ситуации.

Я обхватываю одной рукой ее талию, а другой прижимаюсь к ее щеке. Кончиком большого пальца я вытираю слезы, которые смешались с дождем. Внутри меня нарастает хаос. Снова. Такого я никогда не испытывал, когда был рядом с Теей. Ей всегда удавалось принести спокойствие, умиротворение. А не торнадо.

— Ты не игрушка, — повторяю я, затем склоняю голову ближе к ней, когда наши лбы соприкасаются. Я не отворачиваю от нее глаз. — Но ты моя, Тея. Моя. Больше никому не принадлежишь. *Блядь, моя.*

— Жаль, что ты не знаешь, что это на самом деле значит. Ты повторяешь это, как будто это должно что-то значить для меня. Я говорила тебе, что это токсично... то, что у нас есть. Ты принимаешь меня как должное, но я люблю тебя слишком сильно, чтобы отпустить. Ты причинил мне боль, и я прощаю тебя без единого извинения, — говорит она. — Ты когда-нибудь осознавал, что никогда не извинялся передо мной? Возможно, ты говорил правду и никогда мне не изменял. Я не могу сказать, потому что единственный раз, когда ты поцеловал кого-то при мне, был вчера. Но ты играешь. Ты никогда не думал о нас как о чем-то долгосрочном. Не достаточно, чтобы поставить меня на первое место. Никогда недостаточно.

Я качаю головой. — Это неправда. Ты самый важный человек в моей жизни.

— Важный, говоришь?

Я молчу.

— Ты познакомил меня со своей семьей только после того, как я начала задавать вопросы. Ты даже не подумал рассказать Уиллу о нас, когда я сказала тебе в начале года, что думаю, что пришло время. Ты не рассказывал мне о Лео, пока твоя мама не упомянула об этом, — она сглатывает, отрывая мои руки от своих. — Ты ничего не сделал, потому что думал, что я должна знать. Ничего. Ни о твоём прошлом, ни о твоих проблемах, ни о твоём гневе. Это потому, что ты думаешь, что мы не продержимся долго, и я буду тем единственным человеком, который тебе ничего не должен, но знает твои секреты.

— Я уже здесь, Ксавьер. После прошлой ночи я нахожусь там же, где и ты. В чертовом море сомнений и колебаний. Но на этот раз оно так сильно, что я не могу его игнорировать. Я даже не хочу.

Мои руки начинают дрожать. Почти так же, как когда во мне поднимается гнев. Только сейчас это не гнев. Это чувство вины, это боль в сердце. Я думаю.

Почему у меня такое чувство?

— И дело не в Холли, — продолжает она. — Я помню ее, Ксавьер. Ты думаешь, что нет, но я помню. Я никогда не забуду тот момент, когда мы встретились. Черт, я не забуду ложь, которую ты ей говорил. Сладкие мелочи. Я даже помню себя, как я думала, что она глупая, наивная, и не могла понять, почему она верит твоим словам.

Она спокойна. Даже когда то, что она говорит, горько, и слезы текут по ее щекам, она все равно спокойна.

— Тея...

— Ну, это насмешка судьбы, потому что я тоже попала в твою ловушку. Я поверила твоим словам. Я поверила, что ты любишь меня.

— Я действительно люблю тебя. Почему ты мне не веришь?

— Потому что слова ничего не значат без дела, Ксавьер. Мы ходим туда-сюда, и с меня хватит. Я не могу этого делать. Я наконец-то ясно вижу. Мы просто не сработаемся. Я воспринимаю тебя слишком серьезно, а ты не воспринимаешь меня достаточно серьезно. Это не только твоя вина, это наша вина, — она делает паузу, вытирая слезы. — И мне нужно, чтобы это прекратилось. Посмотри, до чего это нас довело.

— Что я могу сделать?

Впервые я слаб. Я не знаю, что сказать или сделать. Как все исправить. Я не могу потерять ее. Тея важна. Она — все. Она — весь мой мир, и я не могу представить себя без нее.

— Ничего не поделаешь, Ксавьер. Все кончено.

Она разворачивается и быстро уходит.

— Тея! — Я зову ее. Я хочу бежать и не дать ей уйти. Сказать ей все то, что я всегда хотел. Но я не могу двигаться.

Но она останавливается. Ее глаза снова смотрят на меня.

Я открываю рот, но нет звука.

— Я не спрашивала о Лео, Ксавьер. Я не спрашивала о подробностях, но я думаю, что знаю, что произошло. Я не знаю почему, но мне кажется, что время между тем, как он упал и тем, как ты получил помощь, было больше, чем время, которое ты потратил, чтобы добежать до дома. Я не единственная. Возможно, тебе стоит вернуться к терапии и поработать над этим тоже. Потому что это заставляет меня увидеть ночь в библиотеке в другом свете. Я не помню, но могу себе представить.

Она уходит.

Тея

Я не плачу. Вместо этого я снова принимаю диазепам, когда предыдущий уже не приносит мне покоя. Так я прохожу оставшиеся занятия, прекрасно игнорируя всех, кто говорит о Сэмюэле. Я бы проигнорировала и Ксавьера, если бы увидела его в коридорах, но я этого не сделала.

Я даже рассказываю Офелии о разрыве, чему она, кажется, рада, но я не комментирую и не вдаюсь в подробности. Это никого не касается, и в то же время они все знают, почему. Я не скажу ничего нового о том, что Ксавьер токсичен. Что наши отношения с самого начала были настроены на провал. Никто не удивлен. Меньше всего я.

Разница лишь в том, что я наконец пришла к тому, чтобы признать это и двигаться дальше.

Признать и двигаться дальше.

По-крайней мере я надеюсь.

— Ты уверена, что с тобой все в порядке? — спрашивает Офелия, когда Уилл и она присоединяются ко мне в столовой поздним вечером за ужином. Они садятся напротив меня и смотрят на меня неуверенным и немного обеспокоенным взглядом. Таким, что мне хочется ударить их.

— Сколько раз я буду это повторять? Да, со мной все в порядке, — говорю я. — Ты

была против отношений с самого первого дня. Разве ты не должна праздновать, а не сомневаться во мне?

— Мы можем радоваться расставанию, но все равно хотим убедиться, что у тебя все хорошо, Тея.

Уилл сузил глаза. — Ты не упомянула, что хотела порвать с ним сегодня утром, когда мы разговаривали.

— Потому что я не была уверена, что смогу пройти через это. Я всегда ходила с ним по кругу. Он видел мои сомнения с самого начала. Они всегда были там. Это просто вылилось, наконец, и я не могла найти в себе сил, отпустить это снова. Я была глупа, но не слепа.

— Честно говоря, я удивлена, что ты так легко простила ему измену.

Я вздохнула. — Он никогда не изменял, Холли поцеловала его. Он оттолкнул ее. Дважды.

— Хотя в Испании он не был хорошим парнем.

— Но ты никогда не видел, чтобы он действительно изменял, не так ли? — Уилл не отвечает. — Он никогда не лгал мне. Это единственное, в чем я уверена. У Ксавьера много чего есть, но он действительно любил меня, и он всегда говорил мне правду, когда я спрашивала. Однако он также многое от меня скрывал и, несмотря ни на что, был на расстоянии вытянутой руки. У него есть проблемы, которые нужно решать, и у меня есть свои. Мы просто не подходим друг другу.

— Если ты так говоришь, — говорит Офелия. — Но мы все равно можем смотреть сериалы и есть мороженое, правда? Я умираю от желания сделать это.

Я качаю головой. — Не сегодня. Сегодня вечером перед юридическим факультетом организуют шествие со свечами. Мы должны быть там.

Все придут из-за Сэмюэля. Неважно, знали они его или нет. Нравился ли он им или как мне — нет. Шествие — это не для мертвых. Это для тех, кто хочет почувствовать, что им не все равно. Наверное, в данном случае это место и для нас.

Я не боюсь смерти.

И никогда не боялась.

Почему-то она всегда присутствует в глубине моего сознания... Мысль о том, что сколько бы ты ни прожил, жизнь коротка. Она может пройти мимо тебя в мгновение ока, и я никогда не пытаюсь поймать ее на бегу.

Зачем?

Я же не могу изменить будущее.

Все боятся смерти больше, чем боли, и я не могу сказать, что понимаю их. Боль хуже, потому что ты никогда не можешь сказать, когда она закончится. Ты не видишь конца, когда кто-то причиняет тебе боль. А когда приходит смерть, боль точно заканчивается.

Ну... если только вы не верите в загробную жизнь и вечное проклятие за все грехи, совершенные на земле. А я не верю.

Возможно, поэтому с моим психическим здоровьем после смерти Сэмюэля могло бы быть еще хуже, если бы не мой подход. Если я никогда не считала, что это большое дело, как я могу изменить свое мнение в ситуации, когда я искренне считаю, что был мотив?

Это беспорядок. Я осознаю это.

Если бы кто-нибудь услышал мои мысли, то наверняка дал бы мне билет в один конец в психушку или какую-нибудь психиатрическую клинику. Но, если честно, я бы предпочла

умереть, чем испытывать такую боль.

Я оглядываюсь через плечо на Ксавьера, стоящего в глубине толпы.

Смотреть на него больно...

Быть рядом с ним еще больнее...

Так что да, смерть на меня не действует. И никогда не действовала.

Держа в руках свечу, я чувствую себя мошенницей, но если бы нас здесь не было, это было бы подозрительно. Мне не нравился Сэмюэль, но я должна оставаться человеком. Тем, кто чувствует такие вещи, как вина, печаль или горе. Даже если они притуплены диазепамом, проходящим через мой организм.

Пришло много студентов; весь колледж Тринити с деканом и профессорами стоял впереди в знак уважения. Я вижу и местные СМИ, поскольку дело ускорило в считанные дни. Это уже не поиски пропавшего человека. Это охота на его убийцу.

Возможно, я должна знать, кто из нас был убийцей в конце концов. Это правильно, но мне все равно. Незнание — это блаженство.

Офелия где-то справа от меня с Элиасом, который, к счастью, немного лучше скрывает свою вину. Уилл не пришел, хотя из-за поминок отменили сегодняшнюю тренировку по лакроссу. Он сказал, что не собирается притворяться.

Краем глаза я вижу мужскую фигуру, проталкивающуюся ко мне. Высокий, в черной одежде, а потом в ноздри ударяет запах его одеколона, и я вспоминаю его.

Детектив.

Он поворачивает к зданию, где стоят фотографии Сэмюэля, цветы, прислоненные к стене, и открытки с надписями о том, как его будет не хватать. Не то чтобы через неделю они совсем о нем забыли.

— Я не ожидал увидеть вас здесь, — шепчет он себе под нос, но я прекрасно его слышу.

— Сэмюэль не был моим любимым человеком, но он мертв. Я могу посочувствовать его семье и не жалеть о том, что не любил его.

— Действительно, можете.

— Вы нашли что-нибудь во время расследования? — спрашиваю я, стараясь казаться мягко любопытной. Не то чтобы его ответ был вопросом жизни и... ну, жизни за решеткой.

— Ничего, что дало бы ответы, которые мне нужны. Именно поэтому я здесь, — я смотрю на него. — Вы не могли бы пойти со мной? У меня есть кое-что, что я хотел бы показать вам и, надеюсь, лучше понять.

— Не обижайтесь, но я вас не знаю. Идти куда-то с незнакомцем — это, наверное, вещь номер один, о которой родители предупреждают своих детей.

Он слегка улыбается. — Это верно.

Я поворачиваюсь. — Пойдемте.

Любопытство кошку сгубило, верно?

Можно надеяться.

Тея

Мы идем по улице, между зданиями. Подальше от толпы и всей этой напускной грусти, которая начала меня тяготить. В полной тишине я размышляю, правильно ли я поступаю, отправляясь с Тобиасом Эвансом куда-то, черт знает куда, одна. Действительно ли он детектив? И если да, то должна ли я находиться здесь без присутствия адвоката?

У меня есть вопросы. Но по моим венам не бежит тревога.

Прижав ладонь к карману пальто, я нащупываю там телефон. По крайней мере, я смогу позвонить, если что-то случится. Этого должно быть достаточно.

— Я прочитал полицейский отчет о вас, — наконец говорит он, привлекая мое внимание к себе. Мои ноги толкают меня остановиться, но это означало бы, что я начинаю волноваться. Поэтому я заставляю себя вести себя нормально.

— Меня никогда не арестовывали, так что извините, но вы, должно быть, ошибаетесь.

Тобиас мрачно усмехается, качая головой. — Простите мой язык. Я иногда сокращаю свои слова. Я имел в виду, что читал отчет о последнем дне Сэмюэля и о том, как вы и ваши друзья вместе готовили инсценированный судебный процесс.

— Да, ну... Я бы скорее сказала, пытались подготовиться. У меня голова раскалывалась почти весь день, и это, конечно, не помогло, когда Сэмюэль подвергал сомнению наши идеи на каждом шагу, поэтому мы проводили долгие часы в библиотеке.

Эванс трет глаза. — О, я как раз собирался спросить вас об этом. Вы сказали, что он ушел от вас около одиннадцати, верно? — Я киваю головой. — Почему?

— Потому что с ним там мы не смогли бы сделать ничего стоящего. Он выглядел таким же уставшим и даже более грубым, чем обычно. Мы отправили его домой, пробыли еще час и тоже ушли.

— Вы знаете, куда он пошел?

— Нет, он не говорил, а я не спрашивала.

— А куда вы все пошли?

— Домой. Мой брат пошел с Ксавьером в паб, потом в квартиру Ксавьера. Офелия, Элиас и я пошли вместе.

— Твой брат вернулся?

Я смеюсь. Или на самом деле заставляю себя смеяться. — Конечно. Через некоторое время после моего возвращения домой пришли и Уилл, и Ксавьер, и мы легли спать.

Несколько минут длится молчание, пока мы останавливаемся перед одним из студенческих общежитий. Я нахмурилась. Что мы здесь делаем?

— Помните, я спрашивал вас, были ли у вас какие-то отношения с Сэмюэлем?

Я насмехаюсь над этой мыслью. — Не в таких точных выражениях, но да. А что?

Мы заходим внутрь здания и поднимаемся на второй этаж. Вокруг никого нет. Наверняка на все шестиве. В коридоре немного темно даже при включенном свете. Такое впечатление, что лампочки висят на ветру. Минуя двери одну за другой, мы стоим в самом конце, и детектив открывает предпоследнюю дверь справа, пропуская меня вперед.

Да, я глупая.

Я сначала колеблюсь, но вхожу.

Здесь тоже темно, и в комнате душно. Мое лицо искажается от отвращения.

— Будьте осторожны, пожалуйста. И ничего не трогайте, — говорит мне Эванс.

Затем вспыхивает свет, заставляя мои глаза прищуриться, прежде чем они привыкнут к яркости. Мой взгляд падает на одну из стен комнаты, прямо над кроватью. Мое сердце замирает от того, что я вижу и узнаю десятки фотографий и рисунков... меня. Я повсюду. Одна целая стена, несколько других рисунков на столе справа от меня.

Мы в студенческой комнате, не так ли?

— Что это, черт возьми, такое? — тихо спрашиваю я.

Я чувствую, как меня охватывает волна жара. У меня перехватывает дыхание и кружится голова.

— Это комната Сэмюэля. И это именно та причина, по которой я спросил о ваших возможных отношениях.

Я срываю один из рисунков со стены, не заботясь о том, что я должна была ничего не трогать. Я протягиваю руку детективу. — Вы действительно думаете, что это говорит о возможных отношениях? Я бы скорее подумала о кровавом безумии.

— Тея, пожалуйста, верните его обратно на стену. Вы не можете ничего трогать. Я привел вас сюда, чтобы получить ответы. А не для того, чтобы вы мешали расследованию, которое теперь стало делом об убийстве, а не о пропаже человека.

— У меня были отношения с Ксавьером, — говорю я ему. — Парень, с которым вы видели меня после супервизии. Я была с ним полтора года. Меня не интересовал Сэмюэль. Он мне не нравился, и, черт возьми, я понятия не имею, что это значит, но я ему тоже не нравилась.

Внезапно я забываю обо всех причинах, по которым я не должна быть здесь.

Переполюющее чувство в этот момент бьет ключом. Перед глазами мелькают моменты, когда я разговаривала с Сэмюэлем за последние два года. Он всегда был грубым, язвительным и полным ненависти. Что происходит?

— У Сэмюэля было диагностировано обсессивно-компульсивное расстройство. Он страдал от навязчивых мыслей, которые повторялись, беспокоили и часто приводили в ужас. Насколько я понял, у него были навязчивые мысли. В основном на тему отношений и сексуальности. Возможно, вы были для него просто частью этого. Я не знаю, что именно. Тея, но не то, что вы ему не нравились. Я думаю, он был немного одержим вами. Он фотографировал вас, рисовал, писал ваше имя в большинстве своих тетрадей и книг.

Это не имеет смысла.

Ничто не имеет смысла.

Полиция, похоже, не интересовалась мной, и если бы они увидели эту комнату, разве они не допрашивали бы меня больше? Это, прямо здесь, было бы чертовым мотивом. Не его ненависть, не наши ссоры на лекциях и супервизиях — это.

И все же Тобиас Эванс не выглядит так, будто подозревает меня, и я не уверена, настолько ли он хороший актер, или он действительно не считает меня виновной.

— Вы никогда ничего не замечали?

— Нет, как я могла? Сэмюэль никогда не был добр ко мне. Ни разу.

— Это выглядит не очень хорошо.

— Для меня? — Я сглотнула. — Послушай, я всего лишь студентка юридического факультета. Я не убийца и не та, кого стоит подозревать в каких-то правонарушениях.

По крайней мере, первое — правда.

— По делу, Тея, — говорит он, затем, видя мое замешательство, продолжает. — Я вижу, как вы удивлены этим. Вы не знали. Это ясно. Я привел вас сюда, потому что надеялся, получить ответы, но, видимо, я ошибся. Пожалуйста, не принимайте это за что-то другое. Мне, честно говоря, нравится ваша прямота. Тем более, что, похоже, вы один из единственных людей в этом университете, кто не боится говорить правду.

Смешно, что он так думает.

Теперь у меня есть вопросы.

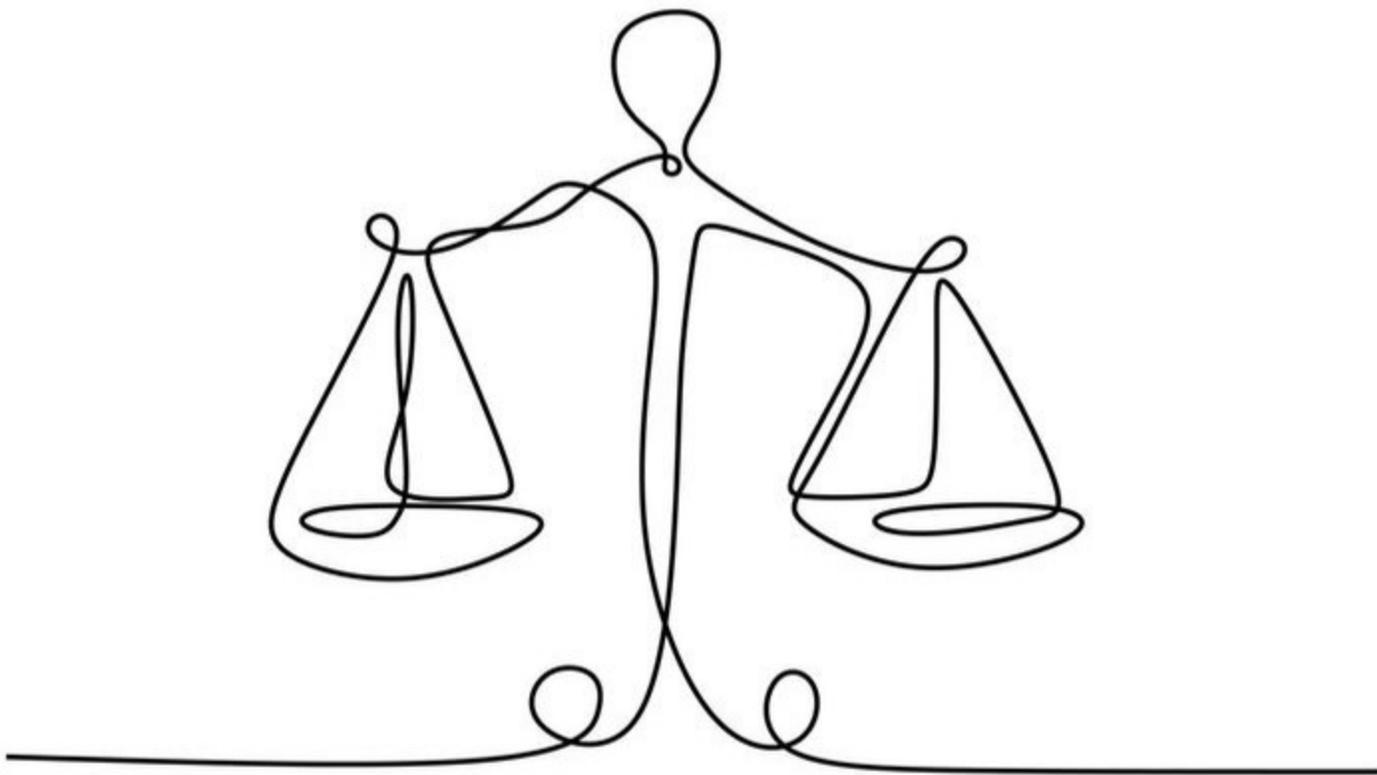
Много чертовых вопросов.

Вместо того, чтобы спросить, я молчу. Они вызовут еще больше подозрений, и пока у меня есть алиби, а их ровно четыре, все должно быть в порядке.

Верно?

Верно?!

Тея

— Куда, черт возьми, ты пропала? — Слышу я, как только переступаю порог своей квартиры. Уилл вбегает с гневом на лице, ладони сжаты в кулаки, и потемневшими глазами. Когда я замечаю какое-то движение позади него, я встаю на цыпочки, чтобы посмотреть через плечо Уилла, и мои глаза встречаются с Ксавьером.

Дыхание вырывается из моих легких.

То, как он сломал меня, нельзя назвать красивым. Он разорвал меня на куски внутри и снаружи.

И все это возвращается, когда я должна быть сосредоточена на том, что я только что узнала о Сэмюэле. Почему, черт возьми, я не могу поставить кого-то другого выше Ксавьера? Он всегда там — мой гребаный приоритет. Мой разум не видит ничего другого, кроме него.

Я закрываю глаза, считая до десяти, чтобы отпустить это. Я уже делала это раньше.

Я думаю о том, что диазепам течет внутри меня, и это приносит мне желанное спокойствие. Хотя, скорее всего, это просто эффект плацебо, потому что, конечно, он не начинает действовать через пять минут. Впрочем, какая разница?

— Я больше не буду спрашивать, Тея, — процедил Уилл сквозь зубы. Я редко вижу его таким сердитым. Обычно это происходит, когда он волнуется. Он знает, что беспокойство не приносит ему пользы, поэтому он переходит в ярость. Не в ту, на которую способен Ксавьер,

но в любом случае, я ненавижу это видеть.

— Тогда не надо.

Я пытаюсь обойти его, но он хватает меня за руку и дергает назад. Он поворачивает меня лицом к себе. — Говори, блядь.

— Я пошла в комнату Сэмюэля в студенческом общежитии.

— Ты в своем уме?

— Зачем ты туда пошла? — вклинивается Ксавьер. Он тверд в своих словах, но не так вспылчив, как мой брат.

Я смотрю на него, сузив глаза. — Что ты здесь делаешь?

— Я волновался, любимая. В один момент ты была там, на шествии, а потом я потерял тебя и не мог найти. Я пытался дозвониться до тебя сотни раз. — Да, я видела. Но он делал это не раз с момента расставания. Я никогда не отвечаю.

Закатывая глаза, я втягиваю воздух. — Тобиас Эванс отвёл меня туда.

Уилл нахмурил брови. — Кто?

— Чертов детектив, — пробормотал Ксавьер в ответ.

— Черт возьми, Тея. Ты не можешь разговаривать с детективами. Они не могут заставить тебя как полиция. Ты это знаешь. Так почему ты это сделала?

— Я не знаю, ясно? — говорю честно. — Но я рада, что сделала это.

Я вырываюсь из объятий Уилла и прохожу дальше в гостиную. Я сажусь на диван, пряча лицо в ладонях. То ли из-за того, что я устала, то ли из-за откровений последних нескольких минут, мне хочется заснуть и не просыпаться весь следующий год.

Может быть, тогда все вернется на круги своя?

Можно надеяться.

Они приходят за мной.

— У него в комнате повсюду мои фотографии и рисунки, — говорю я им. — Это даже не те фотографии, о которых я знала, и не те, на которых я позировала для Кембриджа. Они были сделаны тайно. Это...

Я сглотнула.

— Как будто он преследовал тебя, — заканчивает за меня Уилл, и я киваю.

Несколько минут мы сидим в тишине. Я не смотрю на парней, но чувствую, как они обмениваются взглядами. Как будто они говорят о чем-то, о чем я не знаю.

Я поднимаю взгляд от своих рук. Ксавьер прислонился к стене, засунув руки в карманы джинсов. Уилл сидит рядом со мной. Его локти упираются в бедра. Их реакция — это не то, чего я ожидала. С тех пор как я придумала предлог, чтобы уйти от Эванса, я сходила с ума, мне нужна была помощь. И вот они здесь, один чрезмерно заботливый засранец брат, другой с проблемами гнева — спокойны.

Какого черта?

Внезапно в моей голове что-то вспыхивает. Это имеет смысл.

Мои глаза расширяются. — Вы знали об этом, — шепчу я.

Они не отвечают. Им и не нужно. Я и так знаю, что это правда, без единого признания.

— Как?

Уилл прикусывает губу. Он не хочет смотреть на меня. И правильно. Если бы я сейчас была на это способна, я бы кричала на них и обзывалась, помимо всего прочего. — Он всегда был рядом, Тея. Он всегда был рядом с тобой. На всех лекциях, в коридорах, столовой и даже на улице.

— Он даже преследовал тебя в тот раз, когда ты вышла из столовой на день рождения Элиаса. Я видел, как он уходил за тобой, — добавляет Ксавьер, и мне хочется блевать.

— Значит, ты знал его с начала года?

Ксавьер качает головой. — Тогда я начал подозревать. Он говорил с тобой так, будто ненавидел тебя, но именно за ним нужно было следить.

— Ты спросил меня, что ему нужно.

— Просто чтобы узнать, скажешь ли ты мне. Я слышал вас двоих.

— И что дальше? — Я требую больше информации. Для меня это все новость.

Ксавьер пожимает плечами. — Я внимательно наблюдал за ним с того момента. Я предполагаю, что он знал, потому что с того момента он дважды подумал, прежде чем идти за тобой. Не сказать, что он не пялился на тебя при каждом удобном случае.

— Он ненавидел меня, — говорю я. — Он, блядь, ненавидел меня.

— Ненависть и одержимость не исключают друг друга, — комментирует Уилл.

Я смотрю на него. — И с каких пор ты это знаешь?

— С той ночи, — отвечает он.

— Вы видели его комнату? — спрашиваю я их обоих.

Они качают головами. — Идти туда после его исчезновения было бы самоубийством.

— Мне тоже. Вся его комната — это мотив. Разве ты этого не понимаешь? Ты мог бы рассказать мне. Мы бы что-нибудь придумали.

— Что придумать? Как проникнуть в студенческое общежитие только для того, чтобы оставить следы, что это было не дело о пропаже человека, а убийство? — Я сжимаю губы в тонкую линию. — Тот факт, что ты не знала, послужил поводом для настоящей реакции перед тем детективом, Тея.

Возможно, но я могу поспорить на что угодно, что полиция начнет задавать вопросы сейчас больше, чем когда-либо. Вся эта ситуация становится все хуже и хуже. Если бы не тот факт, что теперь у меня еще больше причин ненавидеть Сэмюэля, и не желание провести свою жизнь за решеткой из-за него, я бы пришла в полицейский участок и с Элиасом, и с Офелией. Вот как сильно все это испортило меня за несколько часов.

Я выхожу из гостиной и иду в свою спальню. Мне нужно поспать и перестать думать обо всем этом. Мне кажется, что сердце сейчас выпрыгнет из груди. Когда я поворачиваюсь, чтобы закрыть дверь, я вижу Ксавьера, стоящего передо мной. Его глаза пронзают меня насквозь. Он делает шаг, и наши тела соприкасаются.

Его дыхание обволакивает меня, и аромат его одеколona наполняет мои ноздри.

Я чувствую его руку на своей талии, затем в джинсах.

— Что... — начинаю я, но он вставляет между нами блистерную упаковку.

— Я знал, что ты взяла это у меня, — шепчет он. Там осталось только две таблетки. — Ты была слишком бесстрашна ко всему, что произошло.

— И что? Ты сам давал мне это раньше.

— Только когда я видел, что это поможет. Ты приняли восемь таблеток за короткий промежуток времени. Это опасно близко к зависимости.

— Вы сами поставили меня в такую ситуацию. Ты не можешь читать мне лекции о контроле, секретах и прочем. Прекрати это. Это жалко.

Он бросает блистерную упаковку на пол и обхватывает мои щеки. — Пожалуйста, не надо. Это не решит твоих проблем.

— Сейчас ты — моя проблема, — шиплю я. Я заставляю себя вести себя так, потому что

это не я. Я никогда не буду собой по-настоящему, и я вижу это в глазах Ксавьера. Он знает меня. Он знает, как много мне нужно, чтобы быть такой по отношению к нему.

Но он не комментирует.

Он наклоняется ко мне. Его губы почти на моих.

Я сглатываю.

— Мне жаль, — говорит он. — Я знаю, что слов недостаточно, но я сделаю все, чтобы вернуть тебя. Я не могу жить без тебя. Я не хочу даже пытаться.

— Слишком поздно.

— Нет. Ты все еще любишь меня, и я люблю тебя. Мне просто нужно бороться изо всех сил, потому что потерять тебя навсегда — это не вариант, *Меллилла*. И никогда не будет.

Я не отвечаю. Я не знаю как.

— Если тебе нужен диазепам, приходи ко мне. Не трави себя этим так сильно. Это не лекарство. Это подавление. Если ты не можешь поверить ничему, что я говорю, то поверьте этому. Я пережил это. Это не помогает от ебанутой жизни.

Он нежно целует меня. Его губы едва касаются меня, но бабочки в моем животе не исчезают. Моя любовь тоже не исчезает. Я позволяю ему сделать это, а потом смотрю, как он оставляет меня в покое. Давая мне пространство, на которое я никогда не думала, что он способен.

Тея

Я довольно быстро поняла, что для того, чтобы найти баланс между моими мыслями по поводу найденного тела Сэмюэля, его одержимостью и разрывом с Ксавьером, алкоголь — мой спаситель. И диазепам тоже. Теперь я могу лучше сосредоточиться и расслабиться, когда снова начинаю думать о той ночи. Мои занятия были продлены в три раза, так что я часто обнаруживаю, что провожу в библиотеке больше половины дня, и меня не беспокоят никакие посторонние мысли. Препараты творят чудеса со студентами-юристами, даже если это не самая популярная тема в Кембридже.

Я никогда никому не говорила, что прибегаю к помощи, чтобы пережить следующие несколько недель до рождественских каникул. Только Ксавьер знает. Я могу не разговаривать с ним сейчас, кроме редких приветствий, супервизий и всякий раз, когда у меня заканчивается диазепам. Он пытается поговорить со мной, но я просто знаю, что если я снова втянусь в его дерьмо, то не смогу смотреть на себя со стороны. Я влюблена, но, ради всего святого, я не дура.

Поэтому я игнорирую его, и пока это работает. Он не давит на меня, и более того, я снова видела, как он проводит время с Уиллом. Как будто между ними ничего не изменилось. Конечно, это только когда я держу дистанцию. Как ни смешно, но я — тот самый спусковой крючок, который может легко разрушить их дружбу, просто подойдя

ближе.

Я видела это однажды, когда подошла к ним после тренировки по лакроссу, и каждое слово, сказанное моим братом Ксавьеру, было грубым замечанием. Потом, когда я скрылась за углом здания Гейтхаус, оставаясь в состоянии слышать их, их разговор вернулся в нормальное русло.

Ксавьер никогда не признается в этом, но я знаю его достаточно, чтобы понять, что он ненавидит эту ситуацию. Всегда казалось, что ему все равно, знает мой брат о нас или нет. Но, возможно, он просто лучше скрывал это, свои истинные чувства — если они у него вообще были. Он заботится об Уилле. В этом я уверена. Со всеми черными осколками своего сердца и испорченным разумом, он считал Уилла своим лучшим другом.

Может быть, поэтому он пытается поговорить со мной, но не отталкивает меня, когда я просто ухожу.

Я даже вижу, как он недоволен, когда я прошу у него диазепам. Как будто он ненавидит, что я принимаю его, хотя он дал мне его в первый раз еще в библиотеке, но это единственная причина, по которой я все еще держу его рядом. И он прав.

Я несколько раз приходила в полицейский участок. Всегда отвечаю на вопросы, на которые не знаю ответов. Полицейские так зациклились на одержимости Сэмюэля мной, что, по-моему, перестали следить за другими уликами. Первые результаты вскрытия ничего не показали, как мне сказал детектив Эванс. К счастью. Окончательный отчет займет около месяца. Мы не полностью избавились от проблем. Однако, без свидетелей, подозреваемых и доказательств, похоже, что расследование ни к чему не приведет.

Как раз вовремя для Бала Культурного Закона.

Я должна была пойти с Ксавьером или вообще не пойти, но Офелия убедила меня в обратном, и поскольку я могу рассчитывать на алкоголь и вечеринку, я не отказываюсь. Вместо этого я покупаю красивое длинное красное платье, которое идеально подходит к теме — Казино Рояль. Впервые в жизни я выпрямляю волосы и закрепляю их шпильками с двух сторон, оставляя два локона спадающими на лицо. Поскольку я не часто пользуюсь косметикой и не могу сама сделать ничего модного, за меня это делает Офелия. И конечный эффект превосходит все мои самые смелые ожидания.

Я никогда не жаловалась на то, как я выгляжу. У меня нет причин. Но время от времени полезно побыть кем — э-то другим. Особенно когда обычный старый «я» переживает дерьмо, и я должна оставить его за дверью на эту единственную ночь.

— Я не скрyla твои веснушки. Я так тебе завидую, просто не могла заставить себя, — говорит Офелия, когда мы выходим из машины Уилла на стоянке возле Мэдинггли — Холла.

Людей так много, что требуется некоторое время, чтобы войти в здание и снять пальто в гардеробе. Но как только мы это делаем и попадаем в основную часть, где проходит бал, я теряю дар речи. Бальный зал выглядит как Версальский дворец с тремя люстрами, свисающими с потолка и освещающими комнату. Золотые орнаменты на стенах придают всему этому дорогой вид. Даже если это всего лишь иллюзия.

Столы похожи на те, что можно увидеть в казино, хотя это только на фасаде. Я буду весьма удивлена, если они позволят студентам действительно провести вечер в казино. Я бы нисколько не возражала. Ресторан находится в самом конце столовой, чтобы не мешать, когда начинаются танцы. И танцпол огромный. Так много места, что даже с учетом всех этих людей здесь не чувствуется тесноты.

Мы с Офелией сразу переходим к танцам. Это наша главная цель — танцевать до тех

пор, пока мы не сможем стоять на двух ногах, а потом есть и пить. Тем не менее, мы покидаем танцпол, чтобы иногда выпить бокал вина.

— Веселитесь? — спрашивает Элиас, когда мы садимся за стол, чтобы отдохнуть несколько минут. Мы танцевали уже больше часа.

Я смотрю на него. Вначале он не хотел приходить. Офелии пришлось умолять его. Даже больше, чем меня, что само по себе удивительно. На протяжении последних лет нашего обучения именно они уговаривали меня пойти с ними на вечеринку, в паб или еще куда-нибудь.

В последнее время Элиас был не в себе. Смерть Сэмюэля сильно ударила по нему. Наверное, больше, чем по кому-либо из нас. Он всегда был хорошим парнем. Хорошие оценки, широкая улыбка, доброта и обаяние, перед которым никто не может устоять. Ксавьер и Уилл занимались им с той ночи в библиотеке, удерживая его от обращения в полицию. Но я понимаю его желание признаться. Иногда у меня тоже такое бывало. Это чувство вины в тебе. Необходимость поступить правильно по отношению к кому-то. Даже если этот кто-то — Сэмюэль.

— Ты в порядке?

Он смотрит на меня и нерешительно кивает. Я не отворачиваюсь, ожидая, что он, возможно, скажет что-то еще. Я знаю, что он не в порядке. Он напряжен и не веселится вместе со мной и Офелией. Он всегда был нашим лучшим другом, немного уравновешивая нашу женскую сторону. Мы всегда хорошо ладили. Возможно, в последние несколько недель я слишком много внимания уделяла другим вещам и не уделяла достаточно внимания своему другу.

Я беру его руку, слегка сжимая ее. Придвигаю стул ближе, и наши колени соприкасаются.

Он вздыхает. — Это неважно, Тея. Просто иди и веселись. Ты заслужила это.

— Элиас, я знаю, что в последнее время я была дерьмовым другом, но я здесь ради тебя. Пожалуйста, поверь мне.

— Я знаю. У тебя было достаточно своих проблем. Я тебя не виню.

— Тогда в чем дело?

Наступает минута молчания. — Как ты относишься ко всему, что произошло?

— Нет. Не полностью.

— А кажется, что да.

— Притворяйся, пока не получится, Элиас. Это единственный способ, — говорю я ему. — Я знаю, ты хочешь признаться, но что это даст? Ты действительно думаешь, что то, что сказал Сэмюэль, как он показал, кто он есть на самом деле, стоит того, чтобы это сделать?

Он смотрит вдаль. К счастью, наш столик находится дальше в углу от других, поэтому мы можем свободно разговаривать. — Не стоит? Мы все знаем, что он был прав насчет меня.

Я всегда знала, что Элиасу нравятся мужчины. Это было очевидно с первого момента нашей встречи. Он никогда не говорил об этом вслух, а я никогда не спрашивала, потому что это никого не касается. И для меня это не проблема. Каждый заслуживает быть тем, кто он есть, любить того, кого он решил любить. Видит Бог, я приняла это близко к сердцу с Ксавьером.

— Того, как он это сказал, достаточно, чтобы показать, что он был полным дерьмом. Ты, Элиас, замечательный человек. Ты честный, добрый, умный, верный и чертовски

хороший друг. За последние два года мы прошли через многое в нашей учебе, поэтому я имею полное право сказать тебе это. То, кого ты решил любить, не определяет твою самооценку.

Он сглатывает, мои слова только что дошли до него. Ему предстоит пройти долгий путь. Но если быть совсем честным, то это делает весь мир. Потому что геи почему-то все еще считаются пятном на человеке, а это не так. Это никого не меняет. Это не определяет их.

— Я боюсь это сказать.

— Тогда не надо. Никто тебя не заставляет. Всему свое время, — говорю я. Моя рука лежит на его плече. Он смотрит на меня. — И когда бы ты ни был готов, я буду рядом.

Он наклоняется и крепко обнимает меня. Мне не хватает разговоров с ним, как раньше. Я действительно ужасный друг. — Спасибо.

— Тебе не за что меня благодарить. Я просто сказала правду. Пожалуйста, не позволяй словам Сэмюэля усомниться в себе.

— Я постараюсь.

Я простодушно подняла на него глаза. — А теперь иди и найди Офелию на танцполе. Она спрашивала о тебе.

Он хмурится. — А ты?

Я встаю, опустошая бокал вина Элиаса. — Мне нужно в туалет, и я вернусь.

С этими словами я целую его в щеку и иду к выходу из бального зала в коридор. Я поворачиваю за угол и останавливаюсь.

Справа от меня на лестнице сидит Ксавьер. Его голова опущена, локти лежат на коленях. На нем смокинг, почти такой же, как у Уилла. Хотя у него нет галстука-бабочки, а его белая рубашка расстегнута сверху.

Вопреки здравому смыслу, я подхожу к нему, цокая каблуками по полу.

Услышав меня, он поднял глаза. Вероятно, впервые я ясно вижу его эмоции. Он не скрывает их, и более того, выражение его лица не меняется на каменно-холодное через несколько секунд после того, как он понимает, что не один.

Не разговаривая с ним, я сажусь, вытянув ноги на ступеньку. Я снимаю туфли. Они убивали меня всю ночь. Жаль, что они не отвлекают меня от головной боли, которая меня мучает.

Я стараюсь не обращать на нее внимания.

— Ты пьешь алкоголь, — совершенно серьезно замечает Ксавьер.

— Да, пью. Мне двадцать, помнишь? — говорю я, хотя уверена, что он имел в виду совсем другое.

— Ты перегибаешь палку, Тея. Ты не глупая, поэтому я знаю, что ты исследовала диазепам в первый раз, когда моя мама рассказала тебе о нем. Ты знаешь, что нельзя пить алкоголь, принимая его.

— Я принимаю диазепам уже некоторое время.

— Я не знал, что раньше ты тоже пила. Смешивание его с алкоголем приводит к усиленному и длительному успокоению. Это разрушает ваше тело и ваш разум.

— Это дает мне покой.

Он сужает глаза. — Надолго? Ты принимаешь все больше и больше таблеток. Я был там, я делал это. И я больше не буду помогать тебе разрушать себя. Я слишком сильно тебя люблю, чтобы смотреть, как ты это делаешь, или быть частью этого.

Он встает и направляется к главной части бала.

Я иду за ним. — Тогда зачем ты вообще сказал мне прийти к тебе, если мне это нужно? Я не спрашивала. Ты сказал мне прийти.

Ксавьер вздыхает, поворачиваясь ко мне. — Это был единственный способ, чтобы ты хотя бы поговорила со мной. Я общаюсь с тобой только во время супервизий или когда ты просишь таблетки. Я скучаю по тебе и хочу, чтобы ты была рядом.

— Тогда зачем останавливаться сейчас?

Я знаю, что заманиваю его, потому что у меня почти закончился диазепам. Кроме того, моя голова раскалывается все больше и больше, и мне нужно, чтобы это прекратилось.

Он грустно улыбается. Это не ухмылка и не полноценная улыбка. Его рука протягивается ко мне, и он убирает прядь моих волос за ухо, как он часто делал. Его пальцы мягко проводят по моему лицу от виска до линии челбсти. Затем он захватывает мой подбородок между большим и указательным пальцами, заставляя меня поднять на него глаза. Даже на каблуках я немного ниже ростом.

— Я люблю тебя. Вот почему. Я хочу помочь, а не быть причиной твоих проблем. Больше нет.

— Люди не меняются так быстро, как ты, Ксавьер. Ты не можешь ожидать, что я поверю, что ты так быстро перешел от игр разума к заботе обо мне.

— Люди меняются. Посмотри на себя. Ты изменилась. И это было намного сильнее, чем у меня. Я всегда заботился о тебе, я просто не показывал этого так, как должен был. Тебе никогда не было на все наплевать.

Его лоб касается моего, наши глаза все еще смотрят друг на друга.

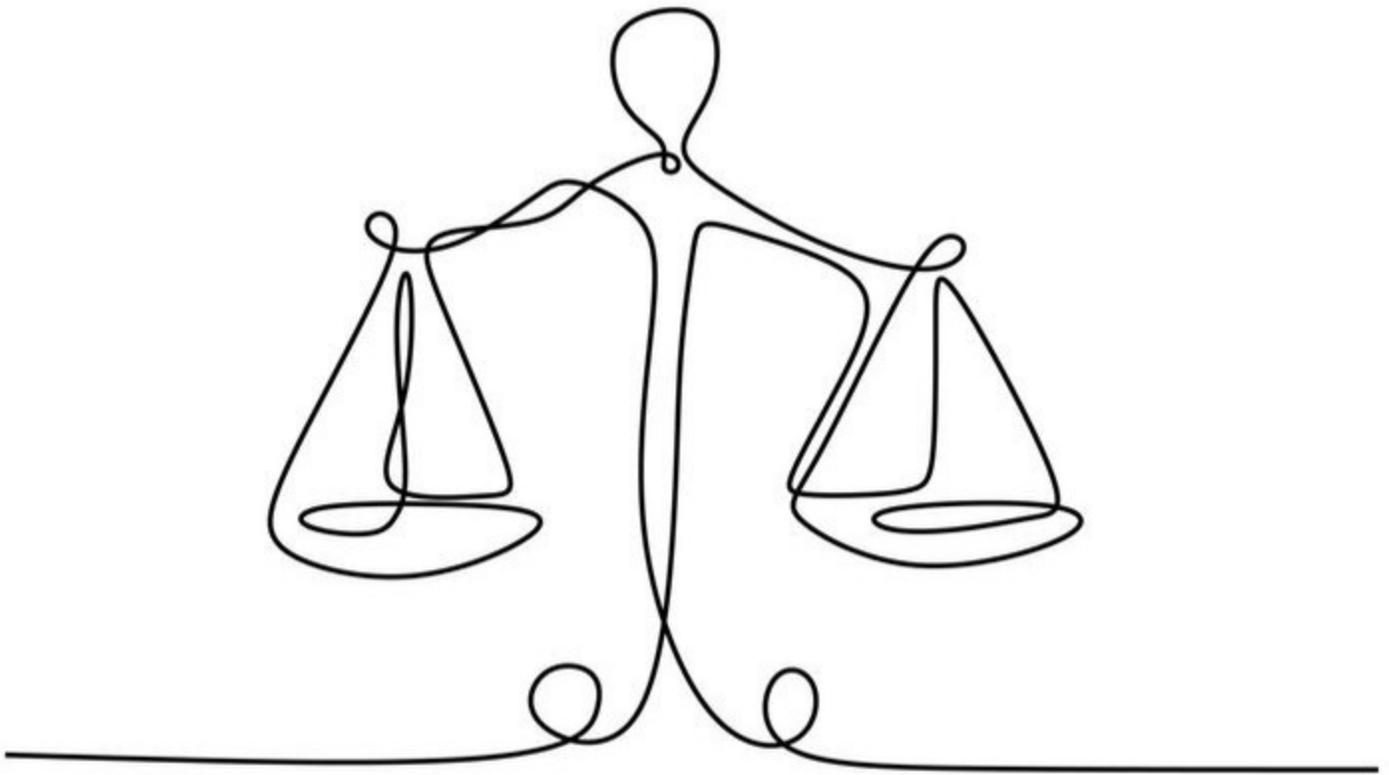
У меня пересохло в горле, пульс набирает обороты.

— Увидимся, любимая. — Он целует меня в щеку.

В последнее время я часто вижу, как он уходит от меня. Между нами произошел сдвиг. Я всегда уходила первой. Теперь это делает он.

И это причиняет боль.

Тея

Я не могу дышать.

В моей спальне темно. Я накидываю одеяло на окно, чтобы защититься от дневной яркости. Я не могу выносить свет. Он раздражает мои глаза, и головная боль берет верх. Любой незначительный шум делает ее еще хуже. У меня дрожат руки, и я не понимаю, почему. Я приняла диазепам. У меня осталась последняя таблетка. Но я чувствую себя так, как будто не принимала.

Последние два дня я пропускала лекции, с тех пор, как был бал, потому что у меня нет сил даже встать с кровати дольше, чем на быстрый поход в туалет. Сначала Уилл думал, что я заболела, но поскольку он уже снова разговаривает с Ксавьером, я могу поспорить, что он знает, что происходит на самом деле. Перед тем, как уйти сегодня на занятия, он принес мне бутылку воды и миску на случай, если меня стошнит. Мои головные боли обычно так и заканчиваются. По крайней мере, сильные.

Входные двери открываются, и я зажимаю ладонями уши. Мои глаза закрыты, так как я лежу с простынями на полу, а голова погружается в уже вонючую подушку. Ночью я вспотела. Это довольно забавно, так как на улице начался снегопад, и температура, судя по тому, что сказал мне Уилл, мгновенно упала.

Снаружи моей комнаты доносятся голоса. Даже мои руки не могут заглушить это. Я

буквально чувствую, как кровь пульсирует в моем теле, как в висках стучит каждое слово, которое я не могу понять. Мой мозг перестал работать так, как раньше. Трудно распознать, чьи это голоса. Один, вероятно, моего брата, но другой... это может быть голос Офелии или Ксавьера.

Это полный пиздец. Женские голоса и мужские похожи.

В дверь стучат. Врывается холодный воздух.

Я открываю глаза, различаю две мужские фигуры, стоящие там. Ксавьер, кажется, покончил со мной еще на балу. Он ушел, верно? Так почему же он здесь? И почему?

Шаги приближаются.

— Зачем ты пришел сюда? — шепчу я. Если бы в спальне не было абсолютно тихо, они бы меня не услышали.

Никто из них не отвечает. Вместо этого Ксавьер садится на кровать рядом со мной и смотрит на меня в течение минуты, прежде чем повернуться к Уиллу, все еще стоящему в дверном проеме. — Оставь ее здесь, — говорит он. Он говорит шепотом, за что я ему благодарна.

— Я не могу. Наши родители ждут нас обоих на Рождество. Кроме того, я не могу оставить ее одну здесь на две чертовы недели, Ксавьер. Они будут задавать вопросы, а я буду очень волноваться. Ей нужен врач. Я понятия не имею, как избавить человека от зависимости.

Уилл не так спокоен.

Я шиплю. — Заткнись, Уилл. Пожалуйста, — умоляю я.

— Я знаю, что делать. Я останусь с ней и помогу.

— Осторожно, Ксавьер. Я позволил тебе увидеться с ней, потому что беспокоюсь, но я все еще ненавижу вас двоих вместе.

Он прислушался. Он прошептал. Недостаточно хорошо, но я приму это.

Ладонь Ксавьера накрывает мою, а кончики его пальцев проводят по моему запястью.

— Ты можешь отпустить это хотя бы на минуту? — спрашивает Ксавьер. Его низкий голос довольно успокаивающий. Удивительно. — Она не принимала диазепам уже очень долгое время. Это еще не худшая стадия зависимости. Сейчас ее все раздражает, потому что она не принимает его в прежних количествах. Ее организму нужно привыкнуть к тому, что было раньше, когда она начинала, а потом мы постепенно избавимся от него совсем.

— Нет, я отвезу ее в больницу.

— Чтобы они могли спросить, откуда она это взяла, вызвать полицию, и они один за другим спишут это на результат того, что случилось с Сэмюэлем? Потому что именно так все и произойдет, если ты это сделаешь. — Пауза. — Я был там, где она сейчас, Уилл. Я позабочусь о ней.

— И что я должен сказать нашим родителям? Я вряд ли смогу сказать им правду. У Теи и так уже было с ними тяжело. Наша мама будет в бешенстве.

— Тогда скажи им, что я попросил ее провести Рождество со мной.

— Они не знают о вас двоих.

— В какой-то момент они должны узнать. Это может случиться и сейчас.

Уилл вздыхает. — Вы расстались.

— Она рассталась со мной.

Наступает более длительная пауза, пока мой брат обдумывает это.

— Хорошо. Пиши мне смс с новостями. Если ей что-то понадобится, я сяду в машину и

буду здесь как можно скорее.

— Без проблем.

Мое сердце бьется.

— Почему? — спрашивает Уилл. — Почему ты помогаешь ей, когда она порвала с тобой?

Ксавьер смотрит на Уилла, потом на меня и слегка улыбается. — Потому что, вопреки твоему мнению, я люблю твою сестру и должен начать заглаживать вину за последние два года.

Вскоре после этого Уилл покидает мою комнату, а через несколько минут и квартиру. Я остаюсь наедине с Ксавьером на ближайшее обозримое будущее. Мне не нужно ехать домой. К счастью. Я бы даже не смогла высиживать всю дорогу. Не говоря уже о том, чтобы притвориться, что со мной все в порядке.

Это не так.

Теперь я это знаю.

Это первый шаг, верно? Осознать проблему.

Она развивалась так чертовски быстро, что у меня кружится голова от одной мысли об этом.

— Тея, любимая, — мягко говорит Ксавьер, смахивая ее с моего лица. Я не вижу всех частей его лица, потому что здесь темно, но его глаза все равно заставляют меня перестать дышать. — Я знаю, что ты слаба, но тебе стоит принять ванну. Это поможет расслабить твои мышцы. Они, должно быть, болят. И ты немного освежишься.

Мои мышцы действительно болят. В один момент они напряжены, в другой — расслаблены. И снова расслабляются.

— Я не могу.

— Можешь. Я помогу.

— Слишком ярко, если включить свет.

Он целует мой лоб, затем на секунду отходит от меня, прежде чем вернуться. — Теперь все хорошо. Он подходит ко мне, просовывает руку мне под спину, а другую под колени, прижимая меня к своей груди. Я тяну руки к нему, но не нахожу в себе сил обнять его. К счастью, он может удержать меня сам.

Медленно, чтобы шаги не звенели у меня в голове, он несет меня в ванную. Вокруг горят четыре свечи. Две возле ванны и две рядом с умывальником. Это действительно помогает. Еще темно, но я вижу, что происходит, а Ксавьер может разглядеть дорогу, чтобы не споткнуться.

Вода уже наполняет ванну, когда я позволяю Ксавьеру помочь мне раздеться. Не то чтобы он не видел меня голой раньше. Хотя сейчас, когда мы не вместе, я чувствую себя немного по-другому. Я бы предпочла сделать все сама, но знаю, что не могу.

— Ты не должен этого делать, ты знаешь, — шепчу я, лежа в ванне, вода и пена слегка покрывают меня. Так легче думать. Ксавьер был прав, что это расслабит мои мышцы. Теперь они не так сильно болят.

Он сидит на полу, вытянув ноги. Он расчесывает пальцами волосы в расстройстве. — Да, я знаю, но я хочу, — говорит он. — Ты бы не оказалась в этой ситуации, если бы я не дал тебе диазепам.

— Почему ты это сделал?

Это не обвинение. Это простое замечание. Я не злилась, просто была слегка

раздражена, и у меня болела голова.

— Я видел, как Сэмюэль действует на тебя. Как красная тряпка на быка. Я не хотел, чтобы ты беспокоилась о нем, потому что он постоянно несет всякую чушь. Кроме того, замедление работы мозга иногда может помочь от головной боли.

Мои глаза сужаются, но я ничего не говорю. Он прав. Сэмюэль всегда был моим человеческим видом спонтанного сгорания. Иногда я знала, как оставить его в покое, а иногда нет.

Я почти уверена, что эта ночь в библиотеке была тем самым конечным эффектом. Который я вызвал.

— Значит, ты был зависим от диазепама, — констатирую я.

— Был. Это было намного хуже, чем у тебя. Я принимал все больше и больше, пока мой разум не превратился в буквальную помойку. Я не мог мыслить здраво. Мое функционирование зависело от того, когда я смогу принять очередную таблетку. Пока, думаю, моя злость на то, что я ничего не могу сделать, не заставила меня взять себя в руки.

— Как ты сделал это сам? Как это вообще возможно?

— Это не так. Я был достаточно зол, чтобы захотеть сократить прием диазепама, но моя мама была рядом, чтобы собрать все по кусочкам.

— Разве не забавно, что ты принимал диазепам из-за проблем с гневом только для того, чтобы разозлиться на таблетки? — Я улыбаюсь, просто думая об этом.

Он мрачно усмехается. — В какой-то момент тебе нужно все больше и больше, чтобы таблетки подействовали. Полагаю, я достиг того момента, когда мне нужно принимать еще больше, чтобы они подействовали.

— Мне нравится твоя мама, — говорю я ему, откидывая голову на стенку ванны. Мои глаза встречаются с Ксавьером.

— Ты ей тоже нравишься.

— Она не будет любить тебя после этого Рождества, если ты останешься здесь со мной, вместо того, чтобы быть с семьей.

— Уилл тоже моя семья, — признается он. — Ты — моя семья. Они поймут. Моя мама на собственном опыте видела, какой я был хреновый. Она не будет держать зла ни на меня, ни на тебя.

— Я тоже в жопе?

— Каждый из нас, *Меллилла*. Однако, если ты имеешь в виду таблетки, то ты сильная. Ты справишься с этим быстрее, чем думаешь. Ты не принимала их так долго. Обычно, если врач выписывает тебе диазепам, то на две-четыре недели, именно из-за эффекта привыкания.

— И как мы вообще собираемся это делать?

— Ты вернешься к приему таблеток время от времени в течение этой первой недели. Как в самом начале. Потом вторую, надеюсь, мы попробуем без них. Мы не можем полностью отказаться от них. Это будет слишком сильным шоком для твоего организма, а тебе нужно научиться отказывать себе.

Я вздыхаю, кивая.

— Мне нравится твой голос, — шепчу я, меняя тему. — Он творит чудеса с моей головной болью.

Ксавьер улыбается. — Вообще-то, это из-за ванны, которую ты принимаешь, но я возьму эту заслугу на себя.

Я погружаюсь в воду, и она покрывает все мое тело. Под водой спокойно, и голова больше не болит. Я уже чувствую себя лучше. Ксавьер действительно знает, что делает, и я рада этому. Я не хочу стать наркоманом. Не для того, над чем я сейчас не властна.

Я поднимаюсь, находя в себе силы сделать это, и мои глаза снова встречаются с глазами Ксавьера. Он долго смотрит на меня, его лицо не поддается прочтению. Он не сводит с меня взгляда, и мне трудно не отвести глаз, потому что то, что мы сейчас делаем — это буквально ничто. Я запуталась, потерялась, и он показывает все, на что я надеялась, что он будет таким, как раньше, это не помогает. Я заново узнаю, кто он такой.

— Ты выглядела совершенно потрясающе в этом длинном красном платье. Я не мог оторвать от тебя глаз, — говорит он ни с того ни с сего, имея в виду бал. — Я хотел сказать тебе это еще на лестнице, но разговор отклонился в сторону, и я разозлился, увидев, что ты пьешь.

— Ты всегда злишься.

— Не всегда, но часто. — Он усмехается.

— Я завидую тебе.

— Чему завидовать? Тебе буквально нечему завидовать мне, любимая.

— Твоему контролю. Ты научилась контролировать себя почти до совершенства.

Я серьезно. Каждое слово. Я могу не злиться, но контроль не всегда означает это. Вы можете не контролировать многие вещи, и одна вещь, которую я не контролирую, это моя чертова жизнь. Хотел бы я иметь такую силу, как у Ксавьера. Плюс его отношение — наплевать на все. Так мне было бы лучше.

— Мой контроль здесь, чтобы я не причинял людям больше вреда, чем уже причинил, — шепчет он. — И посмотри, как это получилось с тобой.

Я хмурюсь. — Что ты имеешь в виду?

— Я причинил тебе больше боли, чем кому-либо другому, о ком я забочусь. Я люблю тебя, и это не помешало мне уничтожить тебя. Возможно, контроль переоценен. Для меня это может быть просто оправданием, а с меня хватит оправданий. Я учусь разбираться в своих чувствах.

— В одиночестве?

Он качает головой. — Я бы не смог сделать это один. Как ты мне и сказала, мне пришлось вернуться к терапии. Раньше я думал, что это глупо, потому что я все равно держу самые важные части в себе. Я все еще должен это делать. Но я стараюсь быть более открытым для своих чувств.

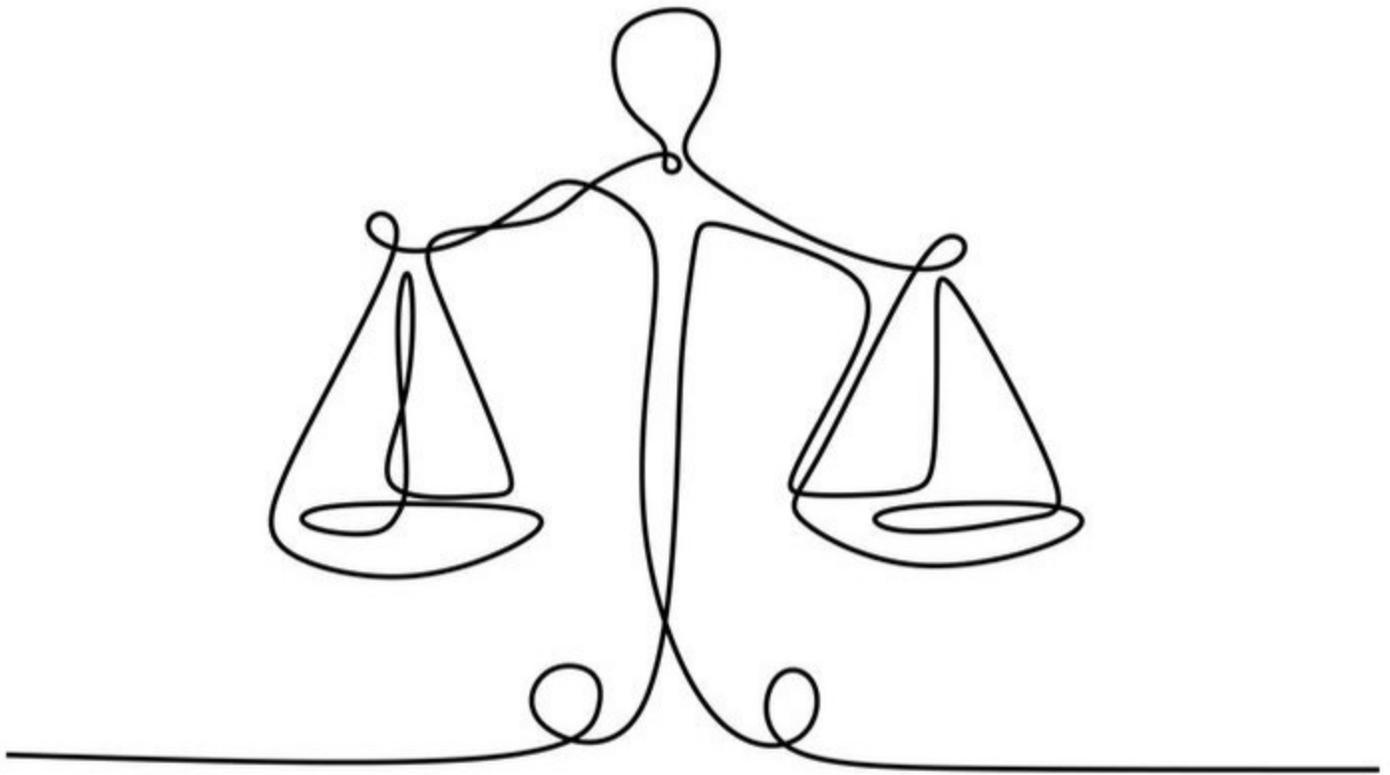
Он наклоняется и целует меня в макушку.

— Теперь, пожалуйста, закрой глаза и расслабься. Мы можем поговорить позже. Тебе нужен отдых.

Почему-то в его голосе все еще звучит легкая надломленная нотка, которую я теперь легко различаю. В нем звучит какое-то сожаление. Почти как в моем. Мы зашли слишком далеко. Все. Когда нам следовало прислушаться к Уиллу и Офелии. Мы разрушили себя, не понимая, как больно будет потом это переживать.

Ксавьер, что удивительно, обратился к своим чувствам, которые он по большей части держал взаперти. Я впала в полное неведение. Все легко могло бы быть наоборот, если бы мы прекратили это год назад.

Ксавьер

— Как она себя чувствует? — спрашивает мама по телефону, пока я готовлю завтрак для нас с Теей.

Прошло уже больше недели, и это после Рождества. Честно говоря, это были самые тяжелые рождественские каникулы, которые когда-либо переживала Тея. И для меня тоже, потому что мне приходилось наблюдать за тем, как она преодолевает трудности. Некоторые дни были легче, некоторые труднее, когда гнев брал верх, и она не хотела меня видеть, закрывалась в спальне и проводила там полдня. Потом выходила, обнималась со мной на диване и извинялась.

Не то чтобы я нуждался в извинениях. Я все понимаю. Лучше, чем кто-либо другой.

Я вздыхаю. — Намного лучше. Уже второй день она не принимает диазепам. Вчера она весь день провела в постели с головной болью, а сегодня проснулась с улыбкой, и сейчас принимает ванну.

— Это замечательно. Я очень рада, что она с этим борется.

— Я недооценил, как быстро ее организм привык к таблеткам, так что это все взлеты и падения.

— Ты не мог знать, принимает ли она их, пока тебя не было рядом, — говорит она. — Тебе потребовались месяцы, чтобы полностью прийти в норму, Ксавьер. У Теи за плечами

не так много борьбы, но это не уменьшает эффекта.

— Я знаю, мама.

— Как проходит терапия?

— Я не хочу оставлять Тею одну, поэтому пока мы общаемся по телефону. Все в порядке, я думаю. Знаешь, иногда трудно сказать, помогает это или нет. Иногда я думаю, что присутствие рядом с Теей помогает больше.

— Это может быть комбинация того и другого. Просто не забывай давать ей свободу. Вы расстались не просто так.

Она не знает, почему именно мы расстались, потому что я никогда ей не говорил, но она умна и хорошо меня знает. Я уверен, что она все равно догадалась.

— Я стараюсь.

— Я знаю, что стараешься.

Я смотрю в коридор, когда Тея выходит из ванной в моей футболке и черных шортах. На ее лице мягкая улыбка, когда она идет в мою сторону.

— Мам, мне нужно идти. Я поговорю с тобой позже. — Тея что-то говорит мне. — Тея передает привет.

— Обними ее за меня. Я люблю тебя.

Я сглатываю. — Я тоже тебя люблю.

Я не часто говорю это маме. И вообще никому, кроме Теи. Но это процесс обучения и для меня.

Отложив телефон, я тянусь к тарелке с тостами. Я достаю масло, чего обычно не делаю, но жирная пища тоже помогает при абстиненции. Она поглощает вещество.

Она смотрит вниз на еду, ее губы кривятся. Она никогда не ела много. Не говоря уже о нездоровом количестве жира. Я, как спортсмен, могу это понять.

— Разве мы уже не избавились от всего этого дерьма из моего тела?

— К сожалению, нет. Оно может оставаться там от трех до десяти дней. Вот почему тебе нужно много пить и есть. Лучше перестраховаться, чем потом жалеть.

Она сужает глаза и усмехается, качая головой. — Лучше перестраховаться, чем потом жалеть, — повторяет она. — Вот слова, которые я никогда не думала, что услышу от Ксавьера Блейка.

Я тоже.

Пока она откусывает от тоста, я наливаю себе чашку кофе.

— Можно мне тоже кофе?

— Нет, милая. Он останавливает воду, а мы этого не хотим. Я могу сделать тебе зеленый чай, если хочешь. Он должен действовать так же.

— Может быть, позже, — она откусывает еще кусочек. — У тебя это хорошо получается, знаешь? Помогать в выздоровлении.

— Это не совсем то, что я планирую делать когда-либо снова, — говорю я без колебаний. Я уверен, что Тея теперь дважды подумает, прежде чем снова принимать диазепам. Тем более что я не дам ей его. Наконец-то она выходит из этого оцепенения.

Единственное, что меня по-прежнему пугает, это то, как она будет реагировать впредь, когда речь пойдет о смерти Сэмюэля. Полиция до сих пор не закрыла дело. Каждого из нас уже допрашивали — Тею больше других. Это одна из причин, по которой она сама начала принимать диазепам, и она не изменилась. Надеяться на то, что они закроют дело — пустая трата времени. Семья Сэмюэля будет искать ответы. Тобиас Эванс тоже один из тех, кто

получает деньги от семьи. Судя по тому, что сказала Тея, он настроен решительно.

Я уверен, что в какой-то момент они вернуться к ней. Ни у кого больше нет такого мотива, как у Теи. Или они так думают.

— Я давно не разговаривала с Уиллом. Ты знаешь, когда он вернется? — спрашивает она.

Я барабаню пальцами по стойке у себя за спиной. — Завтра днем.

Он остался в Дедхэме, чтобы дать время Тее поправиться. Я каждый день сообщаю ему о ее самочувствии, поскольку в большинстве случаев она не чувствует себя достаточно сильной, чтобы поддерживать разговоры. Но он отказывается остаться там на Новый год с родителями, и я его понимаю. Я бы тоже этого не хотел. Однако, судя по его рассказам, когда их родители узнали, что у Теи якобы есть парень, ее мать не слишком сильно ругалась.

— Есть планы на Новый год? Я слышала, что Холли устраивает вечеринку.

Я поднимаю бровь. — Я не уверен, ты меня подкальываешь или действительно спрашиваешь. И ты не прикасалась к своему телефону все эти недели, так откуда ты знаешь?

— Я не подкальываю тебя. У тебя есть полное право делать то, что ты хочешь, Ксавьер. Кроме того, тебе нужно провести некоторое время вдали от меня. Я слишком долго держала тебя здесь.

Я отталкиваюсь от стойки и наклоняюсь над столом, приближаясь к лицу Теи. — Давай проясним одну вещь. Я хочу быть здесь с тобой. Ты меня не удерживаешь. И мне плевать на вечеринку Холли. Я уже достаточно на них побывал.

Она облизывает свои губы, глядя на мои. Я знаю, что она хочет поцеловать меня так же сильно, как я хочу поцеловать ее. Но она не хочет. И я тоже не буду этого делать. Нам нужно время. Все постепенно меняется, но ничего не делается за считанные дни.

— Понимаем ли мы друг друга? — повторяю я.

Она кивает. — Да, сэр, да. — Она отдает честь, заставляя меня рассмеяться.

— Я думаю, это звучит так: — О капитан. Мой капитан.

Тея закатывает глаза. — Хорошо, Уолт Уитмен.

***

Затягиваясь, я чувствую, как сигарета заполняет мои легкие, прежде чем я выдыхаю ее. Сигарета зажата между пальцами, когда я сижу на небольшой стене прямо у подъезда многоквартирного дома Уилла и Теи. Прошло несколько дней с тех пор, как я последний раз курил, так как от запаха Тею тошнило. Так что я не стал этого делать. Как бы вредно это ни было, это помогает мне думать и расслабляться, когда это необходимо. Сейчас, в последние минуты уходящего года, это кажется уместным.

Я натягиваю пальто поплотнее. Эта зима довольно холодная. К счастью, снег исчез так же быстро, как и появился. Остался только ветер и низкая температура.

— Спасибо, — слышу я голос Уилла рядом с собой. Я поворачиваю голову ко входу в здание, видя его в куртке и шапочке. — За то, что позаботился о Тее. Я бы не знал, что делать, — объясняет он.

Я киваю. — Мне не нужно, чтобы ты меня благодарил. Я бы сделал то же самое для тебя.

Уилл хмурится. — С каких это пор ты так переживаешь? — шутит он, но я знаю, что вопрос серьезный.

Закатив глаза, я протягиваю руку, отдавая ему сигарету. Он занимает место рядом со мной, затягиваясь.

— Твои родители очень злились, что Тея не приехала?

Уилл усмехается, качая головой. — Как только мама услышала, что она со своим *парнем*, она вообще перестала о ней говорить. Я не уверен, хорошо ли это, но я приму это за бред, который я иногда слышу.

Я смеюсь. О, как бы я хотел поставить их мать на место. На данный момент она — мой самый ненавистный человек номер один. Половина проблем Теи исходит от нее. Я знаю, что вторая — это я, но, по крайней мере, я пытаюсь это изменить.

— Я рад, что мы снова разговариваем, Уилл. Однако, я должен прояснить одну вещь. Я не намерен отказываться от нас с Теей.

Тишина опускается на нас, пока мы обмениваемся сигаретой, закуривая. Уже поздно, темно, лишь один фонарь освещает улицу, и вокруг нет людей. Тишина почти оглушительная.

— Знаешь, что Тея сказала мне в день инсценированного суда? Прямо перед тем, как ты все окончательно испортил? — Я молчу. — Она сказала: «Не делай этого, Уилл. Не заставляй меня выбирать. Если ты это сделаешь, я выберу его. Каждый раз, я выберу его. И я не могу допустить, чтобы ты ненавидел меня за это». Это совершенно абсурдно, что после всего этого, я почти уверен, что она все равно выберет тебя. Или, по крайней мере, она дважды подумает, прежде чем принять решение, — добавляет он. — Она моя сестра, и я хочу для нее лучшего. Я хочу, чтобы она была по-настоящему счастлива, потому что она не заслуживает меньшего. Особенно из-за нашей матери и ее потребности в том, чтобы Тея была идеальной. И я верю ей, когда она говорит, что выбрала бы тебя. Мне надоело бороться с этим. Я вижу, что ты сейчас стараешься, и я ценю это. Кроме того, я скучаю по своему лучшему другу.

Я улыбаюсь этим словам.

— Но если ты снова причинишь ей боль, смерть Сэмюэля покажется тебе гребаной прогулкой в парке.

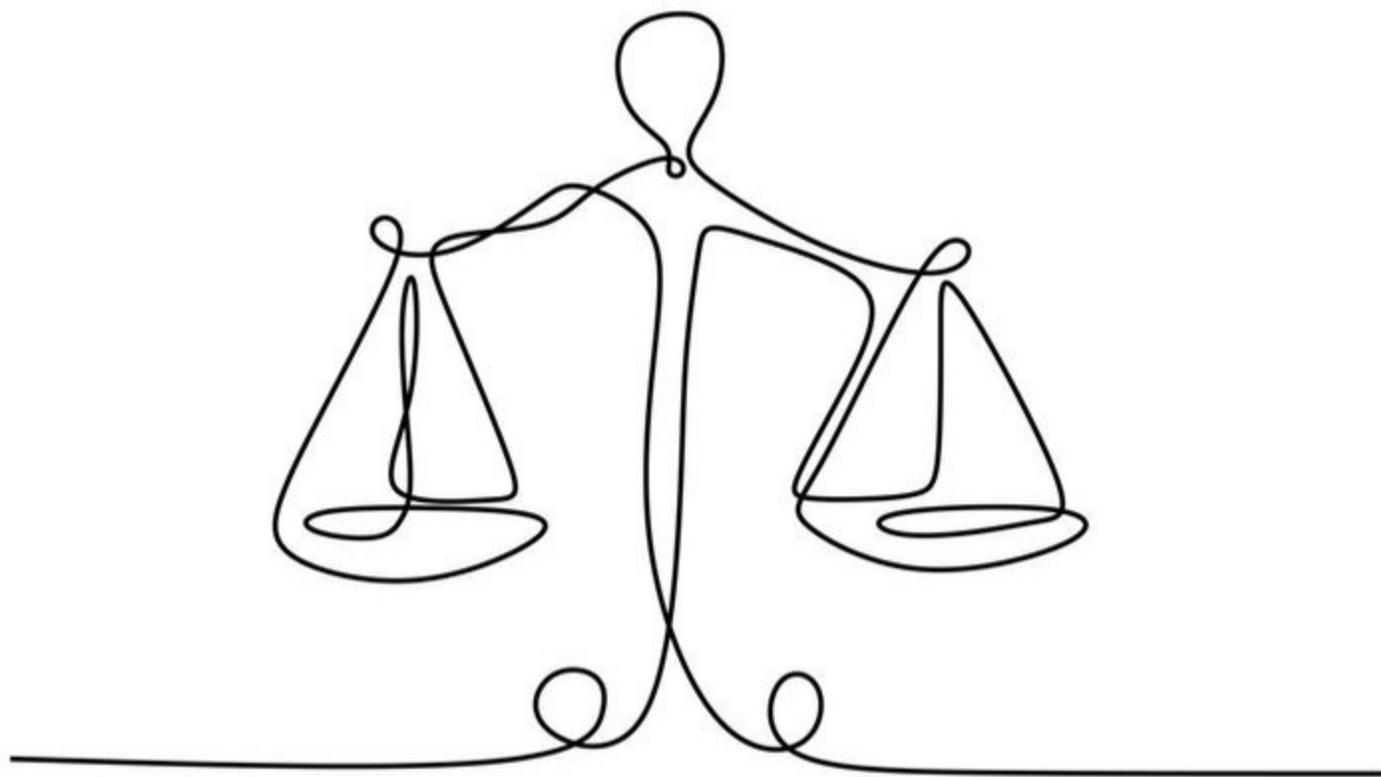
Уилл прошел немалый путь, чтобы шутить на эту тему. Возможно, это чтобы разрядить напряжение, потому что все становится слишком серьезно для нас, но все же. Он имеет в виду все это.

— Так у нас все хорошо? — эспрашиваю я.

— Да, хорошо.

— Я рад, — говорю я. — Потому что я хочу попросить тебя о чем-то важном, и мне нужно, чтобы ты согласился.

Тея

Первый день возвращения после адских рождественских каникул — это определенно невесело. Особенно когда с самого начала ты начинаешь слышать все о судебных заседаниях, которые будут в июне. Последние экзамены, которые я буду сдавать как студент бакалавриата. Не говоря уже о том, что вместо одного из экзаменов я начинаю семинары с Корландом по написанию диссертации на тему «Преступность и уголовное правосудие». Это займет дополнительное время, а стресс уже давит на меня.

— Если я умру в этом семестре, не забудь сыграть «Drop it like it's hot», пока меня будут опускать в землю, — говорит Офелия, когда мы идем в класс Корланда.

Я смотрю на нее, разражаясь смехом. — Иногда то, что ты говоришь, заставляет меня усомниться в твоём интеллекте.

— Почему? Потому что я верю, что когда ты должен уйти, ты уходишь с шумом? Все будут говорить об этом еще долгие годы. Не ревнуй, потому что я в центре внимания.

Я закатываю на нее глаза. — Да, именно это я и имею в виду.

— Тея, — зовет меня Уэс, доставая бумаги из своей кожаной сумки. Я подхожу к нему. — Нам нужно определить, когда мы будем проводить наши семинары. Надеюсь, у тебя уже есть идеи по теме твоей диссертации.

— Да, конечно. У меня их несколько.

А у меня нет. Со всем происходящим только сегодня утром я едва вспомнила о том, что вообще записалась на написание диссертации. Теперь у меня есть всего несколько месяцев, чтобы все это сделать, и я представляю, как будет раздражен Корланд, если я приду на наш первый семинар без единой идеи.

— Отлично. Мне не терпится узнать о них все. Пожалуйста, оставьте свое расписание на этот семестр на моем столе до конца лекции, хорошо? Я посмотрю, что мы сможем вписать в семинар. Не забудьте включить и свои внеклассные занятия.

Я киваю и поднимаюсь по лестнице на свое место. У меня есть еще час, чтобы придумать несколько идей, чтобы больше не врать, что у меня что-то готово. Мой мозг еще не включен на сто процентов, головные боли то появляются, то исчезают, но уже лучше.

Офелия толкает мою руку. — Ты в порядке?

Я рассказала ей все сразу после Нового года. Она уже знала о том, что я принимала диазепам, когда у меня была абстиненция, но мы не разговаривали. Ксавьер говорил с ней один или два раза, когда я не чувствовал себя достаточно сильной. Сначала она не очень хорошо к этому отнеслась. И правильно. Я была бы такой же, если бы моя лучшая подруга скрывала такую важную вещь в своей жизни. Офелия думала только о том, что я наконец-то начала веселиться, потому что это все, чем я хотела поделиться. Но ложь накапливается и разрушает вещи. В нашей группе друзей уже достаточно лжи, чтобы хватило на всю жизнь. Зачем добавлять еще больше?

— Да, я в порядке. Если Корланд меня о чем-то спросит, пни меня. В противном случае мне нужно придумать тему для диссертации.

— Договорились.

***

Один пинок.

Два.

Три, блядь, сильных.

Я поворачиваюсь лицом к Офелии, но ее взгляд устремлен вперед. Я следую за ее взглядом и замечаю двух полицейских. Один из них что-то говорит Корланду, а другой поднимается по лестнице. Мое сердце начинает биться очень быстро.

Один ряд.

Третий.

Десятый.

Он проходит мимо меня, но мое тело все еще горит. Мои руки потеют, и я чувствую, как рука Офелии крепко обхватывает мое запястье.

Полицейский останавливается рядом с Ксавьером.

Мои ногти впиваются в бедро.

— Ксавьер Блейк, — начинает он, доставая наручники. — Вы арестованы за убийство Сэмюэля Хейла...

У меня кружится голова. Мои глаза следят за губами мужчины, который зачитывает Ксавьеру его права, надевая наручники на его запястья, и все смотрят на него. Но я ничего не слышу. Звон в моей голове становится громче с каждой секундой, пока я сижу неподвижно. Я не могу пошевелиться. Не могу говорить.

А Ксавьера, похоже, это не волнует.

— Все в порядке, — говорит он мне, когда проходит мимо моего стола, и оба полицейских выводят Ксавьера из класса.

Разговоры вспыхивают.

Почему, черт возьми, они только что арестовали Ксавьера? После нескольких недель, в течение которых ни у кого из нас ничего не было, они просто надели на него наручники.

Почему?

Почему?

Я встаю, стряхиваю руку Офелии со своего запястья и бегу вниз по лестнице к столу Уэса, который выглядит таким же растерянным, как и все мы.

— Мне нужно уйти, — говорю я ему, даже не думая спрашивать разрешения. Я не уверена в том, что собираюсь делать. Что я в состоянии сделать, но звонок его родителям может стать первым шагом. Они должны найти ему адвоката.

— Тея, — зовет Корланд. Я смотрю на него, когда он поднимает руку. — Занятия окончены, — говорит он остальным ученикам, быстро забирая свои вещи. Затем он бросается ко мне.

— Что ты делаешь?

— Я иду с тобой.

Тея

Люди входят и выходят в полицейский участок каждую секунду, пока я сижу на крайне неудобном стуле. Мои ноги подпрыгивают, как-будто они в огне, готовые поднять меня в тот момент, когда кто-нибудь, предпочтительно Корланд или, еще лучше Ксавьер, придет, чтобы рассказать мне, что происходит.

Я просидела здесь почти час, пока Уэс шел дальше в полицейский участок, утверждая, что он адвокат Ксавьера. Довольно удивительно, что он так отреагировал, не зная Ксавьера очень хорошо, только по нескольким супервизиям и первому семестру. Однако я не буду жаловаться, потому что он один из лучших адвокатов по уголовным делам в стране. Даже с таким количеством денег, какое есть у родителей Ксавьера, они не найдут никого лучше. Особенно когда Уэс уже знаком с делом и имел место в первом ряду для всего, на чем написано имя Сэмюэля.

Вопрос в том, зачем Ксавьеру нужен адвокат... Что они могли найти за все это время такого, чего не было раньше.

Мой разум мчится со скоростью тысячи миль в час, перебирая все «почему», «если» и «возможные решения». Я даже думала о том, чтобы сдать, потому что я почти уверена, что это я совершила преступление... Убила. Но каждый раз что-то твердит мне, что нужно подождать. Каждая косточка в моем теле заставляет меня приклеиться к сиденью, пока я не

узнаю больше.

Двери снова распахиваются. На этот раз я узнаю людей, входящих внутрь. Родители Ксавьера и его брат Чарли. Я сразу же встаю и подхожу к ним.

Я позвонила им, как только вышла из здания университета.

Эмилия хватает меня за плечи. Ее глаза широко открыты, а в глазах блестят слезы. — Ты что-нибудь слышала? — спрашивает она меня.

— Нет. Пока нет.

Чарли проходит мимо нас. — Я пойду узнаю. Ему нужен адвокат, — бормочет он себе под нос.

Я тут же останавливаю его. — Он с Уэсом Корландом. В этом деле он не мог желать никого лучше него, Чарли.

Он хмурится. — Уэс? Почему он в этом замешан?

— У нас была с ним лекция, когда арестовали Ксавьера. Я пришла с ним, и с тех пор его не было.

— Они уже предъявили ему обвинение? Что именно они сказали? — вклинился Джошуа. Он самый эмоционально устойчивый. Полагаю, это после многих лет работы под таким высоким давлением.

— Понятия не имею. Они сказали, как обычно. Что он арестован за убийство Сэмюэля и все. Меня не пускают и ничего не говорят. Я пыталась. Так что единственный вариант — ждать.

Наконец-то вошел Уилл. Я не уверена, почему он не пошел со мной с самого начала, но я слишком волновалась за Ксавьера, чтобы думать об этом сейчас. Он видит меня с Чарли и родителями, прежде чем наши глаза встречаются. Его губы сжимаются, и он дергает головой в сторону выхода, показывая, чтобы я следовала за ним. Я не хочу уходить отсюда, не получив новостей, но после часа, когда ничего не происходит, я надеюсь, что ничего не пропущу.

Я положила свою руку на руку Чарли, привлекая его внимание. — Я сейчас вернусь.

Он кивает. Я надеваю куртку и бегу к двери, за которой исчез Уилл.

Мой брат стоит на другой стороне улицы у парка, обхватив руками свой торс. Холодно. Я прячу ладони в рукава толстовки и натягиваю капюшон на голову, чтобы было немного теплее.

Перейдя улицу, я догоняю брата и внимательно наблюдаю за ним. Он выглядит встревоженным, но не так сильно, как я. И это заставляет меня задуматься, действительно ли Ксавьер и он помирились, как они говорили.

— Почему ты так долго?

— Это будет выглядеть странно, если мы все вдруг уйдем вслед за Ксавьером.

Я нахмурилась. — Нет, не совсем. Он твой лучший друг. Это было бы оправдано. Так что еще раз... Почему ты так долго?

Он размыкает губы.

В уголке моих глаз мелькает голова с длинными рыжими волосами, и моя шея поворачивается в направлении полицейского участка. Лучше бы я не узнавала этого человека. К сожалению, узнаю, и в этот момент мой гнев берет верх, а сердце болит.

— Эй!

Холли идет к лестнице полицейского участка. Услышав мой крик, она останавливается.

— Тея, не надо, — говорит Уилл, пытаюсь остановить меня, но я быстрее. Я бегу к ней.

Она слегка улыбается, заправляя волосы за ухо. Ее щеки покраснели от холода, и это еще больше подчеркивает ее большие зеленые глаза.

— Почему ты здесь? Ты здесь никому не нужна, — говорю я ей. Слышать себя такой грубой — не самое приятное чувство. Я ненавижу это, но сегодня все равно не мой день, так что к черту все это.

Она переводит взгляд с меня на Уилла и обратно. — Вообще-то, мне звонили из полиции. Ксавьер назвал мое имя в качестве алиби.

— Что?

Я не понимаю.

— Тея, — зовет меня по имени Уилл. — Я все объясню. Отпусти ее.

— Что значит объяснишь?

Он кивает Холли, и она без лишних слов входит внутрь. Я смотрю на своего брата, который уже на грани. Это превратилось в нечто, чего я не могу понять. От ареста Ксавьера, до незнания того, что происходит за закрытыми дверьми в течение часа, и до того, как Холли вошла в здание полиции в качестве кого? Алиби Ксавьера?

— Ты алиби Ксавьера, черт возьми, Уилл. Мы оба.

Уилл покачал головой. — После... этого, — сглатывает он, шепча так, чтобы никто нас не услышал. — Мы пошли в паб, но в какой-то момент я пошел домой, а Ксавьер остался еще немного. Так что двадцать минут не учтены. Ничего страшного, но это дает возможность для небольшой корректировки.

— Какую корректировку?

Он вздыхает. — Тея, Ксавьер попросил меня упомянуть в полиции о его исчезновении перед тем, как он пришел той ночью. Что он не был со мной все время, и что я вернулся домой один.

— Почему? Почему он поставил под сомнение алиби, которое мы придумали?

— Потому что единственный человек, который, несомненно, находится на радаре полиции — это ты. Ты была участником многих жарких споров с Сэмюэлем. Ты слышала его скрытые расистские высказывания снова и снова, и ты открыто говорила о том, что он тебе не нравится. С одержимостью Сэмюэля это просто перебор. Так или иначе, они вернулись бы к тебе и, не имея других зацепок, выбрали бы наиболее вероятного подозреваемого.

— Без доказательств, это просто «он сказал, она сказала». Вот только Сэмюэль не может говорить, так что я буду в порядке.

— Если они захотят, они найдут способ.

— Это все равно не объясняет, почему Ксавьер решил пожертвовать собой. Я не могу допустить, чтобы он попал в тюрьму за что-то... — Я сглотнула. — За то, что я сделала, — шепчу я.

Уилл вздыхает. Он смотрит на меня, размышляя. Его брови нахмурены, и я вижу нерешительность в его выражении. Затем он делает шаг вперед, наклоняясь к моему уху. — Ты не убивала его, Тея. Это сделал Ксавьер. Он убил, и я дал ему оружие для этого. Ты просто схватила его позже. Возможно, от шока. Но это он.

Мои глаза расширились.

Я никогда не хотела знать наверняка, кто из нас убил Сэмюэля. Лучше не знать, особенно когда все мысли заканчивались на мне. У меня был мотив, у меня были средства, и у меня было помутнение в голове из-за диазепама. Я всегда думала, что это была я.

А теперь...

Ксавьер действительно подходит.

Лео, проблемы с гневом, психические проблемы, защищённость...

Он знал об одержимости Сэмюэля мной.

Он внимательно следил за Сэмюэлем после той драки, которую мы устроили на день рождения Элиаса.

— Он был твоим парнем. Он ненавидел то, как Сэмюэль обращался с тобой, и у нег были предыдущие встречи с полицией. Он был идеальным решением нашей проблемы, потому что они не хотели нас отпустить.

Во мне поднимается гнев. Кровь закипает в моих венах. — Значит, мы просто позволим ему сесть в тюрьму? Нет, блядь! Я на это не согласна. А если придется, я пойду туда и расскажу свою версию. Если они уже работали над моим делом, они мне поверят.

Уилл крепко хватает меня за руку, притягивая еще ближе к себе. Он тоже зол. — Не смей, черт возьми, — говорит он. — Это была идея Ксавьера. Я сделал то, о чем он меня просил, и как бы я ни думал, что он все-таки любит тебя, я также знаю, что он не пошел бы в тюрьму за то, что защищал тебя. И не ради Сэмюэля. Вот почему Холли здесь. Она была в пабе, и они поговорили. У него есть план. У него должен быть план. Иначе нас бы здесь не было.

— Ожидание — не моя сильная сторона, идиот.

— Это сегодня. Поэтому мы вернемся в тот полицейский участок и будем ждать, пока не узнаем больше. Ясно?

Ненавижу это.

Я так это ненавижу.

Блядь.

Клянусь, если они обвинят Ксавьера, я состряпаю свою собственную историю и буду кричать об этом с крыш.

***

Наконец, из задней комнаты выходил Корланд, а Чарли и Холли идут за ним по пятам. После получаса ожидания Чарли больше не может оставаться спокойным и пробивает себе дорогу туда, где держат Ксавьера.

Уилл крепче сжимает мое бедро, пытаюсь удержать на месте. Он знает, что я вполне могу сказать что-нибудь на случай, если они захотят предъявить Ксавьеру обвинение.

— Как все прошло? Где Ксавьер? — Эмилия задает вопросы обоим мужчинам.

Чарли утешает ее, слегка сжимая ее плечо. — С ним все в порядке. Они ни в чем его не обвиняют. Его алиби подтвердилось благодаря Холли, — говорит он нам.

Глаза Холли встречаются с моими, и моя злость на нее исчезает. Как бы я ни ненавидела то, как она усложнила отношения между мной и Ксавьером, мы сами сделали это в большей степени. Кроме того, она пришла на помощь, и я ей благодарна, поскольку для полицейских у нее нет никаких обязательств перед Ксавьером. Они не друзья, и у них никогда не было отношений. Это лучше, чем все, что сделали бы Уилл или я.

— Ксавьер будет здесь, — говорит Чарли, затем бросает взгляд на отца. — Я думаю, нам нужно кое-что обдумать.

Я и без всяких других объяснений знаю, что, что бы ни происходило за закрытыми дверями, было бы здорово, возможно, дать немного денег полицейскому участку. Именно так мои родители обо всем заботятся. Из-за того, что Уилла дважды чуть не отстранили от занятий, в нашей старой средней школе теперь обновленная библиотека.

Это, мягко говоря, абсурд.

Но в моем мире это, к сожалению, просто еще один день.

— Мы что-нибудь организуем, — кивает Джошуа в знак согласия.

Холли прочищает горло. — Я пойду, — говорит она, надевая пальто.

Эмилия подходит к ней и обнимает ее. — Большое спасибо.

— Не за что.

Она идет к дверям, а я почему-то иду за ней.

— Холли, — зову я ее, хватая за руку. Она удивленно оглядывается на меня. Мы никогда по-настоящему не общались, поскольку она учится в аспирантуре и наши занятия никогда не совпадали. Единственное время, когда я ее видела, это в столовой или на юридическом факультете время от времени. Однако она всегда была девушкой, с которой Ксавьер был на свидание, когда мы только познакомились. Та, с которой он учился два года. Вот и все.

— Мне жаль, что я так себя вела, говорю я ей. — Спасибо, что пришла и помогла.

Ее губы растягиваются в мягкой улыбке. — Я понимаю, почему ты так себя вела. Я не помогала в этом деле. Я была влюблена в Ксавьера с тех пор, как мы начали учиться, и ты, наверное, видела, когда я наконец-то смогла провести с ним немного времени в том пабе. Но тебе больше не о чем беспокоиться с моей стороны. Что бы ни происходило, мы с Ксавьером в полном порядке.

— Я никогда не винила тебя, Холли.

— Нет, винила. Я бы тоже.

Я молчу. Ксавьер всегда был общим знаменателем, но, возможно, где-то на этом пути я винила и Холли. Вместе со всеми остальными девушками, о которых я ничего не знала — узнав, что среди них не было тех, с кем изменял Ксавьер. Но я не святая. У меня есть чувства. Негативные тоже, и я винила Холли, даже если не должна была.

— Я не уверена, почему Ксавьер так сильно нуждался в моем алиби. Тем более, что мы только разговаривали, а все остальное было ложью, но, пожалуйста, будь осторожна. Ксавьер всегда был загадкой, поэтому мне и стало любопытно. Но в нем есть все, что может разрушить чью-то жизнь, так или иначе, шепчет она так, чтобы никто ее не услышал.

Она не сказала ничего такого, чего бы я не понимала сама. Еще так много работы, но Ксавьер теперь тоже это понимает. Он старается, и я тоже. Пока мы можем наконец оставить дело Сэмюэля позади, все будет налаживаться.

Я присоединяюсь к остальным. Ксавьера все еще нет.

Корланд объясняет все — от момента ареста до допроса. То, что его продержали здесь не более нескольких часов, произошло благодаря Уэсу. Его связи и осведомленность о том, как все это работает. Нет никаких улик, связывающих Ксавьера с убийством. И последнюю брешь сейчас заполняет Холли.

Написав Офелии и Элиасу, я сообщила им результат, не вдаваясь в подробности. Это было бы совсем не умно.

— Может, нам стоит оставить его сегодня с семьей, — говорит мне на ухо Уилл.

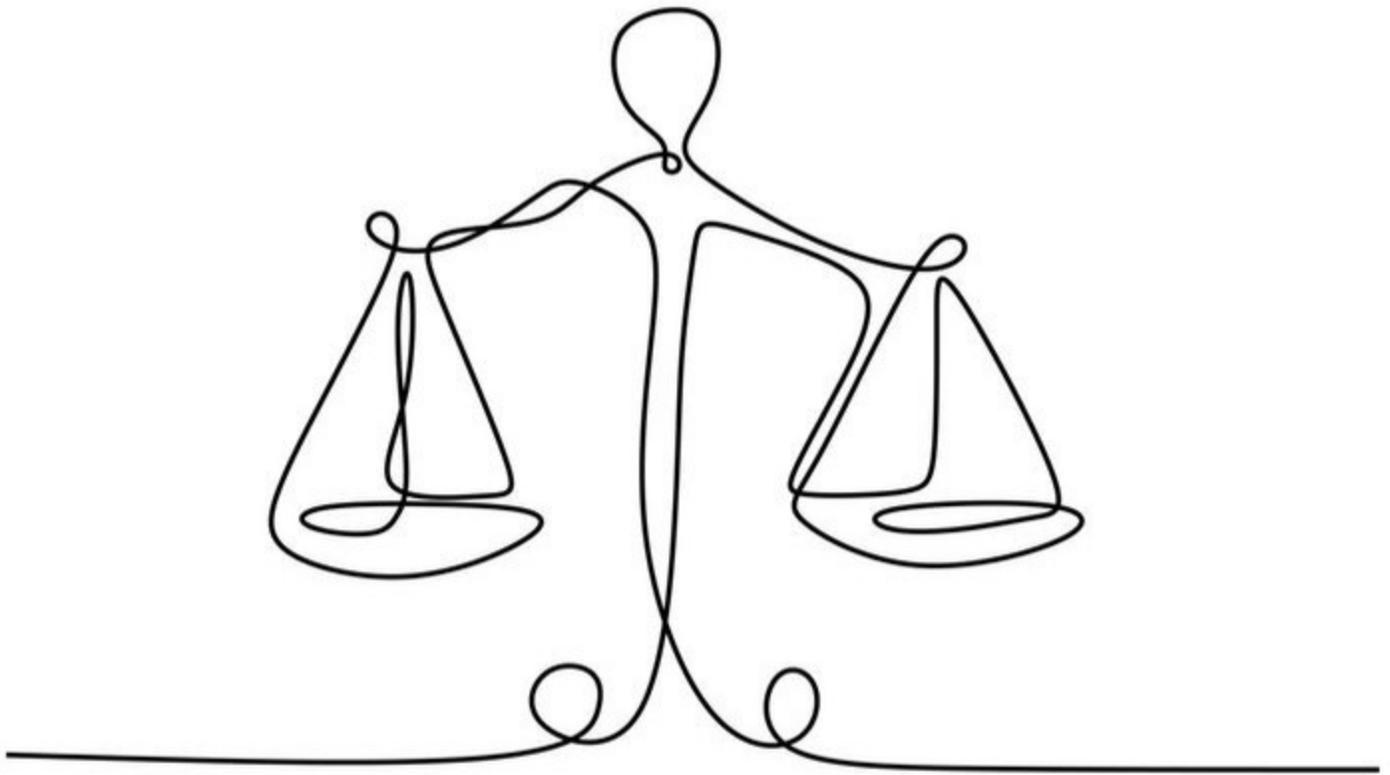
Последнее, чего я хочу, это оставить все как есть. Я знаю, что Ксавьеру не предъявлено обвинение, но, увидев его, моему разуму будет легче усвоить информацию, которую мне уже сообщили. Но Уилл прав. Мы должны пока оставить их в покое. Ксавьер, вероятно, все равно придет вечером. Я смогу продержаться еще несколько часов.

Мы прощаемся со всеми, прежде чем выйти из полицейского участка.

Надеюсь, в последний раз.

Тея

Я жду Ксавьера в Новом дворе колледжа Тринити с фотоаппаратом в одной руке и смятой пустой упаковкой от жевательных мишек в другой. По дороге сюда я забежала в магазин сладостей. Уилл сказал мне, что Ксавьера вызвали в кабинет магистра Тринити вместе с родителями. Обычно это не предвещает ничего хорошего, а после вчерашнего это может быть прямо-таки ужасным знаком.

По дороге я значительно успокоилась. Благодаря сладостям. До всей этой ситуации с диазепамом я заходила в свой любимый магазин сладостей, когда чувствовала тревогу. Набивание рта сахаром всегда помогает. Видимо, это снова мой механизм преодоления тревоги.

Я фотографировала, когда получила новости. Так что последний час я вышагивала по корту в надежде увидеть Ксавьера, когда он выйдет. Машина его родителей припаркована здесь, так что я их не пропущу.

— Сладости, да? — слышу я голос Ксавьера, когда он подходит ко мне. — Я рад, что ты вернулась к своим старым привычкам.

Его родители стоят прямо за мной.

Я улыбаюсь им в знак приветствия, и, поскольку они улыбаются в ответ, мой разум замедляется. Они не выглядят расстроенными или рассерженными, что, полагаю, хороший

знак. Они обнимают меня, приглашая навестить их в ближайшее время, прежде чем они оставляют нас.

— Как все прошло? — спрашиваю я.

— Нормально. Он говорил о плохой огласке, которую мой арест имел для университета, и о том, как это может повлиять на всех. Обычное политическое дерьмо.

Я закатываю глаза и хмыкаю. — Почему я не удивлена, — говорю я себе под нос.

Затем я смотрю на него, мои руки тянутся к нему, чтобы толкнуть его. Почти как будто он ожидал этого, он не двигается под давлением.

— Я ненавижу тебя, — говорю я. — Ты знаешь это?

Он смотрит так, как будто не верит мне. Я полна дерьма, естественно. Но это раздражает меня еще больше.

— Какого черта ты попросил об этом Уилла? Я бы справилась.

— Потому что я хотел убедиться, что так и будет. Тея, ты не видела, как Сэмюэль уделял тебе внимание. Твое внимание всегда было сосредоточено на его словах и скрытом смысле вещей. Никогда на его реакция. Никогда на его поведении.

— Ты мог бы попасть в тюрьму, если бы у тебя не было Холли в качестве чертова алиби, — говорю я ему. — Мне пришлось бы видеть тебя через дурацкое стекло или решетку, или что там еще у них есть во время свиданий. Я знаю, что ты хорошо выглядишь во многих вещах, но тюремная форма может быть самой уродливой на свете, и мне пришлось бы видеть это каждый день до конца моей жизни, и...

— Тея. — Он хватает меня за руки, возвращая к реальности. — Ты много болтаешь, когда у тебя стресс.

Я знаю, что это так.

Я смотрю на него. — И я не прошу себе, если ты окажешься там из-за меня.

— Я в порядке, *Меллилла*. Мы все в порядке.

— Ты не пришёл ко мне вчера.

— Мои родители не уходили, пока не убедились, что с полицией у нас все в порядке. Корланд очень помог, ты знаешь?

Я киваю. Я так и предполагала.

— Я не уверен, почему он помог. Он не так уж хорошо меня знает. У нас было не так много совместных занятий, а супервизии... — Он смотрит на меня. — Ты попросила его об этом?

— Нет, он сделал это по собственному желанию, — говорю я ему. — Корланд ценит ум превыше всего. Находчивость и сильное мнение. Все то, что, безусловно, есть у тебя. Вот почему он выбрал тебя для супервизии со мной, и, вероятно, также поэтому он решил помочь.

— Теперь я, наверное, могу понять, почему он тебе так нравится.

Я наклоняю голову. — Можешь?

Он пожимает плечами. — Я все еще немного ревную. — Он протягивает руку, и я хватаю ее. — Пойдем поедим что-нибудь. Я умираю с голоду.

Мы идем по Троицкому переулку.

Мои глаза притягиваются к нему, когда я сглатываю. — Ксавьер?

Он смотрит на меня, его бровь приподнята в вопросе.

— Ты всегда знал, — начинаю я, немного боясь подходить к этой теме. За последние несколько недель мы прошли через ад со всем. Кажется глупым говорить об этом дальше. Но

я просто должна знать. — Что у тебя есть то, что нужно, чтобы покончить с жизнью?

На мгновение воцаряется тишина, пока он думает, что сказать. Как будто он никогда не задумывался над этим. — Когда нож был в моей руке, в тот самый момент, не было ничего проще.

Я могу это понять. Хотя уничтожение людей никогда не должно быть легким. Они кричат, им страшно и больно. Даже если это плохие люди. И я не помню ни одного момента, когда все это произошло. Мой разум вытеснил воспоминания, чтобы защититься от них. Чтобы справиться.

Он сокращает расстояние между нами. Наши тела соприкасаются.

— Я тебя пугаю?

— Ты меня не пугаешь, — говорю я ему через мгновение. Во мне нет колебаний.

— Тогда почему твое сердце бьется так быстро, что я чувствую его у себя в груди?

— Потому что...

Потому что я люблю тебя так сильно, что мне больно.

Это то, что я хочу сказать. То, что я чувствую.

Он смотрит на меня, ждет.

— Спасибо, — говорю я вместо этого, проглатывая свои чувства. — Я знаю, что с Сэмюэлем на самом деле ничего не произошло, но...

Он гладит мои щеки. — Это могло случиться, Тея. Мы не знаем его душевного состояния. Мы не знаем, был ли он безобиден, и я будь я проклят, если бы позволил этому развиваться и потерять тебя в процессе, — он делает паузу. — Это пиздец. Все. Я знаю, что это так. Но я не могу сожалеть о том, что сохранит тебя в безопасности.

Я грустно улыбаюсь.

Правильно ли то, что произошло, или нет, мне все равно.

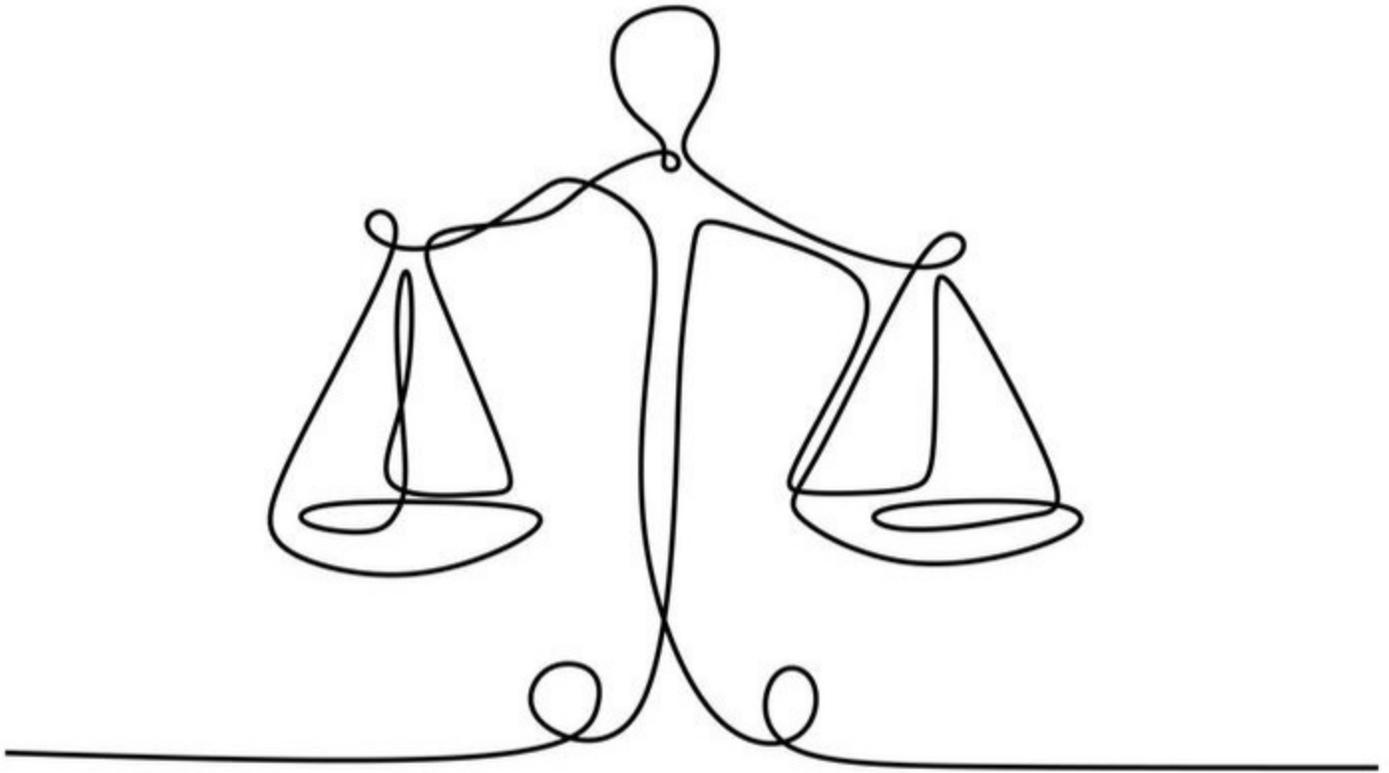
Возможно, это плохо. Может быть, я не в своем уме, чтобы просто отмахнуться от всего этого. В конце концов, это убийство, но кто я такая, чтобы говорить, что было бы. Думать о возможном будущем — пустая трата времени. Я предпочитаю прожить его так, как оно разворачивается передо мной.

— Тея, — шепчет он мое имя. Мои глаза льстит. — Насчет Лео...

Я качаю головой. — Мне все равно.

Я просто не хочу знать правду, потому что это ничего не изменит

Тея

— Меллилла.

Низкий голос Ксавьера царапает мою кожу, и мое сердце ускоряется, когда холодный воздух вторгается в мою спальню. Я всегда оставляю окно чуть приоткрытым, даже зимой, чтобы он мог входить. Сейчас это уже больше похоже на привычку. Однако я всегда была рада, что в многоквартирном доме есть двойные окна. Такие я раньше видела только в американских фильмах.

Сейчас середина ночи, и как бы я ни надеялась, что Ксавьер наконец-то придет, я не думала, что это не произойдет.

— Уилла здесь нет, — шепчу я, не поворачиваясь к нему. Я прижимаюсь бедрами к столу, пальцы сжимают его край. — Ты мог бы воспользоваться дверью.

Он целует мой затылок. — Я мог бы, но ты не меняешь традиций, любимая.

Мурашки пробегают по моей коже, бабочки устраивают лучшую вечеринку в моем животе, когда я чувствую его дыхание.

Его рука хватается меня за плечо, крутя меня вокруг себя. Он прижимается ближе, пока его бедра не прижимают меня полностью к столу. Его рука спускается по моему телу к бедрам, когда он подтягивает меня к себе и усаживает на холодную деревянную поверхность. Очевидно, что этот стол ему слишком нравится.

— Я скучал по тебе, — говорит он.

Я поднимаю бровь. — Правда? Значит, тебе понадобилось много времени, чтобы прийти ко мне.

Я стараюсь хотя бы показать ему, что ждала его прихода. Мы с Уиллом покинули полицейский участок, чтобы у Ксавьера было время поговорить с родителями. Я уверена, что они были весьма удивлены, узнав, что его арестовали за убийство. Все слышали о Сэмюэле. Не только в Кембридже, но и во всей Англии. И его семья тоже. Хотя кто бы мог подумать, что он окажется замешан в этом деле.

Серьезно, я чертовски стараюсь. Когда он так близко, его землистый аромат палисандра, я вдыхаю его, возбуждение проносится сквозь меня, и все напрасно.

Он облизывает нижнюю губу. Я слежу за этим движением, моя киска пульсирует от этой простой вещи. Я чувствую его пристальный взгляд на себе. Ксавьер точно знает, что он делает со мной. Я помню, как он опускался на меня столько раз до этого. Мой живот напрягается, между ног вспыхивает жар при одной мысли об этом.

— Я заглажу свою вину.

Его нос касается моей шеи, и мурашки бегут по позвоночнику. Я жду, когда почувствую его губы на своей коже. Его руки под моими шортами.

Мои глаза закрываются.

— Сначала мне нужно только одно, — шепчет он.

Я выдыхаю хриплый звук. — Что?

Его эрекция ласкает мое тепло через ткань. Моя киска уже мокрая. Ксавьеру не нужно многого, чтобы привести меня в состояние полного забвения.

Где я не помню, что было неправильно, а что правильно. Что я чувствую и что должна чувствовать. Ничего не существует, кроме него.

— Мне нужно, чтобы ты снова стала моей.

При этих словах мои глаза широко раскрываются.

И все нахлынуло на меня. У нас нет отношений. Мы прошли через ад и обратно. Я рассталась с Ксавьером из-за того, насколько токсичными мы были вместе. Как невероятно я была запутана все эти годы.

Как будто кто-то выливает на меня ведро ледяной воды, говоря, чтобы я очнулась.

Я встречаюсь взглядом с Ксавьером. Он наблюдает за моей реакцией, впитывая каждое изменение, которое происходит на моем лице. И если последние месяцы что-то показали мне, то, возможно, и мой разум. Он прекрасно осведомлен обо всем, что касается меня. Его слова имеют значение, поэтому я знаю, что он сейчас серьезен.

— Почему?

— Потому что ты существуешь, — говорит он, и его ладони снова касаются моих щек. — Потому что в тот момент, когда я впервые увидел тебя, я не мог перестать думать о тебе. Вспоминая, как блестели твои глаза от алкоголя в твоей крови. Как твои губы кривились в ухмылке, когда ты понимала, что привлекла мое внимание. Как покраснели твои щеки, осветлив идеальные веснушки, когда я узнал, кто ты. Все это запечатлелось в моем мозгу на всю жизнь. И мне нужно больше этого.

Я знаю, что все изменилось. Возможно, все еще не так, как должно быть. Возможно, нам нужно больше времени, чтобы стать людьми, которые могут быть вместе полностью. Я прожила годы в Кембридже, осознавая, кто такой Ксавьер, но так влюбилась в него, что не могла найти в себе силы изменить это. Сейчас я сама по себе. Больше, чем когда-либо.

Вместе с диазепамом, растворяющимся в моих венах, пришло и сознание.

Проблема лишь в том, что мое сердце не забыло ни одного момента, когда я была счастлива с Ксавьером. Он заставил меня почувствовать себя важной, желанной... самой собой. Все было не так уж плохо. И мы работали над собой. Мое сердце помнит, и оно хочет, чтобы я наконец послушалась.

Он мой.

Он всегда был моим.

И даже сейчас я знаю, что я его.

— Ты все еще мой человек, Тея. Даже несмотря на все твои сомнения, ты всегда была той, кого я хотел и в ком нуждался. Я знаю, я облажался. И не раз. Я позволил тебе слишком сосредоточиться на мне, и мне это нравилось. Я вел себя так, будто ты не можешь мне доверять. Но, блядь... Я клянусь, я работаю над этим. Чтобы быть лучше для тебя и ради тебя. Я стараюсь изо всех сил, потому что не могу представить, что в моей жизни не будет тебя.

Мое дыхание сбивается, мой живот подпрыгивает от его признания.

— Я сделаю для тебя все. Надеюсь, ты хотя бы это знаешь.

— Я знаю, — шепчу я, потому что действительно знаю. Он защищал меня от Сэмюэля. Его арестовали, чтобы отвести от меня подозрения. Это свидетельства этого. О том, насколько правдивы его слова.

— Мой психотерапевт посоветовала мне дать тебе время для себя. Она права. Я просто не могу найти в себе силы слушать. Я дам тебе пространство, но мне нужно, чтобы ты снова стала моей.

Я беру его руки в свои, затем опускаю их вниз, и в глазах Ксавьера мелькает страх. Это такая неизвестная территория, где я могу хорошо его читать.

Его стены не выдерживают меня. Это почти как свежий воздух, которым я дышу.

— Неважно, что произошло, как все изменилось и к чему это нас ведет — я всегда была твоей, Ксавьер. Это ничуть не изменилось. Я почти уверена, что ничто и никто не сможет ничего с этим сделать. — Я сжимаю его руки. — Так что к черту то, что говорит психотерапевт. Я могу иметь свое пространство, а ты можешь работать над собой, и мы можем быть вместе.

Мои ноги дрожат. Я рада, что села.

— Ты уверена, что мы не вернемся к тому, что было? — спрашивает он.

— Независимо от того, что могут подумать люди — я выросла и поняла, как мы ошибались раньше. Я никогда не позволю тебе снова взять надо мной верх и позволить тебе дергать за ниточки. Я не хрупкая. Я никогда не хочу быть такой. Никогда больше.

Мои губы приподнимаются.

Он улыбается и наклоняется. Его рот накрывает мой в сильном, собственническом поцелуе. Стон смешивается с его дыханием, и он глотает звуки. Мои руки обвивают его шею, и я прижимаю его ближе к себе.

Член Ксавьера пульсирует от моего жара, когда я приподнимаюсь. Он крепко держит меня, руки на моей заднице, сильно сжимая ее.

Я стону, вызывая у него смех. Он пожирает мою реакцию, как будто это его любимое блюдо.

Он несет меня через спальню, и я уверена, что он несет меня к кровати. Однако через несколько секунд моя голова слегка ударяется о стекло окна. Воздух дует мне в спину,

которая выгибается дугой от ощущения холода. Окно по-прежнему приоткрыто.

Он проводит губами по моей челюсти и вниз по шее. Ногти впиваются в его плечо с каждым движением языка. Я упираюсь ладонями в подоконник, приподнимаясь, чтобы освободить себе место. Мои бедра начинают кружить вокруг его члена. Он уже такой твердый, что подергивается от давления.

Я подаюсь вперед. Совсем чуть-чуть.

— Блядь, — шепчет он мне в шею.

Он наклоняется ко мне еще больше, так что моя спина почти прижимается к стеклу. Его поцелуи опускаются все ниже, а мои стоны становятся все громче. Когда он достигает глубокого выреза моего топа, его палец проскальзывает под ткань, он поднимает его и бросает на пол. Вскоре там же оказывается и мой лифчик, обнажая мою грудь.

Там горит маленькая лампа, так что тот, кто поднимет глаза, сможет нас увидеть. Я слегка поворачиваю голову, осматривая улицу. Но уже поздно, и я ничего не вижу.

— Тебя это заводит, да? — спрашивает он. — То, что кто-то может увидеть.

Я молчу, мой взгляд устремлен на Ксавьера. Он ухмыляется, глядя на меня сверху вниз.

— Я чувствую, как сжимается твоя киска, любимая.

Он прикусывает мою губу, целуя меня.

— Идеально, — наконец говорю я, удивляясь самой себе. Я не знала раньше, что мне это нравится. Просто есть что-то в том, чтобы показать, что он мой. Это всегда было причиной для публичности. Чтобы все видели, что он принадлежит мне.

Его усмешка раздается в моей груди, а его рука скользит по бокам моего тела, пока не доходит до сисек. Он проводит большим пальцем по затвердевшему пику.

С моих губ срывается еще один стон. Я пытаюсь сосредоточиться на нем, чтобы точно знать, чего он хочет и что чувствует. Его прикосновения не облегчают мне задачу, потому что он точно знает, как мне нравится, когда ко мне прикасаются. Он знает каждую мелочь, каждое движение, и я всегда теряюсь.

Чтобы вернуть хоть какую-то часть своей власти над Ксавьером, я тянусь к нему, расстегиваю пуговицу на его джинсах и просовываю внутрь теплую руку. Поверх трусов я крепко сжимаю его член. Его прикосновения становятся чуть менее твердыми, поэтому я знаю, что это работает. Он дрожит в моей ладони, пока я глажу его от основания до самого кончика. Из головки сочится сперма, и я слегка размазываю ее кончиком пальца, чтобы мои движения по его стволу были более плавными.

Он стонет, его глаза на секунду закрываются. — Ты пытаешься убить меня, любимая, — выдыхает он, заставляя меня хихикать.

— Не в ближайшее время, — обещаю я, обхватывая его шею другой рукой и приближая его для поцелуя. Его губы небрежно касаются моих, и это все, что мне нужно для поощрения.

Ухмыляясь, я глажу его яйца и чувствую, как они пульсируют.

— Тогда не дразни меня, потому что веселья не будет.

— Я уверена, что я получаю удовольствие от жизни.

Глаза Ксавьера наконец открываются, встречаясь с моими, и он мрачно усмехается над моим весельем. — Я чертовски люблю тебя, — говорит он, его губы накрывают мои. Теперь более крепко. Мой живот завязывается в узел.

Его руки лежат на моих шортах, и я вынимаю руку, чтобы помочь ему. Я нажимаю на ладони, мои волосы падают на глаза, пока он стягивает шорты и трусики с моих ног. Его пальцы касаются моей киски, прежде чем он возвращается к моему лицу. Взяв мои волосы в

кулак, он тянет за них, и моя голова падает назад.

Мои внутренности вспыхивают от этого движения. Секс — единственный момент, когда мне совершенно наплевать на то, что он преодолагает любое мое чувство власти. Мне просто нужно, чтобы он был рядом.

— Просто трахни меня. Без прелюдий, — задыхаюсь я, уже сгорая от его рук по всему телу. — Я не могу вынести большего.

— Посмотрим.

Воздух с шумом покидает мои легкие, когда он снимает брюки и трусы, позволяя своему члену вырваться на свободу. Он берет его в ладонь и поглаживает. Мои глаза следят за его движениями, рот наполняется слюной.

Он все еще играет.

Я подношу два пальца к его губам, когда он втягивает их. Наши взгляды устремлены друг на друга. Это кажется самым интимным, и я точно знаю, что краснею. Хотя при тусклом свете это может быть не так заметно.

Когда его слюна стекает с пальцев, я дразню свою киску и легко ввожу их внутрь, начиная повторять движения.

Он наблюдает за мной, а я за ним. Тишина между нами самая комфортная. Я все еще вижу его поглаживания, но не отвожу взгляд от его прекрасных глаз, которые я так люблю.

— Ты прекрасна, — шепчет он, прежде чем шагнуть ближе. Он раздвигает мои ноги.

Мои бедра напрягаются, когда его член оказывается между ними. Моя спина выгибается от этого ощущения. Я рада, что он держит меня в более тесных объятиях, потому что на таком маленьком подоконнике я бы упала в этот момент.

Его кончик проникает в мою щель и посылает по моему телу нить удовольствия. Держа свой ствол, он проникает внутрь через мои складочки. С каждым мгновением моя киска сжимается вокруг него.

— Ты мне нужен, — выдыхаю я, когда он не спешит.

Он усмехается. — Я знаю.

Затем он останавливается, когда он уже наполовину вошел.

— Ксавьер, клянусь, ты еще пожалеешь об этом.

Он вскидывает бровь. — Это угроза, которую я слышу?

— Нет, это...

Он врезается в меня на середине предложения, и мои слова обрываются громким стоном. Моя голова бьется о стекло. Если кто-то проходит мимо, он наверняка заглянет сюда из-за этого звука.

Но мне все равно.

Постоянный ритм приближает мой оргазм с каждой секундой. Я запускаю пальцы в волосы Ксавьера, дергаю их, двигая бедрами навстречу его. Моя влага растекается по его члену все больше и больше, превращаясь в смазку.

Он трахает меня жестко и быстро, но тщательно. Его большой палец лежит на моем клиторе, чтобы доставить мне высшее наслаждение.

Я закрываю глаза, полностью отдаваясь ощущениям. С каждым толчком он крепче прижимает меня к себе, пока я соскальзываю. Это просто невероятно потрясающее ощущение. Я почти неистово бьюсь о его таз.

— Твоя киска такая тугая, любимая, — говорит он и целует меня, его язык борется за доминирование с моим. — Повернись.

Мои глаза вспыхивают, когда он крепче сжимает меня и умело перемещает так, что мои колени оказываются на подоконнике, а груди прижимаются к стеклу. Я упираюсь руками в обе стороны окна, чтобы удержаться на ногах. Ксавьер мелькает позади меня, и я знаю, что нахожусь в безопасности.

— Ксавьер, — шепчу я, когда его член дразнит меня сзади. Одна его рука обхватывает мой живот, а другая снова направляет член в мою киску. Я немного опускаюсь, чтобы принять его. Колени раздвинуты в обе стороны и держат меня так же, как и руки.

Каждый дюйм моей киски заглатывает его, пока мы не смыкаемся вместе.

— Так идеально. — Я слышу его, но едва слышно.

Мои соски дразнит холод стекла, доставляя еще больше удовольствия. Мысль о том, что кто-то может пройти мимо, доводит меня до предела.

Он усердно работает со мной, двигая меня по своему члену. Это не быстро, потому что мы мало что можем сделать с тем пространством, которое мы нас есть, но этого достаточно, чтобы я закричала. Мой звук хриплый. Порыв воздуха, врывающийся через приоткрытое окно снизу, ударяет в мою мокрую киску при каждом толчке члена Ксавьера.

Я вижу его отражение позади себя и то, как его ладони движутся вверх по моему телу, сжимая мои груди. Он перекачивает соски своими пальцами, сильно сжимая их.

Мои руки летят за спину, к шее Ксавье, и только он удерживает меня в этом положении. Я выгибаюсь полностью, отдавая всю власть.

Его движения становятся быстрее, мой оргазм так близок, что я уже не контролирую собственные звуки.

— Черт, — стону я, стенки моей киски дергаются вокруг члена Ксавьера. Мои глаза закатываются.

Он снова щиплет мои соски.

— Моя прекрасная девочка, — шепчет он мне в шею. — Покажи мне, как грязно ты кончаешь на мой член.

Я делаю это, немедленно.

Напряжение спадает, когда мои стенки сжимаются вокруг него. Я объезжаю его, пока он стонет. Его член дергается, выстреливая глубоко внутри меня. Каждый толчок замедляет нас, прежде чем мое тело полностью сдастся. Моя киска полна спермы, когда он выскальзывает из меня, все еще удерживая мой вес.

Он снова обнимает меня, и я обхватываю его ногами и руками. Тот факт, что у него все еще достаточно сил, чтобы удержать меня, впечатляет. Пот стекает по обоим нашим телам. Его футболка немного задралась, обнажая линию живота.

Улыбка скользит по моим губам.

Нам требуется несколько мгновений, чтобы перевести дыхание. Мы не сводим глаз с друг друга. Эмоции летают вокруг нас.

Он мой. Только мой.

Всегда был только моим. И будет только моим.

Навсегда.

Мы не разговариваем. Нет причин для этого, потому что тишина просто идеальна. Он усаживает меня на кровать и целует.

Мои пальцы хватают его футболку, и он помогает мне снять ее. На его лице написано замешательство. Я беру ее и скольжу по телу, окутывая его ароматом, который принадлежит только Ксавьеру. Который я люблю так сильно, что не забочусь ни о чем другом.

Он внимательно наблюдает за мной, когда я опускаю голову на подушку. И все еще смотрит на него. Он следует за мной, обхватывает меня руками и нежно целует в макушку.

— Я тоже тебя чертовски люблю, — говорю я в ответ.

Ксавьер

Даже в людном месте мой взгляд всегда первым делом падает на Тею. Я смотрю, как она берет в руку бокал пива, о чем-то говорит, оживленно жестикулируя другой рукой. На ее лице широкая улыбка. На ней коричневая клетчатая юбка с заправленной в нее черной рубашкой и такого же цвета ботинки. Ее волосы, которые я так обожаю, как обычно, ниспадают локонами по плечам.

От того, как блестят ее глаза, мне хочется просто стоять здесь, в дверном проеме, и смотреть, пока это не покажется жутким. А может, и после.

Сегодня у нас выпускной, поэтому все решили, что пришло время праздновать. Юридические семинары наконец-то закончились. Теперь у каждого из нас есть там много вариантов, на пути к тому, чтобы стать адвокатом. Последние несколько месяцев обучения на юридическом факультете заставляют студентов больше всего думать о том, что делать дальше.

Я решил выбрать магистерскую программу по корпоративному праву на следующие девять месяцев, не планируя пока работать. Надеюсь, скоро у меня появятся новые перспективы. Однако Уилл, находясь в таком же положении, решил пойти со мной. По крайней мере, я не буду умирать в одиночестве в течение нескольких месяцев изучения права.

— Приятно видеть тебя здесь, — слышу я очень знакомый голос.

Повернув голову направо, я вижу Офелию с широкой улыбкой на лице. — Я бы не пропустил самый последний праздник со всеми вами здесь.

После многих месяцев ненависти ко мне за то, что наши с Теей отношения превратились в адский бардак, она снова начинает ко мне тепло относиться. Наконец-то, потому что еще немного, и Тея, возможно, начала бы пересматривать наши отношения.

— Еще бы, — говорит она. — Хотя тебе лучше перестать так смотреть на Тею, иначе они вызовут полицию. А я не уверена насчет тебя, но я покончила с полицией на очень долгое время.

Я смеюсь.

Расследование убийства Сэмюэля было прекращено из-за недостатка улик. Мы в безопасности и можем продолжать жить своей жизнью, не опасаясь ареста. Полиция потеряла всякий интерес к Тее или кому-либо из нас. У них ничего нет. Ни одного свидетеля. Ни одного опровергнутого алиби. Ни уличных камер, зафиксировавших кого-то из нас на неподходящем месте в неподходящее время.

Офелия хватает меня за руку и тянет к нашим друзьям.

Когда мы подходим, глаза Теи встречаются с моими, и ее щеки вспыхивают ярким красным цветом. Веснушки на ее коже стали более четкими, чем раньше. Я обхватываю ее сзади, целуя макушку.

— Может быть, ты хочешь уйти отсюда, любимая, — шепчу я ей на ухо.

Я планировал остаться по крайней мере на час, но, когда в ноздри ударил цветочный аромат духов Теи, я не уверен, что хочу ждать так долго.

Она смотрит на меня, ее глаза блестят, и она начинает хихикать. — Ты только что пришел.

Я хмурюсь. — Как ты можешь быть уверена?

Она ставит пиво, поворачивается ко мне лицом и хлопает меня по груди. Вибрирующий смех прорывается через ее горло. — Ты можешь хоть раз сосредоточиться на чем-то другом?

— Я могу сосредоточиться на множестве вещей одновременно. Разве я не доказывал тебе это много раз за последние три года?

— Нам действительно стоит перестать считать тот год, когда ты был в Испании. Тогда ничего не происходило.

Я пожимаю плечами. — Мне больше нравится, как это звучит, если я говорю, что мы встречаемся уже три года.

— Преувеличение.

Мне все равно. Мы через многое прошли, и постепенно учимся быть вместе. Теперь без секретов, не сказанных слов, вытесненных чувств... и без гребаного дела об убийстве на руках. Я все еще посещаю терапию, чтобы лучше воспринимать все происходящее и справляться со своим гневом, а Тея заново учится доверять мне. Где-то на этом пути мы оба потеряли определенные способности.

— У тебя завтра первый рабочий день, не так ли? — спрашиваю я.

Тея решила не продолжать обучение в аспирантуре, и ей предложили стажировку в юридической фирме Уэса Корланда, прежде чем она сможет сдать квалификационный экзамен на получение статуса солиситора (прим. солиситор — категория адвокатов в Великобритании, ведущих подготовку судебных материалов для ведения дел адвокатами высших судов). Корланд предложил ей это после нашей последней супервизии, и я никогда

не слышал, чтобы она так быстро согласилась.

Правильно. Она сможет работать над делами, которые бросят ей вызов, и одновременно учиться у лучших специалистов в области уголовного права. Будь то мошенничество, убийство и тому подобное. Это прекрасно сочетается с ее стремлением помогать другим. Если бы она начала с менее известной фирмы, которая не всегда может выбирать клиентов, это было бы не так просто.

Кроме того, она окончила школу лучшей в году. Я был вторым. И нет, я не дал ей поблажку. Просто мне было все равно.

— У меня есть два дня для ознакомительных занятий, прежде чем я приступлю к работе. Мне не нужно так много отдыха.

Она уже знает, почему я спросил.

Затем она снова поворачивается, чтобы продолжить разговор.

Я улыбаюсь. Моя рука перемещается к ее животу. Мои пальцы проходят немного ниже, и я слегка массирую ее. Ее тело напрягается от моих движений. Ее ногти впиваются в мою другую руку. Она крепко прижимается ко мне. Ее губы изгибаются в тонкую линию, пытаюсь сдержать рвущиеся наружу стоны. Я еще не добрался до ее киски, но она уже накаляется.

— Ксавьер, — зовет Уилл сзади меня. — Хочешь пива?

Я киваю и, отпустив Тею, подхожу к своему лучшему другу, чтобы взять выпивку.

— Ты уже определился с местом? — спрашивает он тихим голосом.

Я хочу сделать Тее предложение в ближайшее время, поэтому, естественно, я попросил у Уилла ее руки. Это очень старомодно, но, полагаю, это мой способ убедиться, что он действительно не против наших отношений. Слава Богу, так оно и есть.

Что касается ее родителей, я наконец-то познакомился с ними, и я рад, что не слышал ни от кого из них неуважительного отношения к Тее, потому что я бы им точно не понравился. Но просить у них ее руки — это не то, о чем я мог бы подумать.

Покачав головой, я беру пиво и делаю глоток. — Все, что я знаю, это то, что она не может быть нигде на людях. Она ненавидит внимание.

Уилл кивает. — Верно. Ты спрашивал у Офелии?

— Ты с ума сошел? Она расскажет ей. Я знаю, что так и будет.

Поскольку предложение — это вещь, которую не следует раскрывать заранее, если вы почти уверены в ответе, то есть, я знаю, что мне нужна помощь. Но Офелия не стала бы держать это в себе. Что бы она ни говорила. Так что просить ее о помощи в выборе места, где сделать предложение, не имеет смысла.

Тея не хочет ничего грандиозного. Она так и сказала, когда мы гипотетически затронули эту тему неделю назад. Ну, для нее это было гипотетически. Для меня это было хорошим началом плана.

— Честно говоря, просто прочувствуй момент и спроси. Для Теи не имеет значения, когда и как.

Я открываю рот, чтобы ответить ему, но в этот момент Тея бросается ко мне. — Мы уходим, — говорит она, быстро целуя Уилла в щеку. Она изо всех сил старается оставаться спокойной, но она возбуждена. Это так ясно видно по ее глазам. К счастью, ее брат не замечает этого. Или делает вид, что не замечает.

Я быстро допиваю свое пиво, касаюсь плеча Уилла и выхожу вслед за ней из паба.

— Ты раздражаешь, ты знаешь это? — ворчит она, когда мы идем к моей квартире. Она живет у меня уже месяц. Больше, чем у себя дома.

— Я ничего не сделал.

Она закатывает глаза, слегка толкая меня. — Конечно. А я — королева Англии.

Усмехнувшись, я поклонился. — Очень приятно познакомиться с вами, Ваше Величество.

Ее смех разносится по улице. Она никогда не была такой непринужденной с тех пор, как я ее знаю. Но, опять же, я тоже не был таким, как сейчас. Я всегда думал, что люди не меняются. Теперь я почти уверен, что для этого нужна правильная ситуация или правильный человек — или и то, и другое.

Она ускоряет темп, чтобы преградить мне путь. Ее тело врезается в мое, она встает на цыпочки, сцепляет пальцы на моем затылке и целует меня. Я немедленно целую ее в ответ, углубляя поцелуй. Ее сладкий вкус на моем языке.

— Выходи за меня замуж, — сразу же шепчу я. Мне кажется, что это самый подходящий момент.

Я прижимаюсь лбом к ее лбу, и ее глаза распахиваются. — Ч-что?

Я провожу большим пальцем по ее губам, прежде чем снова поцеловать ее. — Выходи за меня замуж, — повторяю я.

— Когда мы говорили, я думала, что если это и случится, то только через много лет. А не через неделю.

— Если я попрошу тебя, это не значит, что я женюсь на тебе прямо сейчас. Хотя, я бы не отказался и от этого. Разбудить священника и все такое. Звучит почти поэтично, не находишь?

Ее бровь приподнялась. — Звучит безумно.

Я глажу ее по щекам, ее глаза все еще смотрят на меня. — Мое сердце есть и всегда будет твоим, *Меллилла*, — говорю я ей. — Может быть, это безумие, когда у нас есть все время в мире. Но все это время я хочу провести с тобой, как со своей женой.

Она смягчается, ее плечи расслабляются, когда она прижимается ко мне. Я обхватываю ее бедра. — Хотя я не уверена, что я здесь надолго, — поддразнивает она, используя слова, которые уже однажды говорила.

— Отлично, я рад, что ты согласна, невеста.

— Я никогда этого не говорила.

— Нет свидетелей, здесь нет никого, кто мог бы подтвердить твою версию событий.

Она улыбается. — Говоришь как настоящий адвокат.

— Всегда.

Ничто не идеально. Но все идет своим чередом.

Медленно, но верно.

Конец

Перевод группы: t.me/ecstasybooks